

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

Капустин Сергей Александрович

**Методологическое значение работ Э. Фромма
для психотерапии и психологического
консультирования**

5.3.6. Медицинская психология
(психологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Научный консультант:
доктор психологических
наук, профессор,
академик РАО
Зинченко Ю.П.

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ЧАСТЬ I. РАЗРАБОТКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ПРОБЛЕМ КЛИЕНТОВ ПСИХОТЕРАПИИ И ЕЕ ЦЕЛИ	16
Глава 1. Представления о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели в гуманистическом психоанализе Э. Фромма как основа для разработки интегративного подхода.....	16
Глава 2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в психоанализе З. Фрейда с точки зрения интегративного подхода.....	34
Глава 3. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в индивидуальной психологии А. Адлера с точки зрения интегративного подхода.....	46
Глава 4. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в аналитической психологии К. Юнга с точки зрения интегративного подхода.....	57
Глава 5. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в гуманистической психологии К. Роджерса с точки зрения интегративного подхода	74
Глава 6. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в экзистенциальной психологии В. Франкла с точки зрения интегративного подхода	87
Выводы	98
ЧАСТЬ II. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМ, СУПРУЖЕСКИМ И ЛИЧНЫМ ПРОБЛЕМАМ	102
Глава 7. Методика исследования.....	102
Глава 8. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации.....	105
8.1. Характеристика стилей родительского воспитания на основе данных бесед с клиентами.....	105
8.1.1. Гиперопека и ее виды.....	106
8.1.2. Сверхтребовательность и ее виды	111
8.1.3. Виды сочетаний гиперопеки и сверхтребовательности	117
8.1.4. Классификация стилей родительского воспитания.....	119

8.2. Результаты тестирования стилей родительского воспитания клиентов	121
8.3. Обсуждение результатов.....	133
8.3.1. Обзор исследований стилей родительского воспитания и их влияния на развитие личности детей и возникновение у них проблем	133
8.3.2. Сопоставление полученных результатов с представленными в литературе.....	156
8.3.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа гиперопеки и сверхтребовательности	162
8.4. Выводы.....	169
Глава 9. Влияние гиперопеки и сверхтребовательности на развитие личности детей и возникновение у них проблем.....	171
9.1. Характеристика личности и проблем детей на основе данных бесед с клиентами	171
9.1.1. Особенности личности и проблемы детей в семьях с чистой гиперопекой.....	171
9.1.2. Особенности личности и проблемы детей в семьях с чистой сверхтребовательностью.....	176
9.1.3. Особенности личности и проблемы детей в семьях со смешанными стилями родительского воспитания	183
9.2. Результаты тестирования детей.....	186
9.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа особенностей личности детей.....	190
9.4. Выводы.....	196
Глава 10. Стили родительского воспитания в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, и их влияние на развитие личности детей.....	198
10.1. Семьи, в которых использовался сбалансированный стиль воспитания	198
10.1.1. Характеристика сбалансированного стиля воспитания	199
10.1.2. Использование стратегии интегративного подхода для анализа сбалансированного стиля воспитания.....	208
10.1.3. Влияние сбалансированного стиля воспитания на развитие личности детей	214
10.1.4. Использование стратегии интегративного подхода для анализа особенностей личности детей.....	220
10.2. Семьи, относящиеся к другим категориям.....	223
10.2.1. Семьи, в которых использовались гиперопека или сверхтребовательность.....	223

10.2.2. Семьи, в которых использовался недостаточно сбалансированный стиль воспитания.....	223
10.2.3. Семьи, в которых в настоящее время используется сбалансированный стиль воспитания, но ранее была гиперопека или сверхтребовательность.....	226
10.3. Выводы.....	230
Глава 11. Значение результатов исследования детско-родительских проблем для анализа консультационных случаев с проблемами взрослых людей.....	233
11.1. Анализ случаев с супружескими проблемами.....	234
11.1.1. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны одного из супругов к другому.....	234
11.1.2. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны тещи к зятю или свекрови к невестке.....	237
11.1.3. Случаи, в которых личность одного из супругов сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.....	239
11.1.4. Случаи, в которых со стороны одного из супругов осуществлялась сверхтребовательность, а личность другого сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.....	241
11.1.5. Использование стратегии интегративного подхода для анализа супружеских проблем.....	244
11.2. Анализ случаев с личными проблемами.....	245
11.2.1. Случаи с типом личности, сформировавшимся под влиянием гиперопеки.....	245
11.2.2. Случаи с типами личности, сформировавшимися под влиянием сверхтребовательности.....	249
11.2.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа личных проблем.....	254
11.3. Выводы.....	255
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	257
ВЫВОДЫ.....	264
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	267

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Одной из важнейших задач психологии является разработка научно обоснованных рекомендаций по оказанию психологической помощи людям в решении возникающих в их жизни проблем. Наиболее значительные результаты в этой области достигнуты в психотерапии, где существует множество теорий, в которых проделана большая работа по осмыслению и научному обоснованию психотерапевтической практики. Среди них следует особо выделить всемирно известную группу теорий, оказавших и продолжающих оказывать непреходящее влияние на становление и развитие психотерапии. Эту группу объединяет общее положение о том, что важнейшими типичными, т.е. наиболее распространенными предпосылками проблем клиентов психотерапии являются особенности их личности, из которого следует основная цель психотерапевтической практики, заключающаяся в том, чтобы помочь клиентам устранить эти предпосылки. К этой группе безусловно относятся теории З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, Э. Фромма, К. Роджерса и В. Франкла. Наше исследование продолжает традицию, заложенную в этой группе теорий, в которой делается акцент на важнейшей роли личностных предпосылок клиентов психотерапии в возникновении их проблем.

Несмотря на то, что все эти авторы указывают на важную роль личностных особенностей клиентов психотерапии в возникновении их проблем, у них отсутствует единое, общее понимание того, в чем они состоят, а следовательно, и единое, общее понимание конечной цели психотерапии. Это обусловлено тем, что для описания этих особенностей они используют разные понятия, которые являются следствием их глобальных различий в теоретических представлениях о личности, на что справедливо указывают авторы ряда известных учебников по психологии личности (Асмолов, 2007; Мадди, 2002; Фрейджер, Фейдимен, 2001; Холл, Линдсей, 1997; Хьелл, Зиглер, 1997). Так, в работах З. Фрейда базовыми понятиями, используемыми для описания личности, являются инстанции Сверх-Я, Я и Оно; в работах

А. Адлера — цель достижения превосходства, чувство общности, индивидуальный жизненный стиль; К. Юнг использует для описания личности такие понятия как Я, Тень, Анима (Анимус), Персона, Самость; Э. Фромм — природа человека, экзистенциальные дихотомии, схемы ориентации и поклонения, продуктивная и непродуктивная личность; у К. Роджерса базовые понятия, на которых строится его теория личности, это врожденная человеку тенденция к самоактуализации, Я и Опыт, условные ценности; у В. Франкла — духовность, свобода и ответственность человека за смысл своей жизни.

Указанные различия в описаниях личности клиентов психотерапии порождают проблему объяснения причин этих различий, которых, по меньшей мере, может быть два: 1) авторы каждой из указанных теорий работали преимущественно с разным контингентом клиентов, которым свойственны разные личностные особенности; 2) большинство клиентов, с которыми сталкивались авторы этих теорий, обладают такими общими, объективно присущими им всем личностными особенностями, которые допускают их рассмотрение с разных теоретических позиций.

В свое время с этой проблемой столкнулся К. Юнг. Анализируя возможные причины различий теорий З. Фрейда и А. Адлера, он писал, что «нельзя же ... полагать, что судьба столь изощренно сортирует пациентов, что всякий раз лишь одна определенная группа попадает к определенному врачу» (Юнг, 1994б, с. 77). «Оба явно исходят из того же самого опытного материала; но так как они, в силу своего психологического своеобразия, видят вещи по-разному, то они и развивают в корне различные взгляды и теории» (Юнг, 1994б, с. 75). Таким образом, К. Юнг объясняет теоретические различия З. Фрейда и А. Адлера вовсе не тем, что они работали с разным контингентом клиентов, а тем, что они по причине их собственного психологического своеобразия по-разному воспринимали клиентов. В нашей работе мы исходим из возможной правомерности второго объяснения, и, если действительно в различных теориях представлены разные точки зрения на объективно

присущие клиентам психотерапии одни и те же личностные особенности, то из этого следует возможность разработки такого подхода, который позволил бы интегрировать эти разные точки зрения на одну и ту же реальность на каких-то общих для всех них теоретических основаниях.

Цель исследования.

На основе работ Э. Фромма разработать интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели, который позволит с единой, общей позиции рассмотреть различные точки зрения по этим вопросам, содержащиеся в ряде всемирно известных теорий психотерапии, и показать эффективность использования стратегии интегративного подхода в современной практике психологического консультирования.

Объект исследования. Психотерапевтические теории Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла.

Предмет исследования. Методологическое значение представлений Э. Фромма о природе человека, продуктивной и непродуктивной личности для анализа психотерапевтических теорий З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели.

Гипотезы исследования.

1. На основе работ Э. Фромма можно сформулировать основные теоретические положения интегративного подхода к пониманию типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели, который позволит рассмотреть с единой, общей позиции различные точки зрения по этим вопросам, содержащиеся во всемирно известных и, вместе с тем, отличающихся друг от друга теориях психотерапии З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла.

2. Стратегию интегративного подхода можно успешно использовать в практике психологического консультирования для выявления личностных предпосылок многих детско-родительских, супружеских и личных проблем

клиентов, с которыми они обращаются за помощью в настоящее время, а также для выявления личностных особенностей членов семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.

Задачи исследования.

1. На основе анализа теоретических представлений Э. Фромма о природе человека, продуктивной и непродуктивной личности сформулировать конкретные теоретические положения интегративного подхода к пониманию типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели.

2. Провести анализ теоретических представлений о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, содержащихся в работах З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла, с единой, общей позиции, задаваемой этими теоретическими положениями интегративного подхода.

3. Показать эффективность использования стратегии интегративного подхода для выявления личностных предпосылок детско-родительских проблем клиентов психологической консультации.

4. Показать эффективность использования стратегии интегративного подхода для анализа особенностей личности членов семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.

5. Показать эффективность использования стратегии интегративного подхода для выявления личностных предпосылок супружеских и личных проблем взрослых клиентов психологической консультации.

Методологическая основа. Положения гуманистического психоанализа Э. Фромма об объективной и неискоренимой противоречивости природы человека в виде экзистенциальных дихотомий, а также о схемах ориентации и поклонения продуктивной и непродуктивной личности, различающихся по критерию их соответствия природе человека.

Методы исследования. Основным методом эмпирического исследования является метод беседы в сочетании с наблюдением за

поведением ее участников и методом тестов. Для количественного представления полученных в исследовании результатов и их сопоставления использовались методы статистической обработки и анализа.

Количественная характеристика проанализированных случаев. В эмпирической части исследования проанализировано 296 случаев из нашей собственной практики работы с клиентами психологической консультации, которые обращались за помощью в решении их проблем, из них 176 случаев – с детско-родительскими проблемами, 66 – с супружескими и 54 – с личными. Среди случаев с детско-родительскими проблемами в 112 (64%) они возникали в семьях с детьми мужского пола, в 64 (36%) – женского, возраст детей варьировал от 3 до 17 лет. Также проанализировано 38 случаев с семьями, члены которых никогда не обращались в психологическую консультацию за помощью в решении каких-либо проблем, в которых было 62 ребенка (32 – мужского пола и 30 – женского), и в каждой из них хотя бы один ребенок в возрасте от 3 до 17 лет.

Научная новизна полученных результатов

1. В результате анализа работ Э. Фромма нами впервые сформулированы три теоретических положения, на которые составляют основу предложенного в настоящей работе нового интегративного подхода к пониманию типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели.

Первое положение указывает противоречивую заданность жизни человека в виде экзистенциальных дихотомий, которые представляют собой объективно свойственные ей неискоренимые двухальтернативные противоречия между разными ее сторонами, предстающие перед человеком как проблемы, требующие разрешения.

Второе положение касается типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии, которые характеризуются особенностями содержания и формирования ценностной позиции их личности по отношению к экзистенциальным дихотомиям. По содержанию эта позиция является

односторонней, поскольку она не соответствует противоречивой заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, ориентируя клиентов на важность и значимость реализации в их жизни только каких-то одних ее противоречивых сторон и препятствуя реализации других. Формирование у клиентов такой позиции происходит на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия, под влиянием внешних факторов или испытываемых ими побуждений и чувств.

Третье положение характеризует цель психотерапии, которая заключается в изменении ценностной позиции личности клиентов и по содержанию, и по формированию. По содержанию ценностная позиция личности клиентов должна стать более компромиссной, т.е. в большей степени соответствовать объективной заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, ориентируя клиентов на важность и значимость реализации в их жизни обеих ее противоречивых сторон. Эта позиция должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии связи собственных личностных особенностей с возникновением их проблем и вытекающего из этого осознания понимания того, что изменение этих личностных особенностей приведет к решению проблем.

2. Анализ психотерапевтических теорий З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла показал, что содержащиеся в них различные представления о личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели допускают возможность их рассмотрения с этой новой единой, общей позиции, задаваемой тремя указанными положениями интегративного подхода:

Во всех теориях выявлены конкретные, специфичные для каждой из них виды экзистенциальных дихотомий, которые лежат в основе теоретических представлений их авторов о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели.

Во всех теориях типичные личностные предпосылки клиентов психотерапии характеризуются общими особенностями содержания, и в трех из них — общими особенностями формирования ценностных позиций их личности. По содержанию эти позиции являются односторонними по отношению к специфичному для каждой теории виду экзистенциальной дихотомии. В трех теориях указывается, что эти односторонние ценностные позиции формируются у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе; в двух остальных — вопрос об их формировании не обсуждается.

Во всех теориях цель психотерапии заключается в изменении односторонних ценностных позиций клиентов на более компромиссные, признающие важность и значимость реализации в их жизни обеих сторон специфичной для каждой теории экзистенциальной дихотомии. Эти изменения должны осуществляться клиентами самостоятельно и на рациональной основе.

3. Показана эффективность использования стратегии интегративного подхода для выявления личностных предпосылок многих детско–родительских, супружеских и личных проблем клиентов, обращающихся в психологическую консультацию в настоящее время.

На основе результатов исследования консультационных случаев с детско–родительскими проблемами разработана классификация основных стилей родительского воспитания, представляющая собой разновидности гиперопеки и сверхтребовательности, в основу которой положен новый по сравнению с уже известными классификациями родовидовой принцип. Установлено, что в этих стилях проявляется занимаемая родителями в воспитании своих детей односторонняя ценностная позиция по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий. Эти стили воспитания способствуют формированию у детей трех типов личности (ориентированного на внешнюю помощь, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей и ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей) с такими же, как и

у их родителей, односторонними ценностными позициями по отношению к тем же самым видам экзистенциальных дихотомий. У детей с данными типами личности, при столкновении с требованиями со стороны своего ближайшего социального окружения, не соответствующими их личностным возможностям, начинают возникать и развиваться проблемы социальной адаптации. Выявлена и описана новая важная для понимания полноценного развития детей экзистенциальная дихотомия помощи—самостоятельности. Показано, что односторонняя ценностная позиция родителей, занимаемая по отношению к этой дихотомии в воспитании своих детей, приводит к возникновению детско-родительских проблем.

Среди случаев с семьями, члены которых никогда не обращались в психологическую консультацию за помощью в решении каких-либо проблем, выявлен и описан стиль родительского воспитания, обозначенный как сбалансированный, в котором проявляется занимаемая родителями в воспитании своих детей компромиссная ценностная позиция по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий. Эта позиция вырабатывается самими родителями на рациональной основе, а именно, целенаправленно и осознанно. Данный стиль воспитания способствует формированию у детей сбалансированного типа личности, для которого характерна компромиссная ценностная позиция по отношению к тем же, как у их родителей, видам экзистенциальных дихотомий, не провоцирующая возникновение у них проблем социальной адаптации.

В более 78% консультационных случаев с супружескими и личными проблемами взрослых людей обнаружено, что их возникновение тесно связано с односторонней ценностной позицией личности по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий или самих клиентов, или личности людей из их ближайшего окружения, прежде всего, супругов и родителей.

Теоретическая значимость полученных результатов

Основные положения интегративного подхода следует рассматривать

как методологические, поскольку они являются общей фундаментальной основой, на которой строятся различные более частные представления о личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели, содержащиеся в проанализированных психотерапевтических теориях З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. Все эти авторы обращают внимание на важную роль для понимания личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии объективно существующей противоречивости человеческой жизни, заданной в виде экзистенциальных дихотомий, и каждый из них строит свою теорию и практику на основе выявленной им частной дихотомии. Интегративный подход также задает методологическую основу и для разработки возможных других новых психотерапевтических теорий, основанных на выявлении новых экзистенциальных дихотомий, неадекватное разрешение которых может приводить к возникновению у людей проблем. В результате проведенного нами анализа детско–родительских проблем этот подход уже позволил выявить и описать новую присутствующую в жизни детей экзистенциальную дихотомию помощи—самостоятельности, которая помогла понять важную роль особенностей ценностной воспитательной позиции родителей по отношению к этой дихотомии в возникновении у детей проблем социальной адаптации.

Практическая значимость полученных результатов

Использование стратегии интегративного подхода для анализа случаев из современной практики психологического консультирования по детско–родительским, супружеским и личным проблемам показало ее эффективность для выявления личностных предпосылок проблем клиентов, что является необходимым условием оказания им научно обоснованной психологической помощи. Также идеи интегративного подхода и результаты наших исследований указывают на важность учета объективно существующих в жизни человека экзистенциальных дихотомий в практике воспитания детей, поскольку возникновение типичных проблем у клиентов психотерапии и многих проблем у клиентов психологического консультирования является

следствием именно таких стилей их родительского воспитания, которые не учитывают объективную противоречивость человеческой жизни.

Обоснованность выводов, достоверность и надежность результатов исследования

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена логикой построения исследования, тщательной обоснованностью выводов поведенного анализа психотерапевтических теорий; количеством проанализированных консультационных случаев (176 случаев – с детско-родительскими проблемами и 120 – с личными и супружескими), результатами сравнительного анализа консультационных случаев с детско-родительскими проблемами и случаев с семьями, никогда не обращавшимися за помощью в психологическую консультацию для решения каких-либо проблем; согласованностью результатов, полученных с помощью адекватно подобранными методов сбора данных (наблюдения, беседы, тестов), корректным применением методов статистической обработки и анализа результатов.

Положения, выносимые на защиту

1. С точки зрения интегративного подхода, разработанного на основе работ Э. Фромма, в психотерапевтических теориях З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла указывается на существование в жизни человека специфичного для каждой из этих теорий вида экзистенциальной дихотомии.

2. С точки зрения интегративного подхода, разработанного на основе работ Э. Фромма, в психотерапевтических теориях З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла типичные личностные предпосылки проблем клиентов характеризуются односторонностью их ценностной позиции по отношению к специфичному для каждой из этих теорий виду экзистенциальной дихотомии, что не соответствует объективно противоречивой заданности человеческой жизни.

3. С точки зрения интегративного подхода, разработанного на основе работ Э. Фромма, в психотерапевтических теориях З. Фрейда, А. Адлера,

К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла основная цель психотерапии заключается в изменении односторонних ценностных позиций клиентов на более компромиссные, в большей степени соответствующие объективно противоречивой заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, которое должно осуществляться клиентами самостоятельно и на рациональной основе, т.е. на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте того, что именно особенности их личности способствовали возникновению у них проблем.

4. Стратегия интегративного подхода является эффективной для выявления личностных предпосылок многих детско-родительских, супружеских и личных проблем клиентов психологической консультации, с которыми они обращаются за помощью в настоящее время.

Апробация результатов исследования. Результаты диссертационной работы были доложены и обсуждены на пленарном заседании Всероссийской научной конференции «Современные представления о психической норме и патологии: психологический, клинический и социальный аспекты» (Капустин, 2015), заседаниях кафедры методологии психологии факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова (2019, 2024), XVI Европейском конгрессе по психологии (Kapustin, 2019).

Структура диссертации. Диссертация состоит из двух частей, одиннадцати глав и заключения. Объем диссертации составляет 292 страницы, в ней представлены 30 таблиц и 19 рисунков. Список литературы включает 372 источника.

ЧАСТЬ I. РАЗРАБОТКА И ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ПРОБЛЕМ КЛИЕНТОВ ПСИХОТЕРАПИИ И ЕЕ ЦЕЛИ¹

Глава 1. Представления о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели в гуманистическом психоанализе Э. Фромма как основа для разработки интегративного подхода²

Специфика психотерапевтического направления Э. Фромма, которое он сам назвал гуманистическим психоанализом, состоит в том, что оно разрабатывалось в контексте традиционных философских этических проблем: что есть добро и зло для человека, какие поступки являются добродетельными или недобродетельными, существуют ли абсолютные ценности человеческой жизни или они для каждого индивидуальны. По поводу тесной связи этики с проблемами клиентов, наблюдавшимися в его собственной

---

¹ Капустин С.А. Интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и психологического консультирования. М.: Когито-Центр, 2022. 259 с.; Капустин С.А. Критерии нормальной и аномальной личности в психотерапии и психологическом консультировании. М.: Когито-Центр, 2014. 239 с.; Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. М.: Когито-Центр, 2013. 101 с.; Капустин С.А. Теории нормальной и аномальной личности в классических направлениях психотерапии: проблема интеграции. М.: ООО УМК «Психология», 2000. 96 с.

² Капустин С.А. Методологическое значение работ Э. Фромма для разработки интегративного подхода к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. № 2. С. 61-79; Капустин С.А. Новый критерий нормальной и аномальной личности // Национальный психологический журнал. 2018. № 2. С. 13-21; Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности в психотерапии // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белополюская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 11-21; Kapustin S.A. An existential criterion of normal and abnormal personality // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019). Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 665; Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Erich Fromm // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 2. P. 87-98.

психотерапевтической практике, Э. Фромм высказывается достаточно определенно, указывая, что «наше поведение во многом определяется ценностными суждениями, и на их обоснованности зиждется наше психическое здоровье и благополучие... Во многих случаях неврозы представляют собой специфическое выражение морального конфликта, и успех терапии зависит от осознания личностью своей моральной проблемы и ее разрешения» (Фромм, 1993, с. 19).

С его точки зрения, в этике можно выделить одно крупное направление — он называет его направлением гуманистической этики, — которое имеет самое непосредственное отношение к психотерапевтической практике. Специфика этого направления раскрывается Э. Фроммом через его противопоставление авторитарной этике.

Гуманистическая этика отличается от авторитарной по двум основным критериям, обозначенным Э. Фроммом как формальный и содержательный. Эти критерии указаны в таблице 1 в виде определенных вопросов.

Таблица 1 - Различия между авторитарной и гуманистической этикой по Э. Фромму

Критерий	Авторитарная этика	Гуманистическая этика
1. Формальный: кто и как должен устанавливать человеку систему ценностей, которыми ему следует руководствоваться в своей жизни?	Кто? Другие люди, потому что он сам не способен познать, что есть добро и зло в его жизни. Как? На иррациональной основе, а именно, помимо его сознательного и разумного участия, опираясь на испытываемое им чувство доверия по отношению к ним.	Кто? Сам человек, потому что он сам способен познать, что есть добро и зло в его жизни. Как? На рациональной основе, а именно, на опираясь на собственный познавательный опыт и разум.
2. Содержательный: для чего человеку нужна система ценностей?	Для того, чтобы другие люди могли управлять поведением человека в их интересах.	Для управления своим поведением в своих собственных интересах.

Как следует из таблицы 1, различия этих двух этических направлений заключаются в диаметрально противоположных ответах на вопросы о том, кто и как должен устанавливать для человека систему ценностей, которой ему

следует руководствоваться в своей жизни, и для чего ему необходима система ценностей. С точки зрения авторитарной этики, сам человек не способен к познанию добра и зла, поэтому, во-первых, формировать у него систему ценностей должны другие люди, которые обладают этими знаниями, а во-вторых, формировать ее на иррациональной основе, т.е. помимо собственного сознательного и разумного участия человека, опираясь на его чувство доверия по отношению к ним. Следовательно, сформированная таким образом у человека система ценностей нужна в большей степени другим людям для управления его поведением в каких-то их собственных интересах. В гуманистической этике, напротив, безоговорочно признается, что сам человек способен к познанию добра и зла, опираясь при этом на свой собственный опыт и разум, и на этой основе — к рационально обоснованному самоопределению в ценностях собственной жизни. Поэтому такая система ценностей нужна самому человеку для управления своим поведением, исходя из своих собственных интересов.

В гуманистической этике Э. Фромм, в свою очередь, выделяет два направления: субъективистское и объективистское, которые, как показано в таблице 2, по-разному трактуют собственные интересы человека.

Таблица 2 - Различие между субъективистской и объективистской гуманистической этикой по Э. Фромму

Критерий	Субъективистская гуманистическая этика	Объективистская гуманистическая этика
В чем состоят собственные интересы человека?	1. Индивидуальные: у каждого человека свои. 2. Субъективные: каждый человек сам определяет их перечень. 3. Содержание интересов: удовлетворение собственных желаний.	1. Универсальные: общие для всех людей. 2. Объективные: существуют независимо от человека. 3. Содержание интересов: жить в соответствии с природой человека.

Как следует из таблицы 2, сторонники субъективистского направления полагают, что собственные интересы человека являются субъективными, индивидуальными и заключаются в удовлетворении его желаний. Это означает, что каждый человек сам определяет, какие желания следует ему удовлетворять, и их удовлетворение является высшей целью и ценностью

человеческой жизни. С точки зрения объективистского направления, напротив, существуют объективные и универсальные, т.е. одинаковые для всех без исключения людей жизненные интересы, реализация которых должна быть высшей целью и ценностью для каждого человека — жить в соответствии с природой человека.

Таким образом, с точки зрения объективистской гуманистической этики, высший моральный долг человека заключается в его свободном, рационально обоснованном самоопределении в таких ценностях, которые способствуют проживанию им своей жизни в соответствии с природой человека.

Из такого понимания высшего морального долга человека в объективистской гуманистической этике следуют соответствующие представления о добре и зле: добром являются такие ценности, которые способствуют реализации в жизни человека его природы, а злом — ценности, которые этому препятствуют. Как пишет Э. Фромм, «добро в гуманистической этике — это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил. Добродетель — это ответственность по отношению к собственному существованию. Злом является помеха развитию человеческих способностей; порок — это безответственность по отношению к себе... Цель человеческой жизни следует понимать как раскрытие его сил и возможностей в соответствии с законами его природы» (Фромм, 1993, с. 33).

Эти идеи объективистской гуманистической этики, которые разрабатывались по мнению Э. Фромма в трудах, прежде всего, Аристотеля, Спинозы и Дьюи, послужили для него философской основой для разработки собственного психотерапевтического направления — гуманистического психоанализа, т.е. психоанализа, основанного на философии объективистской гуманистической этики.

Из данной характеристики объективистской гуманистической этики следует, что понятие природы человека является для нее центральным. В философии это понятие традиционно означает объективно присущие человеку признаки, которые характеризуют его как представителя вида Homo

sapiens во все времена его антропогенеза (Гуревич, Фролов, 1991). Как пишут об этом сами авторы, природу человека характеризуют «стойкие неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи Homo sapiens во все времена независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть эти признаки — значит выразить человеческую природу» (Гуревич, Фролов, 1991, с. 3). При этом они указывают, что с данным понятием тесно связано понятие сущности человека, содержащее «специфические признаки»..., в которых... «обнаруживается верховное, державное качество человека. Выявить эту главенствующую черту означает постичь сущность человека» (Гуревич, Фролов, 1991, с. 4). Тем самым, сущность человека характеризуют такие признаки его природы, которые определяют специфику человека, т.е. благодаря которым он является именно человеком, а не каким-либо иным существом. Нетрудно заметить, что понятие сущности человека отличается от понятия природы человека тем, что в него входят не все природные характеристики, а только некие самые главные, определяющие его специфику.

Вместе с тем, как отмечают П.С. Гуревич и И.Т. Фролов (1991), несмотря на существующее различие между содержаниями этих понятий, они часто употребляются в философской литературе как синонимы, и это обусловлено тем, что вопрос о конкретных сущностных характеристиках человека в настоящее время остается дискуссионным. На наш взгляд, именно в связи с неразработанностью этого вопроса, в психологической литературе отдается предпочтение термину «природа человека», но при этом использующие этот термин авторы нередко косвенно дают понять, что рассматриваемые ими природные характеристики человека вполне могут претендовать на статус сущностных. В нашей работе нет никакой необходимости в строгом различении этих понятий, поскольку для нас самым важным является то, что их объединяет, а именно, — это то, что характеристики природы и сущности человека свойственны ему объективно как представителю вида Homo sapiens во все времена его антропогенеза. Поэтому в дальнейшем в нашей работе, как

и в работах ряда теоретиков психотерапии, будет использоваться менее спорный, более общий термин «природа человека».

Развивая эти философские идеи объективистской гуманистической этики, Э. Фромм разработал собственные теоретические представления о природе человека, а также о продуктивной и непродуктивной личности, которые являются центральными в гуманистическом психоанализе.

В его работах можно найти описание двух очень тесно связанных друг с другом характеристик природы человека³.

Первой характеристикой является так называемая дисгармоничность человеческой жизни. Ее разъяснение Э. Фромм начинает с анализа эволюционного процесса. По его мнению, направление биологической эволюции, которое завершилось появлением человека, характеризовалось двумя существенными особенностями: ослаблением роли инстинктов в регуляции поведения животных и возрастанием роли индивидуально-изменчивого поведения, тесно связанного с развитием у животных способности к научению. Человек, как вершина этого направления эволюционного процесса, является в биологическом отношении самым беспомощным существом, не обладающим инстинктивными механизмами, которые могли бы направлять его поведение с целью адаптации к окружающему миру, и вместе с тем, только у человека возникают разум и разумное поведение.

По мнению Э. Фромма, именно утрата человеком инстинктивных механизмов и возникновение разума явились основополагающими причинами дисгармоничности его жизни. Утрата инстинктивных механизмов привела к тому, что человек, будучи частью природы, оказался биологически неприспособленным к жизни в ней, т.е. утратил с ней гармоничную связь. С другой стороны, разум человека также оказался источником

---

³ С нашей точки зрения, согласно ранее представленным определениям природы и сущности человека, эти две характеристики вполне могут претендовать на статус сущностных. Тем не менее, Э. Фромм в своих работах не использует термин «сущность» для их обозначения.

дисгармоничности его жизни. Благодаря разуму, человек обнаруживает проблемность условий своей жизни, сталкиваясь с множеством так называемых дихотомий. Термин «дихотомии» используется Э. Фроммом для обозначения объективно существующих в жизни человека двухальтернативных противоречий между разными ее сторонами, которые предстают перед ним как проблемы, требующие разрешения. По его мнению, следует различать два вида дихотомий: экзистенциальные и исторические.

Экзистенциальные дихотомии свойственны природе человека, т.е. они являются объективными условиями его существования в качестве человека, что как раз и подчеркивается термином «экзистенциальные». «Если, — как пишет Э. Фромм, — мы хотим знать, что значит быть человеком, нам надо быть готовыми к тому, чтобы искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих условий человеческого существования, из которых проистекают все эти возможности в качестве альтернатив» (Фромм, 1993, с. 263–264). Человек не может избавиться от этих дихотомий, он обречен жить с ними. Наиболее часто приводимым Э. Фроммом примером экзистенциальной дихотомии является дихотомия жизни и смерти, которая возникает в результате осознания человеком факта конечности своего существования. Она заключается в объективно существующем противоречии между естественным желанием человека жить и пониманием бессмысленности жизни в связи с предстоящей смертью. Эта дихотомия ставит перед человеком проблему смысла его жизни, которая не имеет какого-либо объективного, т.е. независимого от него решения. «Человек должен принять на себя ответственность за самого себя и признать, что только собственными усилиями он может придать смысл своей жизни» (Фромм, 1993, с. 50).

Исторические дихотомии, в отличие от экзистенциальных, хотя также объективно присутствуют в жизни человека, не являются свойствами его природы. Их содержание специфично для каждого конкретного исторического периода развития общества, они создаются самими людьми, поэтому ими же могут быть и устранены. Примером исторической дихотомии, присущей

рабовладельческому строю, может служить противоречие между стремлением раба к свободе и его подчинением воле господина. Очевидно, что данная историческая дихотомия, в отличие от экзистенциальной, может быть устранена в результате изменения этого общественного строя без какого-либо ущерба для человеческой природы.

Таким образом, основное содержание понятия дисгармоничности человеческого существования как природной характеристики человека указывает на то, что его жизнь полностью не определена, не задана, не запрограммирована заранее. Если и можно говорить о заданности человеческой жизни, то только лишь в том смысле, что она задана как проблема, как ряд экзистенциальных дихотомий — объективно существующих в жизни человека неискоренимых двухальтернативных противоречий, требующих от человека их разрешения. Как подчеркивает Э. Фромм, «человек — единственное существо..., для которого собственное существование является проблемой, от которой он не в силах уйти» (Фромм, 1993, с. 46–47).

При описании второй характеристики природы человека Э. Фромм опирается на базовое положение объективистской гуманистической этики, согласно которому человек признается способным к познанию добра и зла, опираясь при этом на свой собственный познавательный опыт и разум, и на этой основе — к рационально обоснованному самоопределению в ценностях собственной жизни в тех противоречивых и неопределенных условиях его существования.

Эти две характеристики природы человека не существуют одна без другой, поскольку человек может быть свободен и проявлять свою свободу только тогда, когда его жизнь никем и ничем полностью не задана и не определена. Таким образом, с точки зрения Э. Фромма, быть человеком по своей природе — это значит жить, полагаясь на самого себя, самостоятельно определяясь в ценностях собственной жизни и объективно противоречивых условиях своего существования, опираясь при этом на собственный познавательный опыт и разум и не допуская вмешательства в свою жизнь

каких-либо, по его терминологии, гетерономных влияний, т.е. влияний, управляющих его сознанием и поведением извне.

Раскрытие представлений Э. Фромма о продуктивной и непродуктивной личности следует начать с указания на его точку зрения об основной движущей силе развития личности. Такой движущей силой является потребность человека в гармонизации своей жизни, потребность в непротиворечивом, безальтернативном существовании, которая возникает у него как реакция на объективную дисгармоничность и неопределенность самой природы его жизни. Она побуждает человека к выработке общих представлений о мире и о своем месте в нем, содержащих определенную ценностную позицию, которой можно было бы руководствоваться в жизни и которая содержала бы ответы на вопросы, как и для чего ему следует жить. Эти общие представления человека о мире и о своем месте в нем Э. Фромм назвал схемами ориентации и поклонения. Предлагая такое двойное название, он стремился подчеркнуть два самых существенных аспекта этих представлений: во-первых, они являются для человека ценностными ориентирами в отношении того, что есть добро и зло в его жизни, тем самым определяя для него ее ценностную направленность, а во-вторых, они являются для него своего рода объектами поклонения, поскольку он глубоко верит в их истинность, не подвергая их никакому сомнению. Вследствие этой веры схемы ориентации и поклонения побуждают человека жить в соответствии с ними, придавая его личности определенную ценностную направленность, подобно тому, как инстинктивные механизмы направляют и регулируют поведение животных. В результате жизнь человека приобретает для него самую ценностную определенность, которая проявляется в постоянстве и устойчивости его характера. А поскольку схемы ориентации и поклонения являются для человека своего рода предписаниями о том, как и для чего ему следует жить, то они, естественно, выполняют функцию гармонизации его жизни. Примерами такого рода схем ориентации и поклонения по Э. Фромму могут служить всевозможные религиозные, философские, идеологические учения, правила и нормы поведения различных классов, социальных слоев и

групп, которые люди считают для себя в ценностном отношении важными и значимыми в такой степени, что руководствуются ими в своей жизни. В реальной жизни можно встретить довольно много схем ориентации и поклонения, различающихся по содержанию, и едва ли возможно составить полный их перечень. Важно подчеркнуть, что, оставаясь свободным в выборе для себя содержания этих схем, человек не может не иметь их вообще, так как потребность в них проистекает из его природы: «человек не свободен в выборе, иметь или не иметь ему «идеалы», но он свободен в выборе между разными идеалами» (Фромм, 1993, с. 53).

Схемы ориентации и поклонения подразделяются Э. Фроммом на продуктивные и непродуктивные. Они свойственны, соответственно, продуктивному и непродуктивному типу личности и различаются по критерию соответствия их ценностных позиций природе человека. Ценностная позиция схем ориентации и поклонения продуктивной личности соответствует человеческой природе, поскольку она признает важность и значимость реализации в жизни человека его природных характеристик. Напротив, ценностная позиция схем ориентации и поклонения непродуктивной личности не соответствует человеческой природе, поскольку она не признает важность и значимость реализации в жизни человека его природных характеристик и, тем самым, препятствует его возможности жить в согласии с собственной природой. Важно отметить, что, по мнению Э. Фромма, эти типы личности следует рассматривать как идеальные, которые в реальной жизни в чистом виде не встречаются. Оба они присущи каждому человеку, но в разных пропорциях, так что у одних людей доминирует продуктивный тип, а у других — непродуктивный.

Развивая и конкретизируя эти общие идеи Э. Фромма о продуктивной и непродуктивной личности с учетом его конкретных представлений о двух характеристиках природы человека, в нашей работе предложено описать специфику ценностных позиций данных личностных типов более четко и направленно по отношению к каждой из этих характеристик отдельно, указав на особенности содержания и формирования этих позиций.

Содержательная характеристика ценностной позиции непродуктивной личности состоит в том, что она не соответствует противоречивой заданности человеческой жизни в виде объективно существующих и неискоренимых экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым реализацию только каких-то одних ее противоречивых сторон и препятствуя реализации других, тем самым, направляя человека на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Формирование у человека такой позиции происходит на иррациональной основе, а именно, помимо его собственного сознательного и разумного участия, под влиянием различного рода гетерономных, т.е. внешних источников, по отношению к которым он испытывает чувство доверия. Тем самым, ценностная позиция непродуктивной личности по этим двум особенностям не соответствуют двум природным характеристикам человека, препятствуя реализации его жизни в согласии с его собственной природой.

Основная характеристика способа жизни человека с непродуктивной личности заключается, по мнению Э. Фромма, в осуществлении им так называемой непродуктивной, отчужденной от него активности во всех сферах его жизни. Давая характеристику этой активности, Э. Фромм отмечает, что «при отчужденной активности я, в сущности, не действую, *действие совершается надо мной* внешними или внутренними силами. Я отделился от результата своей деятельности» (Фромм, 1990б, с. 96).

Понятие непродуктивной активности характеризует достаточно тонкие нюансы человеческой жизни, трудные для понимания, поэтому требует специальных дополнительных разъяснений. Для этой цели можно воспользоваться примером самого Э. Фромма, в котором непродуктивная активность иллюстрируется на материале фактов так называемого постгипнотического поведения человека. «Вот субъект *A*; гипнотизер *B* погружает его в гипнотический сон и внушает ему, что, проснувшись, он захочет прочесть рукопись, не найдет ее, решит, что другой человек, *B*, эту рукопись украл, и очень рассердится на этого *B*. В завершении ему говорится, что он должен забыть об этом внушении. Добавим, что наш *A* никогда не

испытывал ни малейшей антипатии к *B*, и напомним, что никакой рукописи у него не было.

Что же происходит? *A* просыпается и после непродолжительной беседы на какую-нибудь тему вдруг заявляет: «Да, кстати! Я написал недавно что-то в этом роде. У меня рукопись с собой, давайте я вам прочту». Он начинает искать свою рукопись, не находит ее, поворачивается к *B* и спрашивает, не взял ли тот его рукопись. *B* отвечает, что не брал, что никакой рукописи вообще не видел. Внезапно *A* взрывается яростью и прямо обвиняет *B* в краже рукописи. Затем он приводит доводы, из которых следует, что *B* — вор» (Фромм, 1990а, с. 160).

В этом примере следует обратить особое внимание на важную характеристику непродуктивной активности, состоящую в том, что она не осознается человеком как имеющая внешнее происхождение. В данном примере субъект *A* полностью убежден, что все мысли, чувства, образы, желания и поступки, внушенные ему *B*, принадлежат именно ему самому. Более того, если какой-нибудь внешний наблюдатель не знает о предшествовавшем гипнотическом внушении, то он так же, как и сам субъект *A*, убежден в том, что все эти мысли, чувства, образы и поступки субъекта *A* принадлежат, безусловно, ему самому.

Для Э. Фромма этот пример является демонстративным еще и в том плане, что он очень хорошо моделирует реальную жизнь человека. Э. Фромм убежден, что не только в ситуации гипнотического внушения, но также и в условиях обычной повседневной жизни многие мысли, чувства, желания и поступки человека, которые он воспринимает как свои собственные и которые воспринимаются таковыми другими людьми, в действительности ему не принадлежат, поскольку они иррационально внедрены в него каким-то гетерономным, внешним по отношению к нему источником. Такими внешними источниками, выполняющими подобную функцию гипнотизера в повседневной жизни человека, являются, прежде всего, его родители и другие близкие люди: родственники, друзья, любимые. Такими источниками могут быть учителя, книги, фильмы, средства массовой информации и др. Более

того, не только мысли, чувства, образы, желания и поступки, но и сама личность человека может иметь внешнее происхождение. Такую личность Э. Фромм называет псевдо-Я или псевдоличностью. Псевдоличность образуют иррационально присвоенные человеком непродуктивные схемы ориентации и поклонения, имеющие внешнее происхождение. Если человек отождествляется с этими схемами, воспринимает их как свои собственные, то в результате происходит его отчуждение от самого себя⁴.

Феномен отчуждения человека от самого себя не является таким уж редким. По мнению Э. Фромма, в странах с высокоразвитой рыночной экономикой, например, в США, псевдоличность является обычным явлением. Это связано с тем, что в рыночной экономике, как считает Э. Фромм, человеческая личность также превращается в товар, который можно выгодно купить или продать. Подобно рынку товаров, существует также и рынок личностей, где ценятся те или иные личностные качества в зависимости от спроса на них, который побуждает людей к соответствию этих качеств. Феномен псевдоличности также характерен для стран с тоталитарными режимами.

Поскольку особенности ценностной позиции непродуктивной личности препятствуют возможности реализации в жизни человека свойств его природы, то он уже не может существовать в качестве полноценного человека. И именно эти его личностные особенности, расчеловечивающие человека, рассматривается Э. Фроммом как типичные предпосылки проблем клиентов гуманистического психоанализа, с которыми они обращаются за помощью к психологу. По его мнению, *«все данные свидетельствуют о том, что в гетерономном вмешательстве в процесс развития ребенка, а позднее и взрослого человека, скрыты наиболее глубокие корни психической патологии и особенно деструктивности»* (Фромм, 1990б, с. 86).

Эти общие положения Э. Фромма о непродуктивной личности можно проиллюстрировать на материале описанных и проанализированных им трех

---

⁴ Понятие отчуждения Э. Фромм заимствует у К. Маркса, труды которого он очень высоко ценил, считая себя убежденным марксистом.

конкретных случаев из его собственной психотерапевтической практики. Все они очень разные, но их объединяет то, что, с точки зрения гуманистического психоанализа, проблемы клиентов психотерапии являются следствием особенностей ценностной позиции их непродуктивных схем ориентации и поклонения, определяющих способ их жизни, в котором преобладает непродуктивная, отчужденная от них самих активность. Эти проблемы можно рассматривать как расплату клиентов за то, что они проживают не свою собственную, а отчужденную от них самих жизнь.

Случай 1. «Молодой 24-летний человек, придя на прием к психоаналитику, сообщил, что с тех пор, как два года назад он окончил колледж, он чувствует себя несчастным. Работает он в фирме отца, но работа не доставляет ему никакого удовольствия. У него постоянно плохое настроение, он часто ссорится с отцом, ему очень трудно принимать даже самые незначительные решения. По его словам, все это началось за несколько месяцев до окончания колледжа. Он очень увлекался физикой, причем его преподаватель считал, что у него замечательные способности к теоретической физике, и юноша хотел поступить в аспирантуру и стать ученым. Его отец, преуспевающий бизнесмен, владелец крупной фабрики, настаивал на том, чтобы сын занялся бизнесом, снял бремя с его плеч и, в конце концов, стал его преемником. Отец аргументировал это тем, что у него нет других детей, что он создал фирму своими собственными руками, что врач рекомендует ему меньше работать и что сын был бы неблагодарным, если бы при таких обстоятельствах отказался выполнить волю отца. Результатом отцовских просьб, увещаний и напоминаний о чувстве долга было согласие сына. Он начал работать в фирме. После этого начались описанные выше осложнения» (Фромм, 1990б, с. 269–270).

Случай 2. «Одаренный писатель обращается к аналитику с жалобами на головную боль и приступы головокружения, которые не имеют, согласно заключению врача, никаких органических причин. Он рассказывает аналитику историю своей жизни. Два года назад он взялся за одну работу, которая была чрезвычайно привлекательна и престижна, сулила большие деньги и

уверенность в будущем. Само предложение такой работы было равносильно огромному успеху. Однако это вынуждало его писать то, во что он не верил, что противоречило его убеждениям. Литератор затратил много сил, стараясь примирить свои действия со своей совестью, создавая ряд сложнейших конструкций, чтобы доказать, что его действия не противоречат интеллектуальной и нравственной честности. Вскоре начались головные боли и приступы головокружения. Нетрудно понять, что эти симптомы являются выражением неразрешенного конфликта между его стремлением к деньгам и престижу, с одной стороны, и угрызениями совести — с другой» (Фромм, 1990б, с. 271–272).

Случай 3. «Бизнесмен — умный, энергичный, преуспевающий человек — начал много пить. Он обратился за помощью к психоаналитику. Жизнь пациента была всецело посвящена “деланию денег” и борьбе с конкурентами. Ничто другое его не интересовало, личная жизнь была подчинена тем же целям. Он добился успехов в искусстве приобретать друзей и оказывать влияние, но в глубине души ненавидел всех, с кем общался: своих конкурентов, клиентов и служащих своей фирмы. Он ненавидел даже вещи, которыми торговал. Они интересовали его лишь как средство, с помощью которого можно “делать деньги”. Эту ненависть он не осознавал, однако постепенно, через толкование сновидений и свободных ассоциаций, он начал понимать, что чувствовал себя рабом бизнеса, товаров и всего, что с ними связано. Он не уважал себя и притуплял боль от чувства неполноценности и сознания своего ничтожества с помощью алкоголя» (Фромм, 1990б, с. 273).

Из такого понимания Э. Фроммом типичных личностных предпосылок возникновения проблем его клиентов следует первоочередная терапевтическая цель гуманистического психоанализа, которая в самом общем виде заключается, по Э. Фромму, в возрождении специфически человеческого в человеке или, как образно пишет сам автор, в целительстве его души, подразумевая под душой природу человека. Более конкретно, эта цель состоит в том, чтобы помочь клиентам осознать на собственном опыте, что предпосылки их проблем коренятся в них самих, в способе их жизни в

соответствии с ценностными позициями непродуктивных схем ориентации и поклонения, из которого следует понимание клиентами того, что путь к разрешению этих проблем предусматривает необходимость самостоятельного изменения своих ценностных позиций на более продуктивные.

С нашей точки зрения, развивающей и конкретизирующей общие идеи Э. Фромма, ценностная позиция продуктивных схем ориентации и поклонения отличается от непродуктивных по уже заявленным ранее двум характеристикам: содержанию и формированию.

Содержательное отличие состоит в том, что ценностная позиция продуктивной личности ориентирует человека на противоречивую заданность его жизни в виде экзистенциальных дихотомий, что соответствует этой ее природной характеристике, признавая одинаково важным и значимым реализацию в жизни человека обеих ее противоречивых сторон и, следовательно, направляя на поиск компромиссного разрешения этих экзистенциальных противоречий. Характеризуя особенность формирования такой позиции, следует подчеркнуть, что она соответствует уже другой природной характеристике человека — его способности к рационально обоснованному самоопределению, поскольку вырабатывается им самостоятельно и осознанно на основе собственного познавательного опыта и разума. Поэтому вера человека в истинность продуктивной ценностной позиции основывается на его собственном рационально обоснованном убеждении. Такого рода веру Э. Фромм называет рациональной, отличая ее от веры иррациональной. По его словам, «иррациональная вера — это фанатическая убежденность в чем-то или в ком-то, суть которой в подчиненности личному или внеличному иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, есть твердое убеждение, основанное на продуктивной интеллектуальной и эмоциональной активности» (Фромм, 1993, с. 158).

Как считает Э. Фромм, доминирующий способ жизни человека с продуктивной ценностной позицией, соответствующей его природе, характеризуется проявлением во всех сферах его жизни так называемой

продуктивной или неотчужденной активности. Понятие продуктивной активности означает, что любые формы человеческой активности порождаются самим человеком, а не гетерономными, т.е. внешними по отношению к нему источниками, управляющими его сознанием и поведением. Поэтому эта активность не отчуждена от человека, напротив, он полностью сопричастен ей. Как пишет Э. Фромм, «неотчужденная активность — это процесс рождения, создания чего-либо и сохранения связи с тем, что я создаю. При этом подразумевается, что моя активность есть проявление моих потенций, что я и моя деятельность едины. Такую неотчужденную активность я называю *продуктивной активностью*» (Фромм, 1990б, с. 97).

* * *

Эти доработанные и конкретизированные нами общие представления Э. Фромма о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели в гуманистическом психоанализе послужили основой для формулирования трех теоретических положений интегративного подхода, которые использовались для последующего анализа психотерапевтических теорий З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. Первое из них характеризует *объективное свойство человеческой жизни, присущее самой ее природе*, второе — *типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии* и третье — *цель психотерапии*.

1. Одной из характеристик природы человека являются экзистенциальные дихотомии — объективно существующие в его жизни неискоренимые двухальтернативные противоречия между разными ее сторонами, которые предстают перед ним как проблемы, требующие разрешения.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии характеризуются, во-первых, особенностями содержания их ценностной позиции по отношению к экзистенциальным дихотомиям и, во-вторых, особенностями ее формирования. По содержанию эта позиция не соответствует противоречивой заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым реализацию

только каких-то одних ее противоречивых сторон и препятствуя реализации других, тем самым, направляя клиентов на непротиворечивый, безальтернативный и, следовательно, односторонний способ жизни. Особенность формирования такой односторонней ценностной позиции заключается в том, что она возникает у клиентов на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием внешних факторов или испытываемых ими побуждений и чувств.

3. Цель психотерапии заключается в изменении ценностной позиции личности клиентов и по содержанию, и по формированию. По содержанию она должна соответствовать объективной заданности человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым необходимость реализации в жизни клиентов обеих ее противоречивых сторон и, следовательно, направляя их на поиск компромиссного разрешения этих экзистенциальных противоречий. Особенность формирования такой позиции характеризуется тем, что она вырабатывается клиентами самостоятельно и на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте того, что именно особенности их личности способствовали возникновению у них проблем, и вытекающего из осознания этого факта понимания, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного изменения непродуктивной односторонней ценностной позиции их личности на более продуктивную компромиссную.

Глава 2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в психоанализе З. Фрейда с точки зрения интегративного подхода⁵

Анализ работ З. Фрейда по обсуждаемым нами вопросам следует начать с изложения его известных теоретических представлений о строении личности. Как считает З. Фрейд, личность человека состоит из трех основных структурных областей, или инстанций, которые он обозначил терминами *Сверх-Я*, *Оно* и *Я*.

Инстанция *Сверх-Я* представляет собой систему моральных и эстетических ценностей, которыми человек руководствуется в своей жизни. Как пишет З. Фрейд: «*Сверх-Я* является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в человеческой жизни» (Фрейд, 1989а, с. 341). З. Фрейд более детально раскрывает содержательные характеристики этой инстанции через описание трех ее основных функций: идеала, самонаблюдения и совести. *Сверх-Я* выполняет функцию идеала в том смысле, что имеющаяся у человека система моральных и эстетических ценностей предписывает ему определенные идеальные образцы, на которые он должен ориентироваться в своей жизни и которым он должен стремиться соответствовать. Функция самонаблюдения состоит в том, что инстанция *Сверх-Я* не только предписывает человеку моральные и эстетические идеалы, но и постоянно наблюдает за тем, насколько его жизнь соответствует им. И наконец, функция

---

⁵ Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода // Национальный психологический журнал. 2024. №2. С. 99-108; Проблема механизмов образования невротических симптомов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1993. № 1. С. 24-31; Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Sigmund Freud and Alfred Adler // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 3. P. 4-16.

совести заключается в том, что *Сверх-Я* оценивает все происходящее в жизни человека, например, его чувства, мысли или поступки с точки зрения их соответствия имеющимся идеалам и реагирует на степень этого соответствия специфическими эмоциональными переживаниями, известными как совесть. Если чувства, мысли или поступки человека соответствуют идеалам *Сверх-Я*, то его совесть остается спокойной, и он может даже испытывать моральное удовлетворение от своего поведения, если — не соответствуют, то человек начинает испытывать угрызения и муки совести, проявляющиеся в переживаниях стыда, вины и моральной несостоятельности.

Инстанция *Сверх-Я* не является врожденной. Она возникает у ребенка в раннем детстве при самом непосредственном участии в ее формировании родителей или других близких ему людей. Первоначально, до возникновения в личности ребенка этой инстанции, ее функции выполняет, как правило, *Сверх-Я* его родителей. В дальнейшем, с точки зрения З. Фрейда, у ребенка происходит идентификация со *Сверх-Я* родителей, в результате которой она становится инстанцией личности самого ребенка.

Инстанцией *Оно* З. Фрейд обозначает врожденные человеку влечения, свойственные ему как биологическому существу. Эти влечения побуждают его к поведению, направленному на их удовлетворение и достижение сопутствующей субъективной цели — чувства удовольствия. Поэтому З. Фрейд характеризует основной принцип, которым руководствуются влечения *Оно*, как принцип достижения удовольствия. Среди множества врожденных биологических влечений З. Фрейд особо выделил сексуальное влечение как имеющее самое непосредственное отношение к личностным предпосылкам проблем клиентов психоанализа.

Инстанция *Я* обращена к внешнему миру и находится с ним в непосредственном контакте. В ней представлено, прежде всего, рациональное, разумное начало в человеке. Ведущими психическими способностями *Я* являются восприятие и сознание. *Я* выполняет в жизни человека, по крайней мере, две основные функции: познавательную и регулирующую. Познавательная функция *Я* состоит в том, что человек, благодаря

способностям к восприятию и сознанию, может формировать у себя представление об окружающем мире, адекватное его объективным свойствам, регулирующая — в приспособлении требований влечений *Оно* и морально-эстетических требований *Сверх-Я* к реальным условиям его жизни в этом мире. Образно характеризуя регулирующую функцию *Я*, З. Фрейд пишет следующее: «Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному *Я* еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что *Я* часто не справляется со своей задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, *Сверх-Я* и *Оно*... Так *Я*, движимое *Оно*, стесненное *Сверх-Я*, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицание: жизнь не легка!» (Фрейд, 1989а, с. 348). З. Фрейд обозначает основной принцип, которым руководствуется *Я* в регуляции своего поведения, как принцип реальности.

Важнейшей характеристикой личности человека является наличие мотивационного конфликта между противоречивыми требованиями *Сверх-Я* и *Оно*, т.е. конфликта между, с одной стороны, требованиями врожденных, прежде всего, инфантильных сексуальных влечений к их удовлетворению и получению от этого удовольствия, а с другой стороны, моральными и эстетическими ограничениями на объекты этих влечений и способы их удовлетворения, которые накладывает на них общество. З. Фрейд придает важное значение этому конфликту, поскольку считает, что человеческое общество и человек как его неотъемлемый представитель могут существовать только в том случае, если люди смогут в какой-то степени ограничить и обуздать требования своих биологических влечений, подчинив их требованиям общества во имя его сохранения. Как он пишет: «К числу своих самых важных задач воспитания общество должно отнести укрощение, ограничение, подчинение сексуального влечения, когда оно внезапно

появляется в виде стремления к продолжению рода, индивидуальной воле, идентичной социальному требованию. Общество заинтересовано также в том, чтобы отодвинуть его полное развитие до тех пор, пока ребенок не достигнет определенной ступени интеллектуальной зрелости, потому что с полным прорывом сексуального влечения практически приходит конец влиянию воспитания. В противном случае влечение прорвало бы все преграды и смело бы возведенное с таким трудом здание культуры. А его укрощение никогда не будет легким, оно удастся то слишком плохо, то слишком хорошо. Мотив человеческого общества оказывается, в конечном счете, экономическим; так как у него нет достаточно жизненных средств, чтобы содержать своих членов без их труда, то оно должно ограничивать число своих членов, а их энергию отвлекать от сексуальной деятельности и направлять на труд. Вечная, исконная, существующая до настоящего времени жизненная необходимость» (Фрейд, 1989а, с. 198).

В нашей работе мы будем рассматривать конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* как частный случай более общего конфликта между социальным и биологическим началами в человеке. Как известно, человек одновременно является и биологическим организмом, которому свойственны различные врожденные формы проявления его биологической природы, и существом социальным, т.е. членом общества, в котором его психика и поведение регулируется сознательно устанавливаемыми самими же людьми определенными общественными нормами и правилами. Врожденные формы проявления биологической природы человека, к которым относятся, прежде всего, естественные проявления его биологических влечений, эмоций и темперамента, особенно явно наблюдаются у детей младенческого возраста и возраста раннего детства. Хорошо известно, что, если младенец голоден, то он не будет терпеть это состояние, а начнет кричать, произвольно и неосознанно выражая это свое состояние; если он радуется или испытывает недовольство, то его эмоции так же непосредственно будут проявляться в его поведении. Точно так же для младенца не существует никаких ограничений

для естественных форм проявлений его врожденного темперамента. Когда же ребенок вырастет, то его поведение существенно изменится. В результате присвоения им общественных норм и правил, он научится подчинять естественные проявления своей биологической природы этим нормам и правилам, т.е. социальные требования наложат своего рода ограничения на эти естественные формы проявлений биологической природы человека, не позволяя им реализовываться в полной мере и порождая, тем самым, конфликт между ними. По нашему мнению, сексуальные влечения, рассматриваемые в таком более широком контексте, это всего лишь один из аспектов биологической природы человека, на материале которого З. Фрейд впервые показал, во-первых, возможность существования конфликта между социальным и биологическим началами в человеке, а во-вторых, негативные последствия неадекватного разрешения этого конфликта для его психического здоровья.

С нашей точки зрения, в работах З. Фрейда специфика личности клиентов психоанализа характеризуется, по меньшей мере, тремя главными ее особенностями: 1) степенью напряженности конфликта между объективно существующими противоречивыми моральными и эстетическими требованиями *Сверх-Я* и требованиями инфантильных сексуальных влечений *Оно*, 2) содержанием ценностной позиции инстанции *Я* по отношению к этому конфликту, 3) формированием этой позиции.

Прежде всего, личности клиентов свойственна высокая степень напряженности конфликта между *Сверх-Я* и *Оно*, которая определяется, с одной стороны, силой врожденных сексуальных влечений человека, зависящей, как считает З. Фрейд, от особенностей его сексуальной конституции, а с другой — строгостью моральных и эстетических ограничений, которые накладывает *Сверх-Я* на объекты и способы удовлетворения инфантильных сексуальных влечений.

Ценностная позиция инстанции *Я* состоит в том, что *Я* сознательно признает для себя более ценными требования *Сверх-Я*, которыми следует

руководствоваться в своей жизни, поэтому объективный конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* субъективно разрешается для *Я* односторонне — в пользу *Сверх-Я* и в ущерб требованиям *Оно*. Такой способ разрешения конфликта между *Сверх-Я* и *Оно* З. Фрейд назвал его вытеснением, в результате которого он перестает существовать лишь в сознании человека. Но, будучи объективным, он продолжает существовать независимо от сознательной позиции *Я* в другой, по мнению З. Фрейда, структурной области психики — в области бессознательного.

Эта односторонняя ценностная позиция *Я* формируется у человека в раннем детстве при активном участии других людей, прежде всего, — его родителей, которые, как члены общества, могут быть заинтересованы в формировании у своего ребенка в большей степени просоциальной ценностной позиции. Поскольку, как считает, З. Фрейд, в период раннего детства ребенок находится в очень сильной физической и психологической зависимости от родителей, а его *Я* еще недостаточно развито для принятия самостоятельных и разумных решений, родители, пользуясь своей властью и зависимостью от них ребенка, побуждают его к присвоению своих моральных и эстетических идеалов, опираясь на поощрение или наказание, в результате чего эта односторонняя ценностная позиция *Я* присваивается ребенком в большей степени иррационально, без его собственного сознательного и разумного участия.

Указанные личностные особенности рассматриваются З. Фрейдом в качестве типичных внутренних предпосылок проблем клиентов психоанализа, среди которых преобладают неврозы. Однако, для возникновения неврозов этих внутренних предпосылок недостаточно, необходимы также и определенные внешние условия, которые обозначаются З. Фрейдом как условия вынужденного отказа, в которых у человека нет никаких возможностей для реального удовлетворения его сексуальных влечений. В этих условиях к внутренним препятствиям на пути реализации инфантильных сексуальных влечений, которые создаются указанными

особенностями личности клиентов, добавляются также внешние препятствия, в результате чего энергия сексуальных влечений, обозначаемая термином «либидо», оказывается зажатой и стесненной со всех сторон так, что у человека нет никаких возможностей для ее разрядки. Эта накопленная и не расходуемая энергия либидо и является, по мнению З. Фрейда, основным источником формирования невротических симптомов.

Из такого понимания З. Фрейдом типичных личностных особенностей клиентов психоанализа, способствующих возникновению у них проблем, прежде всего, — неврозов, следует основная цель психоаналитической терапии, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно их изменить.

Для этого, психоаналитик, прежде всего, должен помочь клиентам осознать вытесненный когда-то в раннем детстве конфликт между *Сверх-Я* и инфантильными влечениями *Оно*. Осознание данного конфликта является первостепенным изменением в их личности, на основе которого только и возможно устранение предпосылок невротических симптомов и, как следствие, — самих симптомов: «Мы, должно быть, приносим пользу тем, что заменяем бессознательное сознательным, переводя бессознательное в сознательное. Действительно, так оно и есть. Приближая бессознательное к сознательному, мы уничтожаем вытеснение, устраняем условия для образования симптомов, превращаем патогенный конфликт в нормальный, который каким-то образом должен найти разрешение. Мы вызываем у больного не что иное, как одно это психическое изменение: насколько оно достигнуто, настолько оказана помощь» (Фрейд, 1989а, с. 278). При этом З. Фрейд особо подчеркивает, что в существовании этого патогенного конфликта клиенты должны убедиться на собственном опыте: «Итак, что мы должны делать, чтобы заменить бессознательное у нашего пациента сознательным? Когда-то мы полагали, что это очень просто, нам нужно только угадать это бессознательное и подсказать его больному. Но теперь мы знаем, что это было недалновидным заблуждением. Наше знание о бессознательном, неравноценно знанию о нем больного; если мы сообщим ему

наше знание, то он будет обладать им не *вместо* своего бессознательного, а *наряду* с ним, и это очень мало, что меняет. Мы должны представить себе это бессознательное скорее топически, найти его в воспоминаниях больного там, где оно возникло благодаря вытеснению» (Фрейд, 1989а, с. 278).

Осознание конфликта между *Сверх-Я* и *Оно* дает клиентам возможность пересмотреть свое отношение к нему, опираясь теперь уже на рациональные основания, прежде всего, на осознание ими самими на собственном опыте того факта, что именно прежний односторонний способ разрешения этого конфликта привел к неврозу, и обусловленное этим осознанием понимание, что излечение от невроза с необходимостью предполагает нахождение лучшего способа его разрешения. Как пишет по этому поводу Э. Фрейд, психоаналитику удастся «вновь оживить старый конфликт вытеснения, подвергнув пересмотру завершившийся тогда процесс. В качестве нового материала мы прибавляем, во-первых, предупреждение, что прежнее решение привело к болезни и обещание, что другое решение откроет путь к выздоровлению, во-вторых, грандиозное изменение всех обстоятельств со времени того первого вытеснения. Тогда *Я* было слабым, инфантильным и, может быть, имело основание запретить требование либидо как опасное. Теперь оно окрепло и приобрело опыт, а кроме того, имеет помощника в лице врача. Так что мы можем надеяться, что приведем обновленный конфликт к лучшему исходу (Фрейд, 1979а, с. 280). А поскольку конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* является объективным и неискоренимым, то под лучшим исходом его разрешения Э. Фрейд понимает изменение прежней односторонней ценностной позиции *Я* по отношению к этому конфликту на более компромиссную, что снижает степень его напряженности, благодаря разумному смягчению взаимных требований этих инстанций друг к другу. Э. Фрейду приходится специально разъяснять эту важную особенность изменения ценностной позиции *Я*, так как у многих оппонентов психоанализа сложилось неверное представление о том, что психоанализ выступает радикально против любых моральных ограничений сексуальных влечений

человека и призывает к безудержному их удовлетворению во имя достижения психического здоровья: «Но, уважаемые дамы и господа, кто вас так неправильно информировал? Не может быть и речи о том, чтобы совет дать волю своей сексуальности мог сыграть какую-то роль в аналитической терапии. Уже потому это не так, что мы сами объявили, что у больного имеется упорный конфликт между либидозным побуждением и сексуальным вытеснением, между чувственной и аскетической направленностями. Этот конфликт не устраняется с помощью того, что одной из направленностей помогают одержать победу над противоположной. Мы видим, что у нервнобольного аскетизм одержал верх. Следствием этого является как раз то, что подавленное сексуальное стремление находит себе выход в симптомах. Если бы мы теперь, наоборот, добились победы чувственности, то отодвинутое в сторону сексуальное вытеснение должно было бы найти себе замещение в симптомах. Ни одно из обоих решений не может уничтожить внутренний конфликт, всякий раз какая-либо одна сторона оставалась бы неудовлетворенной» (Фрейд, 1989а, с. 276). В другом месте, рассуждая о задачах воспитания, З. Фрейд пишет, что и в этой области следует искать компромиссное решение между предоставлением человеку возможностей естественного проявления его врожденных сексуальных влечений и ограничениями общества на предметы и способы их удовлетворения: «воспитание должно искать свой путь между Сциллой предоставления полной свободы действий и Харибдой запрета... Речь идет о том, чтобы решить, сколько можно запрещать, в какое время и какими средствами» (Фрейд, 1989а, с. 394).

Наконец, еще одним важным изменением в личности клиентов психоанализа является то, что эта их новая сознательная, рационально обоснованная и компромиссная ценностная позиция *Я* является результатом самоопределения. Как считает З. Фрейд, психоаналитик может помочь клиентам только осознать находящийся в их бессознательном мотивационный конфликт между *Сверх-Я* и *Оно* и обратить внимание на связь произошедшего

когда-то в их детстве одностороннего иррационального разрешения этого конфликта с возникновением невроза, но не разрешить этот конфликт. Окончательное его разрешение должен осуществить сам клиент, выбрав тот компромиссный вариант, который он считает для себя наиболее приемлемым.

3. Фрейд специально делает акцент на этом важном положении психоаналитической терапии: «Вы неверно осведомлены, если предполагаете, что советы и руководство в житейских делах являются составной частью аналитического воздействия. Напротив, мы по возможности избегаем такой менторской роли и больше всего желаем, чтобы больной самостоятельно принимал свои решения... если они, став самостоятельными после завершения лечения, решаются по собственному разумению занять какую-то среднюю позицию между полным наслаждением жизнью и обязательным аскетизмом, мы не чувствуем угрызений совести ни за один из этих выходов. Мы говорим себе, что тот, кто с успехом выработал истинное отношение к самому себе, навсегда защищен от опасности стать безнравственным, если даже его критерий нравственности каким-то образом и отличается от принятого в обществе» (Фрейд, 1989а, с. 277).

* * *

На основе проведенного анализа теоретических представлений 3. Фрейда о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психоаналитической терапии и ее цели можно сделать вывод о том, что они допускают возможность их рассмотрения с позиции трех теоретических положений интегративного подхода.

1. Как следует из работ 3. Фрейда, важнейшим положением теории личности в психоанализе является указание на присущее человеку двухальтернативное противоречие в виде мотивационного конфликта между инстанциями его личности *Сверх-Я* и *Оно*, суть которого заключается в следующем: с одной стороны, человек, будучи биологическим существом, должен жить в соответствии со своей биологической природой, подчиняясь требованиям врожденных сексуальных влечений к их удовлетворению и

получению от этого удовольствия, а с другой стороны, как член общества, он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь моральным и эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектам этих влечений и способам их удовлетворения. Это противоречие является объективным и неискоренимым, поскольку человек по своей природе является одновременно и биологическим, и социальным существом. Указанные особенности данного противоречия позволяют квалифицировать его, с точки зрения Э. Фромма, как экзистенциальную дихотомию и обозначить *дихотомией Сверх-Я—Оно*, или более широко — *дихотомией социального—биологического*.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психоанализа, среди которых преобладают неврозы, можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода теми же самыми, особенностями содержания и формирования ценностной позиции их личности, но по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии социального—биологического, а в терминологии З. Фрейда — особенностями содержания и формирования ценностных позиций их *Я* по отношению к противоречивым требованиям *Сверх-Я* и *Оно*. По содержанию ценностная позиция *Я* по отношению к этим требованиям является односторонней, в соответствии с которой *Я* признает более важным и значимым реализацию в своей жизни социальных требований *Сверх-Я*, одновременно препятствуя удовлетворению инфантильных сексуальных влечений *Оно*. Особенность формирования этой односторонней позиции *Я* заключается в том, что она возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием других людей, главным образом, их родителей, когда они в этот период находятся в сильной физической и психологической зависимости от них, а их *Я* еще недостаточно развито для принятия самостоятельных и разумных решений.

3. Цель психотерапии в психоанализе согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается, в изменении содержания

односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, которая в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии социального—биологического, а в терминологии З. Фрейда — в изменении содержания односторонней ценностной позиции их инстанции *Я* на более компромиссную по отношению к противоречивым требованиям *Сверх-Я* и *Оно*. З. Фрейд считает, что эта компромиссная ценностная позиция *Я* должна вырабатываться клиентами самостоятельно и на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте произошедшего когда-то в их детстве одностороннего иррационального разрешения конфликта между *Сверх-Я* и *Оно*, способствовавшего возникновению у них невроза, из которого следует понимание клиентами того, что их излечение предполагает необходимость самостоятельного изменения односторонней ценностной позиции их *Я* на более компромиссную.

Глава 3. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в индивидуальной психологии А. Адлера с точки зрения интегративного подхода⁶

Как указывает сам А. Адлер, самым базовым теоретическим положением, на котором строится созданное им направление индивидуальной психологии, является положение о том, что природе человеческой жизни присуща телеологичность, т.е. целевая направленность: «Индивидуальная психология как наука развивалась из настойчивого стремления постичь таинственную творческую силу жизни... Эта сила *телеологическая*, она проявляется в устремленности к цели, в которой все телесные и душевные движения производятся во взаимодействии... Наш интерес к психологии развился из медицинской практики, которая обеспечила телеологический (ориентированный на цель) подход, необходимый для понимания психологических фактов» (Адлер, 1997а, с. 26–27).

Развивая это общее положение и при этом основываясь на фактах, полученных в результате анализа случаев из собственной психотерапевтической практики, А. Адлер приходит к выводу, что каждому человеку свойственны два базовых, ведущих мотива, которые задают направленность его жизни, независимо от того, осознает он это или нет.

Одним из них является мотив достижения превосходства по сравнению с другими людьми, конкретное содержание которого может быть очень разным, например, достичь превосходства в богатстве, власти, силе, красоте, известности, славе, образованности и др. Данный мотив возникает в ранние годы жизни человека как компенсаторная реакция на неизбежное чувство неполноценности, которое он испытывает в этот период. Неизбежность этого чувства обусловлена, по мнению А. Адлера, тем, что ребенок объективно

---

⁶ Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода // Национальный психологический журнал. 2024. № 2. С. 99-108; Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Sigmund Freud and Alfred Adler // Psychology in Russia: State of the Art. 2015. Vol. 8. № 3. P. 4-16.

является менее совершенным существом, по сравнению с окружающими его взрослыми людьми: он более беспомощный, физически более слабый, обладает меньшим запасом знаний, умений и навыков, крайне зависим от взрослых, и поэтому, невольно сравнивая себя с ними, ребенок не может не испытывать чувства неполноценности.

Часто в своих работах А. Адлер характеризует стремление к достижению превосходства по сравнению с другими людьми как стремление к фиктивной цели, подчеркивая тем самым, что данная цель не имеет никакого отношения к подлинному предназначению человека. Она является всего лишь компенсаторной реакцией на чувство неполноценности, возникшее у него в раннем детстве. А если эта цель фиктивная, то посвящать свою жизнь ее достижению не имеет для человека никакого смысла. Но, тем не менее, как считает А. Адлер, все люди осознанно или неосознанно все-таки стремятся к ее достижению.

Второй мотив, являющийся врожденным, А. Адлер обозначает как чувство общности. Подобно врожденному стадному чувству животных, данное чувство также побуждает людей к совместной жизни. Этот второй мотив уже не является фиктивным, поскольку он побуждает человека к реализации своего предназначения — жить вместе с другими людьми. При этом следует специально подчеркнуть, что А. Адлер ни в коем случае не рассматривает человека как исключительно биологическое существо. Напротив, он считает, что человек по своей природе является также и существом социальным. Нормально жить и развиваться он может только в обществе, будучи включенным в общественные отношения и сотрудничая с другими людьми. Наличие у людей врожденного чувства общности всего лишь подчеркивает тот факт, что общественная жизнь людей также соответствует и их биологической природе.

Как считает А. Адлер эти два базовых, ведущих мотива, задающих направленность жизни каждого человека, находятся в отношении конфликта, поскольку их требования объективно противоречат друг другу. Это

противоречие особенно заметно у его клиентов психотерапии. Свойственная им ярко выраженная направленность на достижение превосходства способствует развитию у них таких качеств личности, которые разъединяют людей, препятствуя реализации в их жизни чувства общности. Как пишет А. Адлер: «Если человек носит в себе идеал превосходства, что особенно наблюдается у невротиков, то тогда столь же часто должны обнаруживаться действия, направленные на подчинение, принижение и дискредитацию других. Такие черты характера, как нетерпимость, несговорчивость, зависть, злорадство, самомнение, хвастливость, подозрительность, жадность, — короче, все диспозиции, соответствующие состоянию борьбы, должны проявиться в значительно более высокой степени, чем это требует, например, инстинкт самосохранения и повелевает чувство общности» (Адлер, 1993, с. 14). Напротив, преобладание чувства общности способствует развитию у человека противоположных личностных качеств, направленных на его сотрудничество и совместную деятельность с другими людьми во благо интересов общества, что ослабляет действенность мотива достижения превосходства.

Вызываемые этими двумя мотивами побуждения реализуются в жизни людей разными способами. Эти способы являются для каждого человека достаточно устойчивыми и, вместе с тем, индивидуально-своеобразными, поскольку они формируются под влиянием различных особенностей условий его жизни: социального окружения, воспитания, быта, проблем, с которыми он сталкивается, и др. А. Адлер обозначает этот устойчивый и индивидуально-своеобразный способ реализации человеком в его жизни обоих побуждений термином «индивидуальный жизненный стиль». Как показывает его опыт психотерапевтической работы, индивидуальный жизненный стиль складывается у людей в раннем детстве, примерно к пяти годам, и в дальнейшем его изменить очень трудно.

С понятием индивидуального жизненного стиля у А. Адлера тесно связано понятие характера, которое можно определить как совокупность

устойчивых качеств личности человека, в которых внешне проявляется и посредством которых осуществляется его индивидуальный жизненный стиль. В этом определении содержится указание на двоякого рода связь характера с индивидуальным жизненным стилем. Во-первых, в характере индивидуальный жизненный стиль внешне проявляется, а это значит, что по особенностям характера можно судить о специфике индивидуального жизненного стиля человека. Во-вторых, характер — это средство осуществления индивидуального жизненного стиля, и в этом состоит его основная функция.

Для разъяснения этой функциональной особенности характера можно воспользоваться одним из примеров, взятым из его работ. Так, если у человека наблюдаются плохая память, то, как показывает собственный опыт работы А. Адлера с клиентами невротиками, эта особенность часто служит им для того, чтобы избегать выполнения различного рода требований со стороны других людей. В этом примере избегание человеком выполнения требований со стороны других людей является характеристикой его индивидуального жизненного стиля, а плохая память — чертой характера, которая служит ему средством осуществления данного индивидуального жизненного стиля.

С нашей точки зрения, основываясь на работах А. Адлера, специфику личности клиентов психотерапии можно охарактеризовать двумя главными ее особенностями: 1) содержанием ценностной позиции по отношению к объективно существующим двум противоречивым побуждениям, задаваемыми мотивом достижения превосходства и чувством общности, 2) формированием этой позиции.

По содержанию ценностная позиция личности клиентов психотерапии является односторонней. Для них наиболее важным и значимым является стремление к достижению превосходства по сравнению с другими людьми, которое настолько ярко выражено, что практически полностью препятствует возможности проявления в их жизни чувства общности. Они стремятся добиться в жизни определенных преимуществ, прежде всего, для себя лично,

при этом другие люди рассматриваются как конкуренты или как средство достижения этих преимуществ. Человек с такой позицией находится в состоянии постоянной борьбы и конфронтации с обществом, он не может и не хочет сотрудничать с другими людьми, вступать с ними в близкие отношения, подчиняться требованиям общества, заниматься общественно полезной деятельностью, создавать семью, воспитывать детей.

По мнению А. Адлера эта односторонняя ценностная позиция возникла у его клиентов уже в раннем детстве в качестве компенсаторной реакции на завышенное чувство неполноценности, которое они испытывали в гораздо большей степени, чем это обычно бывает у большинства людей в детском возрасте: «В психической картине этих детей скоро обнаруживается бросающееся в глаза усиление обычно нормальных черт детской несамостоятельности, потребности в опоре и в ласке, переходящих в боязливость, страх одиночества, нерешительность, робость, боязнь всего чужого и неизвестного, чрезмерную чувствительность к боли, чопорность и постоянный страх перед наказанием и последствиями любого поступка — черты характера, придающие в том числе и мальчикам как бы *женский уклон*» (Адлер, 1993, с. 22–23).

А. Адлер выделяет два основных фактора, которые, как правило, способствуют усилению чувства неполноценности. Первый фактор — наличие органического дефекта, заключающегося в недоразвитии какого-либо телесного органа, физиологических функций, способностей и т.п. Второй фактор — условия воспитания. Наиболее часто чрезмерное чувство неполноценности возникает у детей, воспитывающихся в атмосфере изнеженности, избалованности или, напротив, в атмосфере эмоционального отвержения и насилия.

Такая односторонняя позиция в ряде случаев действительно может способствовать каким-то реальным личным достижениям людей: совершению научных открытий, созданию произведений искусства, развитию профессионального мастерства, достижению власти и т.п. Однако, гораздо

более чаще она, по мнению А. Адлера, приводит к негативным последствиям: самоубийствам, совершению преступлений, неврозам и другим психическим заболеваниям.

Наиболее обстоятельно А. Адлером была изучена и показана связь этой личностной особенности с возникновением неврозов. С его точки зрения, невротические симптомы следует рассматривать как черты характера, которые сформировались у человека под влиянием завышенного стремления к конкретной цели достижения превосходства в качестве целесообразных средств реализации его индивидуального жизненного стиля. Тем самым, невротические симптомы, как и любые другие черты характера человека, изначально по своей природе функциональны и, следовательно, имеют смысл в контексте направленности его жизни.

Эти смыслы достаточно разнообразны. В работах А. Адлера можно найти описание, по меньшей мере, четырех наиболее часто встречаемых смыслов симптомов в жизни невротика. Во-первых, невротические симптомы, будучи объективным свидетельством болезни человека, т.е. его определенной неполноценности, могут служить средством для его уклонения от выполнения различных обязанностей перед обществом, самим собой и близкими людьми. Во-вторых, они могут служить невротика в качестве средства самооправдания при возможных неудачах в цели достижения превосходства, что, в свою очередь, способствует компенсации чувства неполноценности без каких-либо реальных достижений. В-третьих, они способствуют повышению субъективной значимости собственных достижений каких-либо целей, поскольку эти цели были достигнуты вопреки болезни. И наконец, в-четвертых, симптомы зачастую служат невротика в качестве средств борьбы, прежде всего, с близкими людьми за достижение над ними определенного превосходства, выражающегося, например, в привлечении к себе большего внимания, получении больших привилегий, приобретении большей власти над окружающими и др.

Эти общие представления А. Адлера о личностных предпосылках возникновения неврозов, а также о его функциях и смыслах, приобретаемых в контексте односторонней ценностной позиции жизни человека, можно проиллюстрировать на материале описания конкретного случая, который он приводит в одной из своих работ. Внешняя картина событий в этом случае выглядит следующим образом: «Один весьма одаренный мужчина, добившийся благодаря хорошим манерам и любезному обращению благосклонности достойной девушки, помышляет о помолвке. Вместе с тем, в соответствии со своим идеалом воспитания, он предъявляет к девушке большие претензии, требуя от нее поистине огромных жертв. Какое-то время она сносит его беспредельные требования, пока не прекращает дальнейшие испытания, разорвав отношения. И тут мужчина буквально разваливается в нервных приступах» (Адлер, 1993, с. 15). Анализируя этот случай, А. Адлер акцентирует внимание на двух основных вопросах: в чем причина размолвки между мужчиной и женщиной, и почему после размолвки у мужчины возник невроз.

Ответ на первый вопрос А. Адлер начинает с описания условий жизни этого мужчины в детском возрасте. Он был единственным ребенком в семье и воспитывался рано овдовевшей матерью в довольно жесткой атмосфере подавления и принуждения. В результате у него сформировалось стойкое чувство неполноценности по сравнению с ней, которое было перенесено на отношение к женщинам вообще. Это чувство неполноценности послужило источником формирования у него довольно сильного стремления к достижению превосходства над женским полом. Такая двойственная жизненная позиция пациента по отношению к женщинам и определила, по мнению А. Адлера, его поведение по отношению к своей избраннице. С одной стороны, цель достижения превосходства над женщинами проявилась в его властных претензиях по отношению к ней. Но, с другой стороны, испытываемое им неосознаваемое чувство неполноценности по сравнению с женщинами порождало в глубине его души страх перед вступлением в брак,

где он мог бы вновь потерпеть поражение от женщины. Как считает А. Адлер, человек с такими личностными особенностями объективно психологически не готов к браку, и, внешне стремясь к помолвке, он сам сделал все, чтобы ее избежать. Подлинная причина разрыва их отношений заключается не только в том, что женщина устала терпеть претензии мужчины, но и в особенностях его личности. По своему личностному складу мужчина не только не стремился установить близкие отношения с женщиной ввиду недостаточно развитого чувства общности, но и боялся их, так как испытывал сильное чувство неполноценности перед женщинами. Поэтому он сам неосознанно сделал все, чтобы его избранница отказалась от помолвки.

Отвечая на второй вопрос, А. Адлер показывает, что в жизни этого мужчины невроз достаточно целесообразен в качестве одного из возможных средств достижения его главной жизненной цели — превосходства над женщинами. Прежде всего, невроз объективно и субъективно удерживает этого человека от установления близких отношений с другими женщинами. Как пишет по этому поводу А. Адлер: «Сегодня этому мужчине 30 лет. Допустим, что лет 10–20 он будет носить свой горем и еще столько же будет оплакивать свой потерянный идеал, тем самым он, пожалуй, навсегда застраховал себя от каких бы то ни было любовных отношений и таким образом от какого-либо нового поражения» (Адлер, 1993, с. 17). Кроме того, невроз помогает этому мужчине субъективно утвердиться во мнении о своем превосходстве над женщинами, поскольку он считает, что именно женщина виновна в возникновении его невроза. «Теперь, — продолжает А. Адлер, — чаша с *виной возлюбленной* опускается, а сам он возвышается над ней по воспитанности и характеру, и вот: он достиг того, к чему стремился, он выше, он лучше, его же партнерша “плохая, как и все девушки”. Они не могут с ним, мужчиной, сравниться. Тем самым он исполнил долг, который ощущал еще ребенком, он показал, что стоит выше, чем женский пол, не подвергая испытанию свои силы. Мы понимаем, что его нервная реакция не может

оказаться слишком острой. *Он обязан жить на земле как живой укор женщине»* (Адлер, 1993, с. 17).

Из такого понимания А. Адлером типичных личностных особенностей клиентов психотерапии, способствующих возникновению у них проблем, прежде всего, — неврозов, следует основная цель терапии, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно их изменить.

Это изменение заключается в осознанном и рационально обоснованном пересмотре клиентами своей односторонней ценностной позиции на более компромиссную, который предполагает снижение значимости в их жизни стремления к достижению превосходства и, одновременно, понимание ценности и необходимости развития у себя чувства общности, а также собственной ответственности за его развитие. Как пишет А. Адлер, целью этого пересмотра, который, по его мнению, имеет значение не только для восстановления психического здоровья клиентов психотерапии, но и более широко — для решения задач воспитания и надлежащей организации общественной жизни в целом, является *«усиление чувства реальности, ответственность и замена скрытой враждебности взаимной доброжелательностью, чего, однако, можно добиться лишь через сознательное развитие чувства общности и сознательное разрушение стремления к власти»* (Адлер, 1993, с. 19).

Самым важным фактором, побуждающим клиентов к такому изменению, является осознание ими в процессе психотерапии своего индивидуального жизненного стиля как способа реализации их односторонней ценностной позиции, и его связи с возникновением невроза. При этом А. Адлер специально подчеркивает, что терапевт может помочь клиентам только осознать этот факт, из которого следует понимание необходимости изменения для избавления от невроза своего индивидуального жизненного стиля и односторонней ценностной позиции, но окончательное решение об этом изменении должны принимать только сами клиенты: *«Окончательные изменения в сущности пациента могут быть осуществлены*

только им самим. Самым лучшим я считаю демонстративно сложить при этом на животе руки в твердой уверенности — и это я мог бы здесь даже произнести вслух — что как только он осознал свою жизненную линию, ничего больше от меня не узнает, чего бы он сам, как страдающий недугом, не знал лучше меня» (Адлер, 1993, с. 48).

* * *

На основе проведенного анализа теоретических представлений А. Адлера о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели можно сделать вывод о том, что они допускают возможность их рассмотрения с позиции трех теоретических положений интегративного подхода.

1. Одним из базовых положений индивидуальной психологии А. Адлера является положение о существовании в жизни каждого человека двухальтернативного противоречия между двумя ведущими мотивами, задающими ее направленность: мотивом достижения превосходства по сравнению с другими людьми и чувством общности. Это противоречие заключается в следующем: направленность на достижение превосходства предполагает конфронтацию и борьбу с другими людьми за получение для себя определенных преимуществ и игнорирование общественных интересов в целом, а чувство общности, напротив, побуждает человека к совместной жизни, которая предполагает сотрудничество с другими людьми и их совместную деятельность во благо интересов общества. Данное противоречие является объективным и неискоренимым, поскольку чувство общности является врожденным, а стремление к достижению превосходства неизбежно возникает у всех людей в раннем детстве как компенсаторная реакция на испытываемое ими в этот период чувство неполноценности. Исходя из указанных особенностей это противоречие можно рассматривать как экзистенциальную дихотомию в том смысле, в каком определяет ее Э. Фромм, и обозначить *дихотомией превосходства—общности*.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии в индивидуальной психологии, среди которых преобладают неврозы, можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода теми же самыми особенностями содержания и формирования ценностной позиции их личности по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии превосходства—общности. По содержанию она является односторонней, поскольку ориентирует их на важность и значимость достижения превосходства по сравнению с другими людьми, одновременно препятствуя реализации в их жизни чувства общности. Эта односторонняя ценностная позиция возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием завышенного чувства неполноценности.

3. Цель психотерапии в индивидуальной психологии согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается, в изменении содержания односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, признающую важность и значимость в их жизни не только достижения превосходства, но и проявления чувства общности, что в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии превосходства—общности. Эта компромиссная ценностная позиция должна вырабатываться при активном участии самих клиентов на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте своего индивидуального жизненного стиля как способа реализации односторонней ценностной позиции, способствовавшего возникновению у них невроза, из которого следует понимание клиентами того, что их излечение предполагает необходимость самостоятельного изменения их собственной односторонней ценностной позиции на более компромиссную.

Глава 4. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в аналитической психологии К. Юнга с точки зрения интегративного подхода⁷

Теория психотерапии К. Юнга базируется на его более общих представлениях о структуре и развитии психики человека, которые, в свою очередь, рассматриваются им в контексте биологической эволюции и антропогенеза. По его мнению, свойственная современному цивилизованному человеку психика, которую он называет сознанием или сознательным разумом, была не всегда ему присуща, она формировалась постепенно в процессе его длительной эволюции, продолжавшейся миллионы лет. Как пишет по этому поводу К. Юнг: «Разум вырос до своего теперешнего состояния сознания так же, как желудь вырастает в дуб, а ящеры развились в млекопитающих. И так же долго, как все это развивалось прежде, так же оно развивается и сейчас» (Юнг, 1991, с. 76).

Эволюционный подход к развитию психики предполагает существование определенных стадий ее развития. Очевидно, что о количестве этих стадий и их специфических особенностях судить трудно, поскольку сведения об эволюционных предшественниках современного человека очень ограничены. В связи с этим психологи нередко обращаются к исследованию людей, находящихся на ранних стадиях развития цивилизации, которые принадлежат к так называемым первобытным культурам, считая, что эти люди по психическому складу во многом похожи на предшественников современного цивилизованного человека.

Сравнительные исследования психики людей, живущих в обществах,

---

⁷ Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах К. Юнга и К. Роджерса с точки зрения интегративного подхода / С.А. Капустин // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. № 3. С. 185–203; Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Carl Jung and Carl Rogers // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 2. P. 54-68.

находящихся на разных этапах развития цивилизации, отчасти свидетельствуют о правомерности эволюционного подхода К. Юнга. Эти исследования, в том числе и исследования самого К. Юнга, позволяют выделить, по крайней мере, две крупные стадии развития психики человека: стадию сознательного разума, характерную для современного цивилизованного человека, которая, как он считает, начала формироваться примерно около 6000 лет назад, и стадию архаичного разума, которая свойственна его непосредственному предшественнику и может наблюдаться у так называемого архаичного человека — представителя культурно отсталых обществ.

Как показывают эти исследования, психика архаичного человека качественно отличается от психики современного цивилизованного человека. Наиболее фундаментальное различие, которое, по мнению К. Юнга, определяет эту качественную специфику современной и архаичной психики, состоит в том, что современный и архаичный человек по-разному понимают причины наблюдаемых ими явлений. Для современного человека таковыми причинами являются естественные, природные причины, для архаичного человека в качестве этих причин выступают некие невидимые произвольные силы, действующие по какому-то умыслу.

Следствием этого различия является то, что в представлении мира архаичного человека никакие явления не происходят случайно, в то время как в представлении мира современного человека случайные явления вполне допустимы, они могут возникать как результат определенного стечения объективных обстоятельств. Эти особенности представления мира современного и архаичного человека можно проиллюстрировать одним из примеров, приводимых К. Юнгом: «Если три женщины идут к реке, чтобы набрать воды, а крокодил хватается ту, что посередине, то, с нашей точки зрения, все просто: «...То, что крокодил вообще схватил женщину — это вполне естественно, потому что крокодилы иногда нападают на людей...» Первообытный человек, наоборот, значительно требовательнее. Для него то,

что мы называем случаем, является произволом. Поэтому совершенно ясно, что схватить среднюю из трех женщин было очевидным намерением крокодила. Если бы у него не было такого умысла, то он мог бы схватить любую другую» (Юнг, 1993, с. 165).

Поскольку в представлении мира архаичного человека ничего не происходит случайно, то именно редко встречающиеся, неожиданные или отклоняющиеся от привычного порядка вещей жизненные события производят на него наибольшее впечатление. Эти события зачастую воспринимаются им как таящие для его жизни угрозу, как предзнаменования возможных дальнейших неприятных событий, которые требуют специальных объяснений и совершения различного рода защитных действий. В этой связи уместно привести один конкретный случай, описанный К. Юнгом: «В области южнее Элгона, где мне пришлось провести длительное время, обитает довольно много муравьедов. Муравьед — это ночное, очень пугливое животное, которое поэтому попадает на глаза крайне редко. Но однажды муравьеда увидели днем. Это столь же неестественно и так же удивительно, как если бы мы обнаружили ручей, в котором вода время от времени текла бы вспять... Первобытный человек настолько зависим от происходящего, что любое нарушение установленного порядка мира может иметь для него непредвиденные последствия. Оно является предзнаменованием, знаком, подобным комете или затмению. Поскольку эта неестественность не вызвана, по его представлению, естественными причинами, то появление муравьеда днем объясняется действием невидимой силы произвола. Внушающее страх проявление произвола, способного нарушить мировой порядок, требует, разумеется, чрезвычайных защитных или смягчающих мер. Созываются жители соседних селений, а муравьеда с большим трудом раскапывают и убивают. Затем самый пожилой родственник по линии матери того человека, что увидел муравьеда, должен принести в жертву быка. Сам этот человек становится ногами в нору и получает первый кусок мяса животного. Вслед за ним начинают есть родственники и остальные участники церемонии. Таким

образом искупляется таящая опасность акт произвола природы» (Юнг, 1993, с. 166–167).

Эти особенности восприятия архаичным человеком случайных событий как предзнаменований возможных других позволяют понять, по мнению К. Юнга, еще один характерный для архаичного разума феномен так называемой группировки случайных событий. Данный феномен состоит в том, что человек в своем представлении усматривает связь между отдельными случайными событиями, которые объективно никак не связаны друг с другом. Как пишет по этому поводу К. Юнг: «Это кажется нам абсурдным, но мы совершенно забываем, что испытывали в этой связи наши деды и прадеды: рождается теленок с двумя головами и пятью ногами; в соседней деревне петух снес яйцо; старухе приснился сон; в небе появляется комета; в соседнем городе случается большой пожар; год спустя начинается война. Именно так описывали историю в прошлом, начиная с туманной древности вплоть до XVIII столетия. Для нас такой способ группирования фактов, конечно, бессмыслен, однако для первобытного человека он полон смысла и убедителен» (Юнг, 1993, с. 167).

Благодаря тому, что картина мира современного человека включает в себя представления о существовании естественной причинной обусловленности явлений, он, по мнению К. Юнга, способен отличать все то, что происходит в его субъективном внутреннем мире, в его сознании, от тех явлений и событий, которые происходят объективно в окружающем мире. У архаичного человека столь четкого различения этих двух миров нет, и поэтому между ними возможно смешение. Характеризуя эту особенность психики архаичного человека, К. Юнг отмечает, что «психика первобытного человека, напротив, сосредоточена снаружи, в объектах... Она содержит в себе его мифологию и религию, его мышление и чувствование... Психическое является объективным и происходит вовне» (Юнг, 1993, с. 173). Вследствие этой особенности окружающий мир с необходимостью должен представляться архаичному человеку как одушевленный, в котором реально существуют

души и духи, способные произвольно вмешиваться в явления природы и оказывать влияние на жизнь человека. Поэтому неудивительно, что в окружающем мире архаичного человека «в каждом лесу обитают духи усопших. Та пещера содержит демонов, которые набрасываются на каждого, кто туда входит. В той горе живет огромная змея, в том холме находится гробница легендарного вождя, от того источника, от тех скал или дерева беременеют все женщины, у того брода стоят на страже демоны-змеи, то большое дерево имеет голос, который манит к себе некоторых людей» (Юнг, 1993, с. 173).

Характеризуя процесс эволюции человеческой психики, К. Юнг формулирует еще одно важное теоретическое положение по аналогии с существующим в теории биологической эволюции, состоящее в том, что в психике человека в процессе ее филогенеза происходит не только возникновение качественно новых способов представления мира, характерных для разных стадий ее развития, но также и их сохранение, хотя бы в рудиментарном виде. Тем самым, с точки зрения К. Юнга, психика современного человека представляет собой многослойное образование, где сознание является всего лишь одним, поверхностным слоем, под которым расположены более древние слои, соответствующие качественно различным стадиям развития человеческой психики, которые постепенно нисходят до стадий развития психики животных — эволюционных предков человека. В одной из своих работ К. Юнг разъясняет это свое важное теоретическое положение, сравнивая структуру человеческой психики со старинной постройкой: «Позвольте мне следующее сравнение: нам нужно описать и объяснить здание, верхний этаж которого был сооружен в XIX столетии, первый этаж датируется XVI веком, а внимательное изучение каменной кладки вскрывает тот факт, что оно было перестроено из башни XI столетия. В подвале мы обнаруживаем римский фундамент; под подвалом находится засыпанная пещера, в верхних слоях почвы которой встречаются каменные изделия, а в глубоких — остатки фауны того времени. Этот образ дает

представление о нашей душевной структуре: мы живем на верхнем этаже и лишь смутно сознаем, что нижний этаж является чем-то очень древним. То, что лежит под поверхностью, нами совершенно не осознается» (Юнг, 1993, с. 136–137).

Эти архаичные способы представления мира, характерные для разных стадий развития человеческой психики и предшествующих им стадий развития психики животных, сохраняются, по мнению К. Юнга, благодаря мозгу. Из этого следует, что каждый новорожденный ребенок уже изначально обладает врожденной архаичной психикой, а точнее — генетической предрасположенностью к архаичным способам представления мира, и только в процессе его онтогенеза у него формируется самый поверхностный слой сознательной психики, свойственный современному цивилизованному человеку.

Все архаичные слои человеческой психики, расположенные под верхним сознательным слоем, которым присущи более древние способы представления мира, К. Юнг обозначил термином «коллективное бессознательное». В этом термине слово «бессознательное» указывает на то, что человек не знает о наличии у него генетической предрасположенности к архаичным способам представления мира, а слово «коллективное» — что эта предрасположенность свойственна ему как представителю вида, проходившего определенные стадии своего эволюционного развития.

Содержаниями коллективного бессознательного являются так называемые архетипы — сохранившиеся в мозге человека следы врожденных тенденций к древним способам представления мира, которые были свойственны предшественникам современного цивилизованного человека. Одной из наиболее характерных особенностей архетипов древнего человека, которая может быть использована в качестве их опознавательных признаков, является присутствие в них мифологических мотивов. В качестве иллюстрации этой особенности можно использовать один из примеров К. Юнга, в котором он демонстрирует мифологичность представления

архаичным человеком одного хорошо всем известного конкретного события — восхода и захода солнца, смены дня и ночи: «Каждое утро из моря рождается Герой-бог, он садится в солнечную колесницу. На закате его поджидает Великая мать, которая вечером его проглатывает. Он странствует в животе дракона по дну полуночного моря. После ужасной борьбы с ночным змеем он вновь рождается утром» (Юнг, 1993, с. 127).

В существовании архетипов в психике современного цивилизованного человека можно убедиться, по мнению К. Юнга, изучая и анализируя, прежде всего, образы его сновидений. Во сне происходит нарушение нормального режима работы сознания, что способствует проникновению, например, архаичных образов из коллективного бессознательного в слой сознания. В качестве иллюстрации архаичных образов сновидений можно привести два конкретных примера.

В одном из них К. Юнг описывает сновидения его пациентки, в которых присутствовал он сам, но совершенно в ином облике — в облике седого старика великанского роста, являющегося гармоничной частью природы. Анализируя этот сон, К. Юнг указывает на сходство данного персонажа сновидений с образом языческого бога Вотана, описание которого можно найти в древних мифах.

В другом случае один из собеседников К. Юнга рассказал ему о сне, в котором он увидел человека, распятого на колесе. Как считает К. Юнг, распятие человека на колесе является очень известным древним мифологическим мотивом, где колесо символизирует солнце, а распятие означает жертвоприношение богу-солнцу с целью повышения плодородия земли. Комментируя этот сон, К. Юнг отмечает, что этот человек, учитывая его уровень образования, едва ли мог быть знаком со столь древними мифами, известными лишь достаточно узкому кругу специалистов.

Архаичные образы могут проникать в сознание человека не только во время сна, но и, например, в процессе творческой деятельности. Как считает К. Юнг, многие крупные творческие открытия произошли благодаря

вторжению в сознание именно архетипических образов, которые были лишь переосмыслены в контексте содержания решаемой проблемы и современных представлений мира. В качестве примера он приводит описание открытия закона сохранения энергии, сделанного Р. Майером. С точки зрения К. Юнга, это открытие опирается на многие архаичные идеи, которые есть у каждого человека в его коллективном бессознательном. Одна из таких идей — это идея о бессмертии души и ее способности к переселению в различные тела. Архаичные образы могут также наблюдаться при психических заболеваниях в виде галлюцинаций и бредовых идей.

Наконец, в повседневной жизни современного цивилизованного человека, обладающего сознательным разумом, тенденции к архаичным способам представления мира могут сплошь и рядом проявляться в различного рода иррациональных верованиях: в приметы, предвещающие неблагоприятные события, и ритуалы, помогающие их избежать, в высшие силы, к которым можно обратиться в трудную минуту за помощью, в волшебство, благодаря которому можно достичь желанной цели и др.

Помимо этих двух крупных, возникающих в процессе эволюции слоев человеческой психики — сознания и коллективного бессознательного — К. Юнг указывает на существование третьего слоя, который структурно располагается между ними. Этот третий слой он называет индивидуальным бессознательным. Он представляет собой структурную область психики человека, где хранятся содержания, которые также не осознаются, но, в отличие от архетипов коллективного бессознательного, они возникли в процессе индивидуальной жизни человека. К примерам такого рода содержаний можно отнести весь личный прошлый опыт человека, хранящийся в его памяти, неосознаваемые восприятия, возникающие вследствие воздействия на органы чувств подпороговых стимулов, влечения, вытесненные из сознания ввиду их несовместимости с моральными или эстетическими идеалами человека. В целом, как считает сам К. Юнг, его понятие индивидуального бессознательного во многом соотносится с той же

самой реальностью, что и понятия предсознательного и бессознательного З. Фрейда.

Важнейшим положением в теоретических представлениях К. Юнга является положение о взаимоотношении между сознанием и бессознательным, которое включает в себя одновременно и индивидуальное, и коллективное бессознательное. Как указывает К. Юнг, бессознательное выполняет по отношению к сознанию компенсаторную функцию. Это положение о компенсаторной функции бессознательного, в свою очередь, очень тесно связано с более общими философскими представлениями К. Юнга о природе человеческой жизни, поэтому их следует рассмотреть более подробно.

Характеризуя природу человеческой жизни, К. Юнг указывает, что она объективно задана как единство противоположностей: «Жизнь человека состоит из комплекса неумолимых противоположностей — дня и ночи, рождения и смерти, счастья и страдания, добра и зла. Мы не уверены даже в том, что какое-то одно будет преобладать над другим, что добро победит зло или радость — боль. Жизнь — это поле битвы. Оно всегда существовало и всегда будет существовать, будь это не так, жизнь подошла бы к концу» (Юнг, 1991, с. 79). В другом месте, характеризуя этот принцип устройства человеческой жизни, он пишет, что *«все человеческое относительно, потому что все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть энергетический феномен. Энергия же необходимым образом основывается на некоторой предшествующей противоположности, без которой не может быть никакой энергии. Всегда должны быть налицо высокое и низкое, горячее и холодное и т.д., чтобы мог состояться процесс выравнивания, который и представляет собой энергия»* (Юнг, 1994б, с. 117–118). Поскольку этот принцип единства противоположностей является характеристикой природы человеческой жизни, К. Юнг полагает, что он должен составлять также и основу любой психологической теории, а следовательно, и его собственной: «Психологическая теория, которая должна быть чем-то большим, чем только техническое средство, должна базироваться на принципе противоположности;

ибо без этого принципа она могла бы реконструировать лишь некоторую невротически несбалансированную психику. Без противоположности не существует ни равновесия, ни саморегулирующейся системы. Психика, однако, есть саморегулирующаяся система» (Юнг, 1994б, с. 100).

В связи с такой особенностью своей природы человек постоянно сталкивается с различного рода противоречивыми требованиями, предъявляемыми к нему со стороны противоположных сторон действительности, которые оба с необходимостью должны быть реализованы в его жизни. Однако, по мнению К. Юнга, жизнь большинства людей никак не соотносится с этой ее природной характеристикой. Вместо этого они занимают по отношению к ней одностороннюю сознательную установку, в соответствии с которой они признают для себя важным и значимым реализацию в своей жизни только какого-то одного аспекта противоположностей, одновременно препятствуя реализации другого. К. Юнг объясняет это тем, что односторонность сознательных установок — это неотъемлемое свойство сознания: «Деятельность сознания есть деятельность селективная, выбирающая. А выбор требует направления. Направление же требует *исключения всего иррелевантного (несопринадлежащего)*. Отсюда в каждом данном случае должна возникать известная односторонность в *ориентировании* сознания» (Юнг, 1996, с. 531–532). По его мнению, даже «Само слово “установка” уже выдает неизбежную односторонность, связанную с выбором определенной направленности. Где есть направленность, там есть и устранение отвергаемого» (Юнг, 1991, с. 284–285).

Компенсаторная функция бессознательного состоит в его способности воспринимать односторонность сознательных установок человека и определенным образом реагировать на нее. Одной из таких реакций бессознательного является порождение образов сновидений, которые следует рассматривать как символический язык, с помощью которого бессознательное указывает человеку на односторонность его сознательных установок и необходимость их компенсации с целью установления соответствия этих

установок с принципом устройства человеческой жизни — с принципом единства противоположностей.

Эти общие представления К. Юнга о компенсаторной функции бессознательного можно проиллюстрировать на двух конкретных примерах, взятых из его работ.

В первом примере односторонность сознательной установки одного из пациентов К. Юнга характеризовалась чрезмерно завышенной самооценкой, следствием которой явилась его низкая оценка других людей и, в частности, своего брата, с которым у него по этой причине установились враждебные отношения. В этом случае компенсаторная функция бессознательного проявилась в том, что в сновидениях этого пациента его брат являлся в образах великих людей: Бисмарка, Наполеона или Юлия Цезаря. Как считает К. Юнг, посредством этих образов бессознательное символически указывает пациенту на необходимость компенсации его чрезмерно завышенной самооценки, повышая оценку его брата в содержании сновидений.

Во втором примере К. Юнг описывает девушку-пациентку, у которой односторонность сознательной установки проявилась в ее чрезмерном преклонении перед авторитетом своей матери и основанной на этом преклонении чрезмерной привязанности к ней, что явилось препятствием для развития у нее таких важных личностных качеств взрослого полноценного человека, как самостоятельность и независимость. В данном случае компенсаторная функция бессознательного проявилась в том, что в снах этой девушки мать представала в образе преследующей ее ведьмы. По мнению К. Юнга, этот образ символически указывает на вредоносное влияние данной сознательной установки дочери на развитие ее личности.

Основываясь на работах К. Юнга, личность клиентов психотерапии можно описать с помощью двух основных ее особенностей: 1) содержания ценностной позиции по отношению к объективной заданности жизни человека как единства противоположностей, 2) высокой степени разобщенности сознательной и бессознательной психики.

Ценностной позиции личности клиентов психотерапии, проявляющейся по К. Юнгу в их сознательных установках, свойственна чрезмерная односторонность по отношению к объективно присутствующим в их жизни противоположностям. Эта чрезмерность возникает в тех случаях, когда односторонние сознательные установки приобретают характер страстного желания: «Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие... Страсть, т.е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким «богом», и наше словоупотребление все еще поступает так же. Разве мы не говорим: “Он делает бога из того или этого”? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает, и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал господином, присвоившим себе власть» (Юнг, 1994б, с. 113–114).

Высокая степень разобщенности сознательной и бессознательной психики клиентов означает, что они руководствуются в своей жизни только сознанием, не понимая, что у них также есть и бессознательная психика, реакции которой им следует учитывать при принятии тех или иных жизненно важных решений. По мнению К. Юнга, подобная разобщенность психики является достаточно характерной чертой современного человека: «Одно из проклятий современного человека заключается в том, что он страдает от расщепления собственной личности. И это ни в коем случае не патологический симптом, а нормальный факт (нормальное явление), который можно наблюдать везде и в любое время. Не только у невротиков правая рука не знает, что делает левая. Это неприятное положение является симптомом общей бессознательности, бесспорного общего наследия всего человечества» (Юнг, 1991, с. 27).

Описывая в общем виде механизм возникновения у своих клиентов проблем, К. Юнг указывает, что следствием чрезмерной односторонности ценностной позиции их личности, проявляющейся в их сознательных установках, является активизация их бессознательного, которое стремится

скомпенсировать эту чрезмерную односторонность. Но, поскольку клиенты ничего не знают о своем бессознательном и не понимает символического смысла его реакций, то, естественно, никакой реальной сознательной компенсации произойти не может. И тогда пришедшее в состояние активности бессознательное начинает самопроизвольно вмешиваться в работу сознания и оказывать влияние на их поведение, что порождает у них различного рода проблемы, вплоть до психических расстройств. Как пишет К. Юнг: «Отличительная же черта человека ненормального именно и состоит в том, что он не признает компенсирующего влияния, которое возникает в бессознательном; напротив того, он лишь усиливает еще свою односторонность... Психически неуравновешенный человек пытается бороться со своим бессознательным, т.е. со своими же компенсирующими влияниями... В результате возникает состояние возбуждения, вызывающее усиленную дисгармонию между сознательной и бессознательной установкой. Таким образом противоположные пары оказываются разрозненными и возникающий между ними разлад или состязание приводит к катастрофе, ибо бессознательное начинает постоянно врывать в сознательные процессы. Возникают всякие странные, из ряда вон выходящие, мысли и настроения, и первоначальные формы галлюцинаций носят явный отпечаток внутренних конфликтов» (Юнг, 1938, с. 204).

Из такого понимания К. Юнгом типичных личностных особенностей клиентов психотерапии, способствующих возникновению у них проблем, прежде всего — неврозов и других психических расстройств, следует основная ее цель, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно изменить эти особенности.

Это изменение предполагает замену чрезмерно односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, которая в большей степени соответствует природе человека, заданной как единство противоположностей, хотя, как пишет К. Юнг, такое изменение и непривычно для западной культуры: «наш западный дух вследствие недостатка культуры

в этом отношении еще не нашел понятия для выражения *единения противоположностей на срединном пути* — этой наиважнейшей определяющей части внутреннего опыта, не говоря уже об имени, которое можно было бы сделать пристойным соратником китайского Дао» (Юнг, 1994б, с. 274).

Данное изменение с необходимостью предполагает кардинальный пересмотр клиентами своего отношения к бессознательному — оно признается существующим и начинает рассматриваться как полноценный источник мудрости и опыта, которым обязательно следует руководствоваться в своей жизни. В процессе психотерапии клиенты начинают исследовать свое бессознательное, в ходе которого они осознают на собственном опыте символический смысл его реакций, свидетельствующий о необходимости компенсации их чрезмерно односторонних сознательных установок для устранения своих проблем. Результатом такой работы со своим бессознательным является не только снижение степени односторонности сознательных установок клиентов, но также и уменьшение разобщенности сознания и бессознательного, что способствует формированию у них более целостной, интегрированной психики, которую К. Юнг обозначил термином «самость».

По его определению, «самость обозначает целостный спектр психических явлений у человека. Она выражает единство личности как целого» (Юнг, 1996, с. 553). Наиболее характерными образами-символами самости являются такие образы, в которых представлена идея единства противоположностей: «Эмпирически самость представлена как игра света и тени, хотя и постигается как целостность и союз, единство, в котором противоположности соединены» (Юнг, 1996, с. 554). Ярким примером одного из таких образов-символов самости является для К. Юнга древнее представленное на рис. 1 изображение одного из центральных понятий древнекитайской философии — понятия Дао.

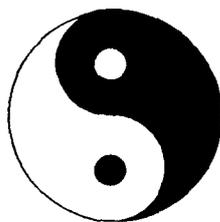

Рисунок 1. Образ-символ Дао (Юнг, 1994а)

С точки зрения К. Юнга, обретение самости следует считать общечеловеческим идеалом, к которому должен стремиться каждый человек, поскольку этот идеал соответствует его природе, а отказ от его достижения ведет к разладу человека с самим собой. Движение в направлении к этому идеалу К. Юнг образно описывает через постепенное изменение центра местонахождения его личности: «Если сопоставлять сознание и Я как его центр с бессознательным и если, кроме того, иметь в виду процесс ассимиляции бессознательного, то эту ассимиляцию можно мыслить как своего рода сближение сознания и бессознательного, причем центр целостной личности теперь уже не совпадает с Я, а выступает как точка посередине между сознанием и бессознательностью. Это, видимо, точка нового равновесия, новая центровка целокупной личности, может быть, виртуальный центр, обеспечивающий личности — в силу своего центрального положения между сознанием и бессознательным — новую, более прочную опору» (Юнг, 1994б, с. 293).

Обретение самости сопровождается освобождением человека от неосознаваемых, а следовательно, неконтролируемых влияний со стороны собственного бессознательного на его сознание и поступки, что делает возможным процесс индивидуации, понимаемый К. Юнгом как индивидуально своеобразный процесс самостановления или самоосуществления человека, особенностью которого является то, что он начинает жить в согласии со своей природой, осознанно и самостоятельно определяя выбор своего жизненного пути и неся за этот выбор ответственность. Как пишет в этой связи К. Юнг, неосознаваемые и неконтролируемые влияния со стороны бессознательного «вынуждают быть и действовать так, что это не совпадает с собственным бытием. Поэтому невозможно ни находиться с этим в единстве, ни нести за это ответственность.

Человек ощущает, что попал в унижительное, несвободное и неморальное состояние...Спасение же от этого состояния придет лишь тогда, когда ты способен быть и поступать так, что ощущаешь это собственным бытием... Если о своих состояниях и поступках можно сказать: “Это я, и я поступаю так”, то можно и двигаться в согласии с собой, даже если приходится тяжело, и можно брать на себя за это ответственность, даже если это неприятно. Конечно, надо согласиться с тем, что тяжелее всего выносить самого себя... Но и это труднейшее свершение становится возможным, только если человек способен отличить себя от бессознательных содержаний» (Юнг, 1994б, с. 298).

* * *

На основе проведенного анализа теоретических представлений К. Юнга о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели можно сделать вывод о том, что они допускают возможность их рассмотрения с позиции трех теоретических положений интегративного подхода.

1. В основе аналитической психологии К. Юнга лежит фундаментальное характеризующее человеческую жизнь философское положение, согласно которому она задана как единство противоположностей. В связи с этим человек постоянно сталкивается с различного рода противоречивыми требованиями, предъявляемыми к нему со стороны противоположных сторон действительности, которые оба должны быть с необходимостью реализованы в его жизни. Наиболее общим примером такого рода противоречия может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными компенсирующими эти установки требованиями со стороны его бессознательного. С учетом указанных характеристик, данные противоречия можно рассматривать как экзистенциальные дихотомии в понимании Э. Фромма и обозначить *дихотомиями противоположностей*. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и любыми другими несовместимыми сторонами действительности, то из этого следует, что дихотомии противоположностей представляют собой более конкретный вид экзистенциальных дихотомий.

2. Одну типичную личностную предпосылку проблем клиентов психотерапии в аналитической психологии можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода той же самой особенностью содержания ценностной позиции их личности, а в терминологии К. Юнга — особенностью их сознательных установок, которая заключается в их чрезмерной односторонности по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии противоположностей. В соответствии с такими односторонними сознательными установками, клиенты считают для себя важным и значимым реализовывать в своей жизни лишь какие-то одни стороны этих дихотомий, что препятствует реализации противоположных. Но, в отличие от интегративного подхода в работах К. Юнга не обсуждается вопрос об особенностях формирования этих чрезмерно односторонних сознательных установок клиентов.

3. Цель психотерапии в аналитической психологии согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается, в изменении содержания чрезмерно односторонних ценностных позиций личности клиентов, а в терминологии К. Юнга — их односторонних сознательных установок, на более компромиссные, признающие важность и значимость реализации в их жизни обеих противоположностей, благодаря чему становится возможным, как считает К. Юнг, осуществление человеком срединного жизненного пути, который в большей степени соответствует объективной заданности человеческой жизни как единства противоположностей. Эта компромиссная ценностная позиция должна вырабатываться при активном участии самих клиентов на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте символического смысла проявлений компенсаторной функции своего бессознательного, который свидетельствует о чрезмерной односторонности сознательных установок их личности, способствующей возникновению у них проблем, из которого следует понимание клиентами того, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного изменения своих односторонних сознательных установок на более компромиссные.

Глава 5. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в гуманистической психологии К. Роджерса с точки зрения интегративного подхода⁸

В теории клиент-центрированной психотерапии К. Роджерса, разработанной в рамках гуманистического подхода в психологии, центральными понятиями, имеющими самое непосредственное отношение к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов, являются понятия самоактуализации и условных ценностей.

Термин «самоактуализация» состоит из сочетания двух слов: «сам» и «актуализация». Актуализация означает, по К. Роджерсу, присущую всей живой природе тенденцию к росту и развитию в соответствии с уже изначально заложенными в ней потенциальными возможностями. В качестве примера, демонстрирующего процесс актуализации, можно указать на семя любого растения, которое изначально содержит в себе потенциал его последующего роста и развития, так что, попав в надлежащие условия, оно начнет расти и развиваться, реализуя этот свой потенциал. Слово «сам» указывает на конкретный объект, в отношении которого используется понятие актуализации, — личность человека. Тем самым понятие самоактуализации означает актуализацию врожденной человеку тенденции к росту и развитию его личности в соответствии с тем, какой она должна стать по своей природе в возможности. Как и в случае с растением, тенденция к личностному росту и развитию присуща природе человека в виде потенциальной возможности, которая при определенных условиях может начать реализовываться актуально.

---

⁸ Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах К. Юнга и К. Роджерса с точки зрения интегративного подхода / С.А. Капустин // Теоретическая и экспериментальная психология. 2024. № 3. С. 185–203; Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Carl Jung and Carl Rogers // Psychology in Russia: State of the Art. 2016. Vol. 9. № 2. P. 54-68.

Таковыми условиями, по мнению К. Роджерса, являются условия общения терапевта со своими клиентами, характерные для созданного им метода клиент-центрированной терапии. Специфика этих условий характеризуется тремя основными особенностями. Первая из них заключается в открытости и правдивости терапевта в выражении им своих мыслей и чувств, возникающих в процессе беседы с клиентами, т.е. если терапевт что-то сообщает им, то он всегда говорит только то, что он действительно думает и чувствует. Второй особенностью является безусловное положительное принятие терапевтом своих клиентов как имеющих безусловную ценность и безоценочное к ним отношение. Это означает, что терапевт должен проявлять положительное отношение к клиентам без каких-либо условий их соответствия его ценностям, отстроившись от них. Третья особенность представляет собой эмпатическое восприятие терапевтом внутреннего мира клиентов, заключающееся в его умении чувствовать и понимать их субъективный опыт именно так, как они сами его чувствуют и понимают.

Как считает К. Роджерс, клиенты, оказавшись в таких условиях, начинают сами относиться к самим себе более положительно и безоценочно. Это изменение отношения клиентов к самим себе рассматривается К. Роджерсом в качестве своего рода пускового фактора, запускающего процесс самоактуализации, переводящего его из потенциального состояния в состояние актуальное. В результате личность клиентов начинает самоактуализироваться, т.е. расти и развиваться естественным образом, становясь в процессе своего личностного роста такой, какой она задана по своей природе в возможности.

Раскрывая более детально свои представления о самоактуализирующейся личности, К. Роджерс указывает на ряд появляющихся у клиентов в условиях клиент-центрированной терапии новых личностных черт. Мы рассмотрим лишь четыре из них, которые можно считать основными, поскольку они всегда неизменно присутствуют во всех

его работах, где описывается процесс самоактуализации клиентов психотерапии.

Первую черту К. Роджерс обозначает как открытость опыту. Эта черта основополагающая, поскольку она является необходимым условием возможности существования трех остальных. Открытость опыту — это особая установка клиента на беспристрастное восприятие объективного содержания всего пережитого им субъективного опыта, касающегося, прежде всего, его представлений о себе. Она является естественным следствием его более безусловного положительного принятия самого себя и более безоценочного к себе отношения, которые возникают у него под влиянием условий клиент-центрированной терапии, благодаря чему устраняется субъективизм и пристрастность его самовосприятия. В результате открытости опыту представления клиента о себе, обозначаемые К. Роджерсом как *Я* или *Я-концепция*, становятся более объективными, а следовательно, более соответствующими тому, какой он есть на самом деле.

Вторая черта, называемая верой в свой организм, означает, что клиент начинает верить в свой организм как надежный источник объективного опыта, и поэтому у него обнаруживается склонность в процессе психотерапевтической беседы в большей степени прислушиваться к себе, к тому, что подсказывает ему его собственный опыт, как пишет К. Роджерс, его «целостное организмическое чувствование ситуации» (Роджерс, 1994, с. 227). Очевидно, что без открытости опыту вера в свой организм лишается каких-либо объективных оснований. Если же клиент открыт опыту и на этой основе способен воспринимать окружающий мир и себя самого более объективно, то его поведение будет более адекватным, успешным и эффективным, что, безусловно, еще больше укрепит его доверие к своему организму как к источнику объективного опыта. Конечно, открытость опыту не исключает возможности ошибочного самовосприятия, но в то же время данная черта способствует более быстрому осознанию этих ошибок и, следовательно, их исправлению, что также укрепляет веру клиента в свой организм.

Третья черта обозначается как внутренний локус. Она указывает на то, что клиент в своих суждениях и оценках начинает в большей степени полагаться на себя, на свой собственный опыт. Эта черта тесно связана с предыдущей, поскольку, если клиент испытывает доверие к своему организму как к надежному источнику объективного опыта, то у него должна появиться склонность полагаться, прежде всего, на свой опыт, а не на какие-либо внешние по отношению к нему источники.

Четвертую черту К. Роджерс называет желание существовать как процесс, имея в виду желание клиента находиться в этом непрерывном процессе личностного роста и развития, поскольку обсуждение его проблем с психотерапевтом предполагает непрерывное обнаружение нового опыта, его анализ и последующее использование.

Словосочетание «условные ценности» используется К. Роджерсом для обозначения имеющейся у человека системы ценностей, которые определяют его ценностное отношение к другим людям и к самому себе (Rogers, 1959). Они обладают двумя характерными особенностями.

Во-первых, термин «условные», в отличие от «безусловного положительного принятия» психотерапевтом своих клиентов в процессе клиент-центрированной терапии, указывает на то, что человек, обладающий этими ценностями, относится положительно к другим людям или к самому себе только при определенном условии — при условии соответствия качеств их или своей личности имеющимся у него ценностным идеалам, в противном случае его отношение будет отрицательным.

Во-вторых, условные ценности формируются у людей в раннем детстве на иррациональной основе — на основе имеющихся у них двух тесно связанных друг с другом потребностей: врожденной потребности в положительном отношении к себе со стороны других людей, особенно тех, которые для них значимы, и производной от нее потребности в положительном отношении к себе со стороны самого себя, т.е. потребности в самоуважении. Опираясь на эти потребности, другие люди, прежде всего

родители, формируют у своих детей те условные ценности, которые они считают необходимыми. Механизм этого формирования можно проиллюстрировать на одном из примеров, часто приводимом К. Роджерсом (Rogers, 1959, 1965; Роджерс, 1997). В этом примере рассматривается процесс формирования у ребенка конкретной условной положительной ценности доброжелательного отношения к своему младшему брату. Когда, как это нередко бывает, старший ребенок начинает обижать своего младшего брата, мать наказывает его, выражая тем самым отрицательное к нему отношение. При этом она одновременно стремится побуждать старшего ребенка вести себя более доброжелательно по отношению к младшему, относясь к нему за это положительно. Если мать является значимым человеком для удовлетворения потребности ребенка в положительном к нему отношении, как это обычно и имеет место в жизни, то он будет стремиться ради удовлетворения этой потребности к соответствию своего поведения ценностям матери. Впоследствии, по мнению К. Роджерса, эти ценности матери интроецируются, т.е. становятся ценностями самого ребенка. После их интроекции соответствие поведения ребенка условным ценностям матери, а в данном примере это будет соответствие его поведения ценности доброжелательного отношения к своему младшему брату, становится необходимым условием удовлетворения его потребности уже в самоуважении. Учитывая эти особенности формирования условных ценностей, можно сделать вывод о том, что следование им является необходимым условием адаптации каждого человека в детстве к значимому для него ближайшему социальному окружению, от которого в этот период зависит его эмоциональное благополучие.

С точки зрения К. Роджерса, типичная особенность личности клиентов психотерапии заключается в чрезмерной ориентации их жизни на условные ценности, что как раз и является главным препятствием проявлению у них врожденной тенденции к самоактуализации. Личность, обладающую такой особенностью, он сравнивает с маской, в которой человек предстает перед

другими людьми в каком-то облики — в желаемых для них и ожидаемых от него личностных качествах. И, в то же время, это сравнение указывает на то, что за маской всегда скрывается подлинное лицо человека, а в контексте его теории — подлинное Я или подлинная личность, к самоактуализации которой человек предрасположен по своей природе.

Представления К. Роджерса о маскоподобной личности клиентов психотерапии кардинальным образом противоположны его представлениям о самоактуализирующейся личности, в чем нетрудно убедиться, сопоставив их основные черты.

Так, в противоположность упоминавшейся ранее первой черте самоактуализирующейся личности — открытости опыту, которая представляет собой установку человека на беспристрастное восприятие объективного содержания своего опыта, касающегося, прежде всего, представлений о себе, маскоподобной личности присуща установка субъективной предвзятости по отношению к восприятию объективного содержания этого опыта. Эта предвзятость проявляется в том, что, вследствие чрезмерной ориентации на условные ценности, человек способен воспринимать объективно только лишь часть опыта, которая соответствует его положительным ценностным представлениям о себе. Другая же его часть, противоречащая этим представлениям, либо вытесняется из сознания, либо осознается человеком в искаженном виде так, чтобы этот опыт уже не мог противоречить его положительным ценностным представлениям о себе. При этом основными причинами вытеснения и искажения опыта являются потребность человека в положительном к нему отношении со стороны других людей и потребность в самоуважении, которые побуждают его к тому, чтобы соответствовать идеалам сформированных у него условных ценностей.

Искажения в осознании объективного опыта человека о себе, столь свойственные его клиентам с маскоподобной личностью, К. Роджерс иллюстрирует рядом примеров. В одном из них он описывает искаженное восприятие юношей объективно переживаемого им чувства гнева по

отношению к своим родителям в виде ощущения сильной головной боли. Это искажение обусловлено тем, что одним из ценностных идеалов этого юноши является почитание своих родителей, граничащее с поклонением. В другом случае представлен пилот, считающий себя бесстрашным человеком, у которого объективно возникающий страх перед выполнением задания, связанного с риском для жизни, искаженно воспринимается в виде болей в сердце или в желудке.

В общем виде эту черту можно проиллюстрировать на модели структуры личности К. Роджерса, которая представлена на рисунке 2.

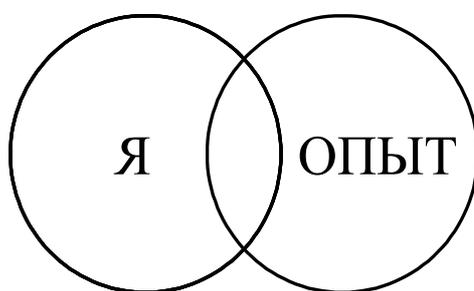

Рисунок 2. Модель структуры личности (Rogers, 1965; Роджерс, 1997)

Данная модель состоит из двух частично пересекающихся окружностей. Одна из них, обозначенная как *Я*, символизирует субъективные представления человека о себе, сформировавшиеся у него под влиянием его условным ценностей. Другая окружность, обозначенная как *Опыт*, символизирует весь имеющийся у человека объективный опыт, относящийся к самому себе. Частичное пересечение этих окружностей означает, что часть опыта осознается человеком объективно, без какого-либо искажения, поскольку соответствует его представлениям о себе. Вместе с тем, у человека есть также опыт, который противоречит этим представлениям, и поэтому он осознается человеком в искаженном виде или вытесняется. Этот опыт символически не входит в зону пересечения окружностей.

Указанные взаимоотношения между *Я* и *Опытом* К. Роджерс разъясняет с помощью ряда конкретных примеров. В одном из них рассматривается человек, имеющий представление о себе как о полностью неспособном

обращаться с техническими устройствами. Данное представление частично подтверждается реальным опытом неудач при его обращении с такими устройствами, что символически изображается зоной пересечения окружностей. Вместе с тем у него имеется также и объективно противоположный опыт успешного обращения с техническими устройствами, не входящий в эту зону пересечения, который воспринимается искаженно, например, как случайность или везение.

С помощью этой модели очень удобно проиллюстрировать обсуждаемое различие между самоактуализирующейся и маскоподобной личностью по характеристике ее открытости–предвзятости по отношению к опыту, от которой зависит степень реалистичности–искаженности представлений человека о себе. На данной модели эта степень реалистичности–искаженности соответствует площади пересечения окружностей и обозначается К. Роджерсом как степень конгруэнтности *Я* и *Опыта*. Полной конгруэнтности соответствует наложение этих окружностей друг на друга. Этот случай характерен для полностью самоактуализирующейся и открытой опыту личности, которая имеет абсолютно реалистичные и неискаженные представления о себе, включая противоречивые. Как пишет К. Роджерс, человек, открытый опыту, — это тот, «который осознает как требования культуры, так и свои собственные физиологические потребности в пище и сексе, который осознает как свое желание иметь дружеские отношения, так и желание возвеличивать себя, который осознает как свою тонкую и чувствительную нежность по отношению к другим, так и враждебность к ним» (Роджерс, 1994, с. 150–151). В другом месте, также описывая подобный опыт человека, находящегося в процессе самоактуализации, К. Роджерс отмечает, что «он чувствует себя любящим, нежным, внимательным и сотрудничающим, так же, как и враждебным, похотливым или злым. Он чувствует интерес, живость, любопытство, так же как лень или безразличие. Он так же чувствует себя боязливым, как смелым и храбрым. Его чувства, когда он живет рядом с ними и принимает их сложность, действуют скорее в созидательной гармонии,

чем увлекая его на какой-нибудь дурной путь, не поддающийся контролю» (Роджерс, 1994, с. 227). Напротив, полная неконгруэнтность свидетельствует о наличии у человека иллюзорных, полностью искаженных представлений о себе, абсолютно не соответствующих реальности. Очевидно, что эти крайние случаи следует рассматривать только как идеальные образцы, которые едва ли существуют в реальной жизни.

Вторая черта маскоподобной личности также противоположна рассмотренной ранее под этим же номером черте самоактуализирующейся личности. Если самоактуализирующейся личности свойственна вера в свой организм как в источник объективного опыта о себе, то маскоподобная личность в большей степени доверяет своим субъективным представлениям о себе, сформировавшимся под влиянием условных ценностей. Вследствие этого у маскоподобной личности неизбежно возникает несоответствие содержания *Я* и *Опыта*, и между этими двумя структурами устанавливается отношение конфронтации. Объективный опыт, не соответствующий условным ценностям, описывается К. Роджерсом как представляющий объективную угрозу разрушения представлений человека о себе, угрозу разрушения целостности его *Я*. Этот угрожающий опыт является источником чувства тревоги, от которого *Я* защищается посредством искажения объективного содержания опыта.

Третью отличительную черту маскоподобной личности можно обозначить как внешний локус. Ранее, при описании третьей черты самоактуализирующейся личности, было показано, что ей свойственна склонность полагаться на себя, на свой собственный опыт, а не на какие-либо внешние по отношению к ней источники. Напротив, маскоподобная личность во многом руководствуется в своей жизни условными ценностями, сформированными в раннем детстве другими людьми с целью управления поведением человека в их интересах. Это формирование осуществлялось на иррациональной основе, а именно, на основе собственных человеку потребностей в положительном к нему отношении и в самоуважении.

Несмотря на то, что в дальнейшем условные ценности после их интроекции воспринимаются человеком как свои собственные, тем не менее, учитывая их происхождение, можно говорить о том, что его жизнь находится в иррациональной зависимости от них как от внешних сил.

Четвертая черта маскоподобной личности отличает ее от самоактуализирующейся тем, что ей в большей степени свойственно пребывать в неизменном виде, поскольку ее представления о себе в большей степени основываются на относительно устойчивой системе условных ценностей, и поэтому они активно сопротивляются изменениям в направлении их соответствия объективному содержанию опыта, искажая или вытесняя его.

Как указывалось ранее, чрезмерная ориентация клиентов психотерапии на условные ценности, свойственная их маскоподобной личности, блокирует у них возможность проявления врожденной тенденции к самоактуализации, вследствие чего, как считает К. Роджерс, у них возникает феномен утраты или потери своей подлинной личности, поскольку они фактически проживают не свою собственную жизнь, а живут в большей степени в угоду другим людям, ради того, чтобы заслужить положительную оценку со стороны тех значимых для них других людей, которым удалось сформировать у них на иррациональной основе те или иные условные ценности. По его мнению, утрата клиентами своей подлинной личности, своего подлинного *Я* способствует возникновению у них самых разных проблем: «Углубляясь в опыт многих клиентов во время психотерапевтических отношений, которые мы пытаемся для них создать, я прихожу к выводу, что каждый клиент задает один и тот же вопрос. За проблемной ситуацией, на которую жалуется индивид, за проблемами с учебой, женой, начальниками, за проблемами своего собственного неконтролируемого или странного поведения, пугающих чувств лежит то, что составляет основной поиск клиента. Мне кажется, в глубине души каждый человек спрашивает: “Кто я в *действительности*? Как я могу войти в контакт с моим настоящим *Я*, лежащим в основе моего

поверхностного поведения? Как я могу стать самим собой?»» (Роджерс, 1994, с. 154).

Из такого понимания К. Роджерсом типичных личностных особенностей клиентов психотерапии, способствующих возникновению у них проблем, следует ее основная цель, заключающаяся в том, чтобы целенаправленно изменить их чрезмерно одностороннюю ориентацию на условные ценности на более компромиссную, тем самым, устранив главное препятствие для их самоактуализации и открыв им на собственном опыте новые ценностные жизненные ориентиры, свойственные их подлинной самоактуализирующейся личности, скрывавшейся до этого времени под масками, в которых они представляли перед другими людьми в желаемых и ожидаемых для них личностных качествах. К. Роджерс описывает эти изменения, наблюдаемые у клиентов в условиях клиент-центрированной терапии, как становление человека самим собой: «Я указывал, что каждый индивид, вероятно задает себе два вопроса: “Кто я?” и “Как я могу стать самим собой?” Я утверждал, что процесс становления возникает в благоприятном психологическом климате; что в нем индивид сбрасывает одну за другой защитные маски, в которых он встречал жизнь; что он полностью переживает свои скрытые качества; что он обнаруживает в этих переживаниях незнакомца, живущего за этими масками, незнакомца, который и есть он сам. Я постарался дать описание характерных качеств появляющегося человека; человека, более открытого ко всем составляющим его организмического опыта; человека, у которого возникает доверие к своему организму как инструменту чувственной жизни; человека, который полагает, что локус оценки лежит внутри него; человека, который учится жить как участник текущего процесса, в котором в потоке опыта он постоянно обнаруживает свои новые качества» (Роджерс, 1994, с. 170–171).

И, как указывает К. Роджерс, в результате этих произошедших в процессе клиент-центрированной терапии личностных изменений клиенты сами найдут решение не только беспокоящих их здесь и сейчас актуальных проблем, но и всех возможных последующих: «Человек, а не проблема

ставится во главу угла. Цель — не решить отдельную проблему, а помочь индивиду “вырасти” настолько, чтобы он сам смог справляться с существующей, а также с последующими проблемами, будучи уже более интегрированной личностью. Если он сможет обрести достаточную целостность, чтобы решить какую-то одну проблему, являясь в большей степени личностью независимой, ответственной, ясно мыслящей и хорошо организованной, то на этом же уровне он сможет решить и все свои новые проблемы» (Роджерс, 2006, с. 40).

* * *

На основе проведенного анализа теоретических представлений К. Роджерса о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели можно сделать вывод о том, что они допускают возможность их рассмотрения с позиции трех теоретических положений интегративного подхода.

1. Одно из важнейших положений теории клиент-центрированной психотерапии К. Роджерса, разработанной в рамках гуманистической психологии, состоит в том, что в жизни каждого человека присутствует двухальтернативное противоречие между двумя разными направлениями его личностного развития. Одно из этих направлений задается врожденной человеку тенденцией к самоактуализации; другое — препятствующим реализации этой тенденции стремлением человека к соответствию качеств его личности условным ценностям. Это противоречие является объективным и неискоренимым, так как тенденция к самоактуализации является, по К. Роджерсу, врожденной, а стремление человека к соответствию качеств его личности условным ценностям является необходимым условием удовлетворения его врожденной потребности в положительном к нему отношении со стороны других людей, что способствует его адаптации особенно в раннем возрасте к значимому для него ближайшему социальному окружению, от которого в этот период зависит его эмоциональное благополучие. Исходя из указанных особенностей данное противоречие можно рассматривать как экзистенциальную дихотомию в том смысле, в

каком определяет ее Э. Фромм, и обозначить *дихотомией условных ценностей—самоактуализации*.

2. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов клиент-центрированной психотерапии можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода теми же самыми особенностями содержания и формирования ценностной позиции их личности по отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии условных ценностей—самоактуализации. По содержанию она является односторонней, поскольку ориентирует клиентов на важность и значимость реализации в их жизни условных ценностей, одновременно препятствуя их самоактуализации. Эта односторонняя ценностная позиция возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия под влиянием значимых для них других людей, прежде всего, родителей, от которых зависит возможность удовлетворения их врожденной потребности в положительном отношении со стороны других людей, а в последствии и самоуважения.

3. Цель клиент-центрированной психотерапии согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается в изменении содержания односторонней ценностной позиции личности клиентов на более компромиссную, признающую важность и значимость реализации в их жизни не только условных ценностей, но и качеств своей подлинной самоактуализирующейся личности, что в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии условных ценностей—самоактуализации. Эта компромиссная ценностная позиция должна вырабатываться при активном участии самих клиентов на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте свойственных им ранее неосознаваемых качеств самоактуализирующейся личности, которые начинают восприниматься ими как новые желаемые для них ценностные ориентиры, что, по мнению К. Роджерса, будет способствовать изменению их односторонней ценностной позиции на более компромиссную и самостоятельному нахождению решения беспокоящих их проблем.

Глава 6. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в экзистенциальной психологии В. Франкла с точки зрения интегративного подхода⁹

Изложение экзистенциального подхода В. Франкла к психотерапии следует начать с рассмотрения лежащего в его основе философского положения о природе человека, состоящего в том, что ему свойственно многообразие разнородных форм бытия, которые сосуществуют в неразрывном единстве: «Отличительным признаком человеческого бытия является сосуществование в нем антропологического единства и онтологических различий, единого человеческого способа бытия и различных форм бытия, в которых он проявляется» (Франкл, 1990, с. 48). Это свое философское представление о человеке В. Франкл разъясняет с помощью одной геометрической аналогии. Единство многообразия форм человеческого бытия можно уподобить целостной объемной геометрической фигуре, которая представлена на чертеже в виде трех ее проекций в трех ортогональных измерениях. Каждая из этих проекций в отдельности, безусловно, характеризует какие-то существенные особенности данной геометрической фигуры, но лишь односторонне, так как форму фигуры нельзя отождествлять с отдельной ее проекцией. Ее форма адекватно и полностью представлена лишь в единстве всех ее множественных проекций.

Как считает В. Франкл, такими основными разнородными формами человеческого бытия, аналогичными трем геометрическим ортогональным измерениям, являются три основных формы: биологическая, социальная и духовная. Каждой из этих форм бытия присущи свои специфические особенности.

---

⁹ Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах В. Франкла с точки зрения интегративного подхода // Человеческий капитал. 2024. № 6. С. 44-51; Kapustin S.A. An Existential Criterion for the Normal and Abnormal Personality in the Works of Viktor Frankl. Summary. Psychology in Russia: State of the Art. 2020. Vol. 13. № 2. P. 140–153.

Биологическая форма человеческого бытия характеризует жизнь человека как живого организма. По мнению В. Франкла, эта форма бытия является предметом исследования, в основном, двух наук: биологии и психологии. Социальная форма бытия человека характеризует его жизнь в обществе и изучается социологией. Как полагает В. Франкл, эти три науки, изучающие жизнь человека в двух ее важных измерениях, несмотря на различия в предмете исследования, имеют определенное сходство: все они изучают человека, главным образом, с естественнонаучной позиции, рассматривая его, по выражению В. Франкла, как существо по своей природе заданное, чья жизнь полностью обусловлена и предопределена. Так, например, в биологии делаются попытки объяснения развития человека с помощью его наследственной предрасположенности и влияний среды. В психологии примерами такого рода подходов могут служить, по мнению В. Франкла, теория З. Фрейда, в которой человеческое поведение определяется сексуальными влечениями, и теория А. Адлера, объясняющая поведение человека его характером. Социологи в качестве важнейших детерминант человеческой жизни часто рассматривают различного рода социальные условия.

С точки зрения В. Франкла, эта естественнонаучная позиция, занимаемая исследователями по отношению к человеку, не вполне адекватна, поскольку она является односторонней. Из поля внимания приверженцев естественнонаучного подхода ускользают самые главные характеристики природы человека, определяющие его специфику, к которым относятся духовность, свобода и ответственность: «Духовность, свобода и ответственность — это три экзистенциала человеческого существования. Они не просто характеризуют человеческое бытие как бытие именно человека, скорее даже они конституируют его в этом качестве. В этом смысле духовность человека — это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное — это то, что

отличает человека, что присуще только ему, и ему одному. Самолет не перестает, конечно, быть самолетом, когда он движется по земле: он может и ему постоянно приходится двигаться по земле! Но лишь поднявшись в воздух, он доказывает, что он самолет» (Франкл, 1990, с. 93).

Рассмотрим эти специфические характеристики природы человека более подробно.

С точки зрения В. Франкла, о наличии у человека особого духовного начала свидетельствуют, прежде всего, феномены так называемого факультативного ноопсихического антагонизма или, иначе говоря, феномены упрямства человеческого духа, состоящие в том, что человек способен противостоять собственной природной заданности, заняв определенную позицию по отношению к своей жизни и поступая в соответствии с ней, вопреки давлению со стороны социальных обстоятельств, влечений, наследственности и других детерминант его жизни. Разъясняя свое представление о существовании духовного начала в человеке, В. Франкл пишет следующее: «Все человеческое обусловлено. Но собственно человеческим оно становится лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно поднимается над своей собственной обусловленностью, преодолевая ее, “трансцендируя” ее. Тем самым человек вообще является человеком тогда и постольку, когда и поскольку он как духовное существо выходит за пределы своего телесного и душевного бытия... Мы все же хотим подчеркнуть тот факт, что человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то “относиться”, как-то “вести себя” по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному психофизическому внутреннему миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем» (Франкл, 1990, с. 111–112).

Феномены упрямства человеческого духа достаточно часто можно наблюдать во всех тех случаях повседневной жизни, когда человек, находясь под сильным влиянием наследственности, влечений, характера или социальных условий, тем не менее, оказывается способным проводить какую-то свою линию жизни.

Как врач-психиатр, В. Франкл полагает, что отношение факультативного ноопсихического антагонизма имеет решающее значение в борьбе человека со своей психической болезнью за выздоровление. По его мнению, психическая болезнь имеет зачастую психофизическую природу, но из этого вовсе не следует, что человек не способен оказать ей сопротивление. Напротив, «чтобы вылечиться, больной должен как-то внутренне отмежеваться от своей болезни, от своего “сумасшествия”» (Франкл, 1990, с. 113). Одну из важнейших задач врача он видит в том, чтобы «способствовать возникновению той полезной дистанции, которая позволяет больному как духовной личности в силу факультативного ноопсихического антагонизма занять позицию по отношению к психофизическому заболеванию, позицию, которая крайне важна в терапевтическом отношении! Ведь эта внутренняя дистанция, занимаемая духовным по отношению к психофизическому, на которой базируется ноопсихический антагонизм, в терапевтическом отношении представляется нам чрезвычайно результативной. Любая психотерапия должна, в конечном счете, строиться на ноопсихическом антагонизме» (Франкл, 1990, с. 113–114).

Человек как духовное существо обладает свободой, что делает его способным к самоопределению. Разъясняя свои представления об этой второй природной, специфически человеческой характеристике, В. Франкл указывает на два аспекта человеческой свободы: негативный и позитивный, которые он обозначает как «“свобода от” чего-то и “свобода для” чего-то» (Франкл, 1990, с. 107).

Негативный аспект характеризует человека как относительно независимого от его природной заданности. Это означает, что жизненный путь

человека не определяется полностью биологическими, психологическими и социальными детерминантами, он сам может принимать активное участие в определении линии собственной жизни¹⁰. Вместе с тем, В. Франкл специально подчеркивает, что независимость человека не следует трактовать как всемогущество. Проявление независимости возможно лишь в определенном диапазоне, который предоставляют человеку объективные условия его жизни.

Позитивный аспект человеческой свободы очень тесно связан, по мнению В. Франкла, с третьей специфической характеристикой человека — его ответственностью. Ее содержательное описание он дает в виде ответов на им же самим поставленные вопросы: 1) За что человек несет ответственность? 2) Перед чем человек несет ответственность? 3) Перед кем человек несет ответственность?

Отвечая на первый вопрос, В. Франкл указывает, что духовное бытие человека — это всегда осмысленное бытие, и ответственность человека состоит в нахождении им смысла своей жизни как в целом, так и в конкретной жизненной ситуации. Смысл жизни придают ценности, которые человек должен найти для себя сам, и тогда его позитивная свобода заключается в свободе выбора этих ценностей.

То, перед чем человек несет ответственность, — это его совесть, которая очень тесно связана со степенью успешности выполнения человеком его основного морального долга. По мнению В. Франкла, этот долг состоит в том, чтобы быть человеком, что означает быть духовным, свободным и ответственным, т.е. самоопределяющимся в ценностях своей жизни и реализующим их. Как полагает В. Франкл, природа человека так устроена, что

---

¹⁰ Это положение о не заданности человеческой жизни и свободе человека, проявляющейся в его способности к самоопределению собственной жизни и собственной личности, является базовым положением как экзистенциальной философии, так и основанной на ней экзистенциальной психологии, из которого следует хорошо известная характеристика специфики человека, данная в свое время Ж.-П. Сартром: существование человека предшествует его сущности.

его совесть способна указывать на его состоятельность или несостоятельность в отношении выполнения им этого своего основного морального долга.

Отвечая на вопрос, перед кем человек несет ответственность, В. Франкл, будучи сам верующим, указывает на Бога как на создателя человека. Для человека верующего иначе и не может быть, поскольку, если человек создан Богом по образу и подобию Божьему, то он и ответственен за свое специфически человеческое существование, в конечном счете, перед лицом Бога.

Таким образом, в самом общем виде специфику духовного бытия человека можно определить как всегда осмысленное бытие, являющееся результатом его самоопределения в ценностях собственной жизни, за которое он несет ответственность перед своей совестью и перед своим создателем, состоящее в том, что он пытается проживать свою собственную жизнь в соответствии с найденными им самим смыслами, зачастую противостоя оказываемым на него различного рода биологическим, психологическим и социальным влияниям.

По мнению В. Франкла, типичной особенностью личности клиентов психотерапии является их особая ценностная позиция, занимаемая по отношению к самим себе. Эта позиция, обозначаемая В. Франклом как «фаталистическая позиция», чрезмерно ориентирует клиентов на одностороннее к себе отношение как к существам, жизнь которых полностью предопределена, тем самым, препятствуя реализации их ответственности за самоопределение в смыслах своей жизни. Обладая такой позицией, они не рассматривают себя как активных участников собственной жизни, позволяя различным значимым и важным для себя биологическим, психологическим и социальным детерминантам определять свой жизненный путь.

Как считает В. Франкл, в наиболее ярко выраженной форме эту фаталистическую позицию можно наблюдать у больных шизофренией. Описывая характерные особенности личности шизофреника, он отмечает, что его «личность переживает себя как объект — объект воздействия, исходящего

от объектива кино- или фотокамеры, или как объект действия записывающего аппарата, или объект подслушивания кем-то — короче говоря, объект разнообразных интенциональных актов со стороны других людей. Все эти пациенты переживают себя в качестве объектов психической активности других личностей, потому что различные виды задействованной аппаратуры суть только символы, механические расширения психики других лиц или их интенциональных актов видения и слышания... Мы можем свести различные формы переживания чистой объектности к общему закону шизофренического переживания: шизофреник переживает самого себя, как если бы он, субъект, был трансформирован в объект. Он переживает психические акты, как если бы они были обращены в пассивное состояние. В то время как нормальная личность переживает себя думающим, смотрящим, наблюдающим, влияющим, слушающим, подслушивающим, добивающимся, ищущим и преследующим, фотографирующим или снимающим кинокамерой и т.д., шизофреник переживает все эти акты и интенции, эти психические функции, как если бы они были трансформированы в пассивные состояния: “за ним наблюдают”, “о нем думают” и т.д. Другими словами, при шизофрении имеет место переживание пассивизации психических функций. Мы рассматриваем это явление как универсальный закон психологии шизофрении» (Франкл, 1997, с. 80–82).

Наиболее распространенным следствием жизни человека в соответствии с фаталистической позицией является, по мнению В. Франкла, возникновение у него особого состояния, называемого экзистенциальным вакуумом, которое характеризуется переживаниями пустоты собственной жизни, скуки, утраты смысла жизни, потери интереса к ней. В. Франкл считает, что экзистенциальный вакуум — это очень широко распространенное явление. Так, например, по данным его опроса, проведенного в Венском медицинском институте, где он преподавал, симптомы этого состояния обнаружились у 40% австрийских, западногерманских и швейцарских студентов и у 80% американских.

В. Франкл рассматривает состояние экзистенциального вакуума как общую предпосылку возникновения у людей самых разных проблем.

Так, многие неврозы он склонен рассматривать как возникающие вследствие экзистенциального вакуума, выделяя их в особую группу так называемых ноогенных неврозов, в отличие от неврозов соматогенных и психогенных. Их основным симптомом является ощущение утраты смысла жизни. По его данным, ноогенные неврозы составляют около 20% от общего числа неврозов. Как считает В. Франкл, экзистенциальный вакуум является существенной предпосылкой алкоголизма и наркомании, поскольку многие люди начинают употреблять алкоголь и наркотики именно для того, чтобы заглушить, хотя бы на время, это тягостное состояние. Данные исследований показывают, что у 90% алкоголиков и у 100% наркоманов выявляется стойкое ощущение утраты смысла жизни. Экзистенциальный вакуум часто способствует совершению людьми преступлений и попыткам самоубийств. Ссылаясь на данные одного из исследований, В. Франкл указывает, что в 85% случаев попыток самоубийств основным мотивом было отсутствие смысла жизни. Еще одно расстройство, обусловленное состоянием экзистенциального вакуума, известно в медицине как синдром ускоренного психофизического износа человека, который проявляется в ускорении процесса его старения при выходе на пенсию. Наконец, с экзистенциальным вакуумом В. Франкл связывает возникновение достаточно широко распространенных так называемых «воскресных неврозов», основным симптомом которых является то, что в выходные дни люди начинают тяготиться своим свободным временем.

Из такого понимания В. Франклом типичной личностной особенности своих клиентов, способствующей возникновению у них различного рода проблем, следует основная цель экзистенциальной психотерапии, заключающаяся в том, чтобы помочь клиентам осознать на собственном опыте непреходящую важность и значимость реализации в их жизни своего специфически человеческого духовного бытия — своей ответственности за

самоопределение в смыслах собственной жизни: «Логотерапия как практика экзистенциального анализа призвана в первую очередь привести человека к осознанию собственной ответственности — так как осознание ответственности является основой основ человеческого существования. Поскольку быть человеком — это быть осознающим и ответственным, экзистенциальный анализ — это психотерапия, основанная на принципе осознания ответственности» (Франкл, 1990, с. 157). При этом В. Франкл специально подчеркивает, что к осознанию собственной ответственности за осмысленность собственной жизни человек должен прийти исключительно самостоятельно: «Экзистенциальный анализ, наряду со всеми формами медицинского служения, удовлетворяется и должен удовлетворяться приведением пациента к глубинному переживанию его собственной ответственности. Продолжение лечения дальше этого пункта с тем, что оно вторгается в личную сферу частных решений, должно расцениваться как недопустимое. Врачу непозволительно принимать на себя ответственность пациента; он не должен предвосхищать решения пациента или предлагать ему готовые решения. Его задача — сделать возможным для пациента принятие решений; он должен помочь пациенту развить способность принятия решений» (Франкл, 1997, с. 142).

Вместе с тем, осознание клиентами собственной ответственности за нахождение смысла своей жизни вовсе не отменяет того, что их жизнь объективно перестает быть во многом детерминированной различными биологическими, психологическими и социальными факторами. Поэтому односторонняя ценностная позиция их личности становится более компромиссной, в большей степени соответствующей противоречивой заданности природы человека. В. Франкл в своих работах неоднократно подчеркивает необходимость поиска подобного компромисса в жизни каждого человека. Так, в одной из них он указывает, что «нет смысла противопоставлять “силу духа” и “силы природы” ... Ибо человек является гражданином сразу нескольких миров; он находится в состоянии постоянного

жизненного напряжения, в биполярном силовом поле. Если бы мы попытались проверить эти силы, натравливая их друг на друга, в итоге мы, вероятно, получили бы ярчайший вид соревнования. Вечная борьба духовной свободы человека с его внутренней и внешней судьбой и составляет, по сути, человеческую жизнь» (Франкл, 1990, с. 210). Такое изменение ценностной позиции личности клиентов способствует устранению предпосылок испытываемого ими состояния экзистенциального вакуума и, как следствие — решению беспокоящих их проблем.

* * *

На основе проведенного анализа теоретических представлений В. Франкла о типичных личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели можно сделать вывод о том, что они допускают возможность их рассмотрения с позиции трех теоретических положений интегративного подхода.

1. Одним из важнейших положений логотерапии В. Франкла, разработанной в рамках экзистенциальной психологии, является указание на существующее в жизни каждого человека двухальтернативное противоречие между различными формами его бытия: с одной стороны, человек должен жить в соответствии со своей биологической и социальной природой, подчиняясь различного рода биологическим, психологическим и общественным влияниям, а с другой стороны, он должен жить в соответствии со своей духовной природой как существо, ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни. Это противоречие является объективным и неискоренимым, поскольку, по мнению В. Франкла, оно свойственно природе человеческой жизни. На этом основании его можно рассматривать как экзистенциальную дихотомию, в понимании Э. Фромма, и обозначить *дихотомией детерминизма–самоопределения*.

2. Одну типичную личностную предпосылку проблем клиентов логотерапии можно охарактеризовать с точки зрения интегративного подхода той же самой особенностью содержания ценностной позиции их личности, а в терминологии В. Франкла, — особенностью их фаталистической позиции по

отношению к конкретному виду экзистенциальной дихотомии детерминизма—самоопределения, ориентирующей их на отношение к себе как к существам, жизнь которых полностью predetermined, и, тем самым, препятствующей реализации их ответственности за самоопределение в смыслах своей жизни. Руководствуясь в жизни такой позицией, они не рассматривают себя как активных участников собственной жизни, позволяя различным значимым и важным для себя биологическим, психологическим и социальным детерминантам определять свой жизненный путь. Но, в отличие от интегративного подхода, в работах В. Франкла не обсуждается вопрос об особенностях формирования этих чрезмерно односторонних фаталистических позиций клиентов.

3. Цель логотерапии согласуется с точкой зрения интегративного подхода. Она заключается в изменении содержания односторонней ценностной позиции личности клиентов, а в терминологии В. Франкла — их фаталистической позиции, на более компромиссную, признающую важность и значимость не только подчинения своей жизни различного рода биологическим, психологическим и социальным влияниям, но также проявления собственной ответственности за самоопределение в смыслах своей жизни, что в большей степени соответствует экзистенциальной дихотомии детерминизма—самоопределения. Эта компромиссная ценностная позиция должна вырабатываться при активном участии самих клиентов на рациональной основе, опираясь на собственный опыт и разум, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте важности и значимости реализации в их жизни своей ответственности за самоопределение в ее смыслах, что способствует самостоятельному изменению их односторонней ценностной позиции на более компромиссную, приводящую к устранению предпосылок возникновения у них состояния экзистенциального вакуума и, как следствие, — к решению беспокоящих их проблем.

Выводы¹¹

Проведенный анализ работ Э. Фромма позволил сформулировать три теоретических положения, составляющих основу интегративного подхода к пониманию типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели. Результаты анализа теорий З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла, проведенного с позиции предложенного в настоящей работе интегративного подхода, подтверждают первую гипотезу исследования. Показано, что, несмотря на явные различия в понятийном аппарате, используемом для характеристики личности клиентов психотерапии авторами всех этих теорий, их представления о личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели строятся на общих методологических основаниях, задаваемых тремя базовыми положениями интегративного подхода.

1. Во всех теориях указывается на объективно свойственную человеческой жизни противоречивость в виде экзистенциальных дихотомий. Конкретные, специфичные для каждой теории виды этих дихотомий, представлены в таблице 3.

---

¹¹ Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности в психотерапии // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. М.: Когито-Центр, 2015. С. 11-21; Kapustin S.A. An existential criterion of normal and abnormal personality // Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019). Moscow: Moscow University Press, 2019. P. 665; Kapustin S.A. An Existential Criterion for the Normal and Abnormal Personality in the Works of Viktor Frankl. Summary. Psychology in Russia: State of the Art. 2020. Vol. 13. № 2. P. 140–153.

Таблица 3 - Виды экзистенциальных дихотомий в различных теориях психотерапии

Авторы	Виды экзистенциальных дихотомий
З. Фрейд	Дихотомия социального—биологического
А. Адлер	Дихотомия превосходства—общности
К. Юнг	Дихотомия противоположностей
К. Роджерс	Дихотомия условных ценностей—самоактуализации
В. Франкл	Дихотомия детерминизма—самоопределения

2. Как указано в таблице 4, во всех теориях типичные личностные предпосылки клиентов психотерапии характеризуются общими особенностями содержания и в трех из них — общими особенностями формирования ценностных позиций их личности. По содержанию эти позиции являются односторонними по отношению к специфичному для каждой теории виду экзистенциальной дихотомии. В трех теориях указывается, что эти односторонние ценностные позиции формируются у клиентов в детском возрасте на иррациональной основе, в двух остальных вопрос об их формировании не обсуждается.

Таблица 4 - Особенности содержания и формирования ценностной позиции личности клиентов психотерапии в различных теориях психотерапии

Авторы	Содержание ценностной позиции	Формирование ценностной позиции
З.Фрейд	Ориентирует клиентов односторонне на соблюдение социальных требований <i>Сверх-Я</i> к проявлениям их врожденных инфантильных сексуальных влечений <i>Оно</i> , свойственных биологической природе человека, препятствуя реализации этих появлений	Возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия, под влиянием других людей, главным образом, их родителей в тот период, когда они находятся в сильной физической и психологической зависимости от них, а их <i>Я</i> еще недостаточно развито для принятия самостоятельных и разумных решений
А.Адлер	Ориентирует клиентов односторонне на достижение превосходства по сравнению с другими людьми, препятствуя реализации и развитию их врожденного чувства общности	Возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия, под влиянием завышенного чувства неполноценности
К.Юнг	Ориентирует клиентов односторонне на реализацию в их жизни сознательных установок, препятствуя реализации их противоположных неосознаваемых установок	В работах этого автора данный вопрос не обсуждается

Авторы	Содержание ценностной позиции	Формирование ценностной позиции
Роджерс	Ориентирует клиентов односторонне на руководство в своей жизни условными ценностями, препятствуя проявлению тенденции к самоактуализации	Возникает у клиентов в раннем возрасте на иррациональной основе, а именно, — помимо их собственного сознательного и разумного участия, под влиянием значимых для него других людей, прежде всего, родителей, от которых зависит возможность удовлетворения их врожденной потребности в положительном отношении со стороны других людей
Франкл	Ориентирует клиентов односторонне по отношению к себе как существу детерминированному, препятствуя их самоопределению в смысле собственной жизни	В работах этого автора данный вопрос не обсуждается

3. Как показано в таблице 5, во всех теориях цель психотерапии заключается в изменении односторонних ценностных позиций клиентов на более компромиссные, признающие важность и значимость реализации в их жизни обеих сторон специфичного для каждой теории вида экзистенциальной дихотомии. Эти изменения должны осуществляться клиентами самостоятельно и на рациональной основе.

Таблица 5 - Требования к изменению содержания и формирования ценностной позиции личности клиентов, характеризующие цель психотерапии в различных теориях

Авторы	Содержание ценностной позиции	Формирование ценностной позиции
З.Фрейд	Должна ориентировать клиентов на поиск компромисса в разрешении дихотомии социального—биологического (<i>Сверх-Я—Оно</i>).	Должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте произошедшего когда-то в их детстве одностороннего иррационального разрешения конфликта между <i>Сверх-Я</i> и <i>Оно</i> , способствовавшего возникновению у них проблем, из которого следует понимание ими того, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного изменения односторонней ценностной позиции их <i>Я</i> на более компромиссную.

А.Адлер	Должна ориентировать клиентов на поиск компромисса в разрешении дихотомии превосходства— общности.	Должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте своего индивидуального жизненного стиля как способа реализации односторонней ценностной позиции, способствовавшего возникновению у них проблем, из которого следует понимание ими того, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного изменения собственной односторонней ценностной позиции и на более компромиссную.
Авторы	Содержание ценностной позиции	Формирование ценностной позиции
К.Юнг	Должна ориентировать клиентов на поиск компромисса в разрешении дихотомии противоположностей.	Должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте символического смысла проявлений компенсаторной функции своего бессознательного, свидетельствующего о чрезмерной односторонности их сознательных установок, способствовавшей возникновению у них проблем, из которого следует понимание ими того, что решение этих проблем предполагает необходимость самостоятельного осуществления компенсации своих односторонних сознательных установок на более компромиссные.
К.Роджерс	Должна ориентировать клиентов на поиск компромисса в разрешении дихотомии условных ценностей— самоактуализации.	Должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте свойственных им ранее неосознаваемых качеств самоактуализирующейся личности, которые начинают восприниматься ими как новые ценностные жизненные ориентиры, что способствует изменению их собственной односторонней ценностной позиции на более компромиссную и самостоятельному нахождению решения их проблем .
В.Франкл	Должна ориентировать клиентов на поиск компромисса в разрешении дихотомии детерминизма— самоопределения.	Должна вырабатываться клиентами самостоятельно на рациональной основе, а именно, — на основе осознания ими в процессе психотерапии на собственном опыте важности и значимости реализации в их жизни своей ответственности за самоопределение в ее смыслах, что способствует изменению их собственной односторонней ценностной позиции на более компромиссную, приводящего к устранению предпосылок испытываемого ими состояния экзистенциального вакуума и, как следствие, — к решению их проблем.

ЧАСТЬ II. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИМ, СУПРУЖЕСКИМ И ЛИЧНЫМ ПРОБЛЕМАМ¹²

Глава 7. Методика исследования¹³

В исследовании проанализировано 176 консультационных случаев с детско-родительскими проблемами. Среди них в 112 (64%) случаях эти проблемы возникали в семьях с детьми мужского пола, в 64 (36%) — женского, возраст детей варьирует от 3 до 17 лет. В таблице 6 представлено распределение этих детей по следующим возрастным периодам: дошкольный возраст (3–6 лет), младший школьный возраст (7–11 лет), подростковый возраст (12–15 лет) и юношеский возраст (16–17 лет) (Мухина, 2011).

Таблица 6 - Распределение детей из семей, обратившихся за психологической консультацией по детско-родительским проблемам, по возрастным периодам

Возрастные периоды	3–6 лет	7–11 лет	12–15 лет	16–17 лет
Количество человек	30	80	61	5

В 147 случаях все пришедшие в консультацию члены этих семей прошли процедуру тестирования, занимавшую в среднем 1,5–2 часа.

---

¹² Капустин С.А. Интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и психологического консультирования. М.: Когито-Центр, 2022. 259 с.; Капустин С.А. Критерии нормальной и аномальной личности в психотерапии и психологическом консультировании. М.: Когито-Центр, 2014. 239 с.

¹³ Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей // Национальный психологический журнал. 2015. № 4. — С. 119- 129; Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 76-90.

Родителям из этой категории случаев предлагались следующие тестовые методики:

- Методика анализа семейных взаимоотношений (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкого (Эйдемиллер, 2000) — для выявления особенностей их взаимоотношений со своими детьми.

- Тест диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири, адаптированный Л.Н. Собчик (Собчик, 1998), — для выявления особенностей их взаимоотношений со своими родителями в детстве.

- Опросник Р. Кеттелла (16 ЛФ) (Шмелев, 1988) и восьмицветовой тест М. Люшера (Люшер, 1997) — для выявления их личностных особенностей.

Детям, в зависимости от их возраста, предлагались различные наборы тестовых методик:

- Тест диагностики межличностных отношений (ДМО) — для выявления особенностей их взаимоотношений со своими родителями (предлагался детям от 13 до 17 лет).

- Адаптированный Э.М. Александровской и И.Н. Гильяшевой (Александровская, 1995) модифицированный вариант детского личностного опросника Р. Кеттелла (предлагался детям от 8 до 12 лет); опросник Р. Кеттелла (16 ЛФ) (предлагался детям от 13 до 17 лет); восьмицветовой тест М. Люшера (предлагался детям от 6 до 17 лет) — для выявления их личностных особенностей.

Через несколько дней после тестирования с членами этих семей проводилась консультация в виде беседы, длительность которой составляла в среднем 1,5–2 часа. В ходе этой беседы целенаправленно выявлялись следующие аспекты:

- Устойчивые особенности взаимоотношений детей со всеми взрослыми членами семьи, которые принимали основное участие в их воспитании, начиная с раннего детства и до настоящего времени.

- Характерные черты личности родителей и детей.

- Проблемы, беспокоящие родителей и детей.

В 69 случаях беседы были полностью записаны на магнитофон, в 107 случаях — подробно запротоколированы.

Также проанализировано 38 случаев с семьями, члены которых никогда не обращались в психологическую консультацию за помощью в решении каких-либо проблем, в которых было 62 ребенка (32 мужского пола и 30 — женского). Во всех этих семьях обязательно был хотя бы один ребенок в возрасте от 3 до 17 лет. Но поскольку в 16 случаях у них были братья или сестры более старшего или более младшего возраста, которых мы также решили включить в исследование, то с учетом этого обстоятельства возрастные границы выборки детей оказались более широкими — от 6 месяцев до 25 лет. В таблице 7 представлено распределение всех детей из этих семей по различным возрастным периодам.

Таблица 7 - Распределение детей из семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, по возрастным периодам

Возрастные периоды	До 3 лет	3–6 лет	7–11 лет	12–15 лет	16–17 лет	18–25 лет
Количество человек	5	4	23	15	4	11

Для обследования этих семей использовались те же самые тестовые методики. После тестирования с родителями и детьми также проводилась беседа, продолжительностью 1,5–2 часа, направленная на выявление тех же самых аспектов. В 20 случаях эти беседы были полностью записаны на магнитофон, в остальных — подробно запротоколированы.

В этих двух исследованиях аудиозаписи записи и протоколы бесед являлись для нас основным эмпирическим материалом для его последующего анализа и выдвижения гипотез, которые затем проверялись данными тестирования.

В исследовании супружеских и личных проблем взрослых клиентов, обратившихся за психологической консультацией, было проанализировано 120 аудиозаписей наших с ними бесед продолжительностью 1,5–2 часа.

Глава 8. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации¹⁴

8.1. Характеристика стилей родительского воспитания на основе данных бесед с клиентами

Анализ магнитофонных записей и протоколов бесед позволил выявить во всех 176 консультационных случаях одну общую особенность воспитания детей. Эта особенность состоит в том, что со стороны хотя бы одного из членов семьи (отца, матери, бабушки или дедушки) осуществляется чрезмерное вмешательство в жизнь ребенка, заключающееся в организации и управлении его поведением. Вместе с тем характер этого вмешательства различается в зависимости от того стиля воспитания, в котором он присутствовал.

Нами выявлено два основных стиля воспитания, которые обозначены широко распространенными в литературе названиями: *гиперопека* и *сверхтребовательность* (Личко, 1983; Эйдемиллер, 1987; Захаров, 1988; Архиреева, 1990; Буянов, 1984; Рое, 1963). Эти стили встречаются как в *чистом*, так и в *смешанном* виде.

К чистому виду (74% от общего числа случаев) относятся случаи, в которых наблюдается только какой-нибудь один из двух основных стилей воспитания, гиперопека или сверхтребовательность, при этом не учитывается,

---

¹⁴ Капустин С.А. Психология — практике воспитания личности. М.: Когито-Центр, 2018. 96 с.; Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. 2015. № 2. С. 51-62; Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 76-90; Капустин С.А. Поляризованная оценочная позиция как универсальная причина проблем клиентов психологической консультации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1994а. № 1. С. 7-18; Kapustin S.A. Using the existential criterion for assessing the personality of overprotective and overly demanding parents in the families of patients who have sought psychological counseling for parent-child problems // Russian education and society. 2016. Vol. 58. № 4. P. 247-259.

использует ли его только один член семьи или несколько. В чистом виде гиперопека встречается в 47% случаев; сверхтребовательность — в 27%.

Для смешанного вида (20% от общего числа случаев) характерно наличие либо одновременного сочетания гиперопеки и сверхтребовательности (12%), исходящих от разных членов семьи, либо последовательного их сочетания (8%), при котором достаточно длительный период жизни ребенка в условиях гиперопеки сменялся сверхтребовательностью со стороны хотя бы одного из членов семьи (смены сверхтребовательности на гиперопеку в наших случаях не наблюдалось). В 3% случаев, которые мы отнесли к категории *особых*, наблюдается присутствие и одновременного, и последовательного сочетания гиперопеки со сверхтребовательностью.

Кроме того, в ряде случаев нам не удалось четко разграничить гиперопеку и сверхтребовательность, поскольку во взаимоотношениях родителей с детьми присутствовали черты обоих стилей. Эти случаи мы назвали промежуточными, и они составляют также 3% от общего числа случаев.

В следующих параграфах будут представлены описания гиперопеки и сверхтребовательности, а также их разновидностей, сделанные на основании данных бесед. Их содержание мы раскроем одновременно по трем основным составляющим, характеризующим стиль взаимоотношений родителей со своими детьми: когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

8.1.1. Гиперопека и ее виды

В данной категории консультационных случаев гиперопека встречалась в чистом виде в 47%, в смешанном — в 20%. В 90% всех этих случаев данный стиль воспитания наблюдался по женской линии (у матерей — 55%, бабушек — 35%). Лишь в 7% случаев гиперопека отмечалась у отцов и в 3% — у дедушек. Гиперопека мальчиков встречалась в 68% случаев, т.е. в 2 раза чаще, чем девочек.

Когнитивная составляющая гиперопеки состоит в том, что родители¹⁵ рассматривают своего ребенка как очень дорогое и вместе с тем слабое, беспомощное существо, жизнь которого переполнена трудностями и опасностями, в связи с чем он нуждается в постоянной помощи.

Эмоциональная составляющая характеризует взаимоотношения между родителями и детьми как очень близкие, теплые, доверительные и доброжелательные.

Поведенческая составляющая заключается в чрезмерно активном вмешательстве родителей в жизнь своих детей в виде оказания им помощи действиями или советами в решении повседневных задач.

В целом, жизнь ребенка в семье с гиперопекающими родителями можно охарактеризовать как протекающую в своего рода тепличных условиях: он окружен повышенной любовью, заботой и вниманием; родители стремятся максимально оградить его от трудностей и опасностей, всегда с готовностью оказывают ему своими действиями и советами помощь, которая охотно им принимается.

Помимо этих трех основных характеристик гиперопеки можно выделить ряд дополнительных, позволяющих говорить о наличии нескольких ее видов. Эти виды различаются по трем основаниям: по диапазону гиперопеки, ее степени и дополнительным доминирующим установкам родителей по отношению к ребенку.

Прежде чем давать характеристику этим видам гиперопеки, необходимо специально указать, что, хотя различия между ними, безусловно, есть, на практике иногда могут возникать трудности отнесения какого-то конкретного случая гиперопеки к тому или иному виду, поскольку отдельные виды гиперопеки плавно переходят друг в друга. Характеризуя виды гиперопеки,

---

¹⁵ Здесь и далее мы используем слово «родители», как правило, более широко, обозначая им не только матерей и отцов детей, но и их прародителей, т.е. бабушек и дедушек.

мы будем приводить в качестве их иллюстраций краткие описания типичных конкретных случаев¹⁶.

По диапазону гиперопеки можно выделить два ее вида: локальную и тотальную.

Локальная гиперопека отмечается в 4% случаев. Этот вид гиперопеки касается преимущественно сферы учебной деятельности ребенка и особенно ярко проявляется в чрезмерной помощи ему в приготовлении домашних заданий.

***Случай 1.** В консультацию обратилась мать с сыном Андреем (7 лет). Этот вид гиперопеки наблюдался со стороны матери.*

По словам матери, уроки он делает только с мамой, так как «нужно стоять за его спиной, иначе он отвлекается, достает машинки, смотрит в окно, если отвернуться, делает сразу 3–4 ошибки». Мать отмечает, что он «очень ориентирован на помощь», постоянно обращается к ней: «Я не понимаю, давай сделаем вместе, посиди около меня», и мама всегда «старалась помочь». Андрюша пишет в прописи только под диктовку матери, что, по ее мнению, «легче для него»; когда считает, проговаривает все вслух, задавая ей вопросы: «Куда скобку ставить? Что писать дальше? и т.д.».

Тотальная гиперопека (остальные 96% случаев) характеризуется чрезмерным участием родителей не только в организации учебной деятельности ребенка, но и в других сферах его жизни: в раннем возрасте — это одевание, кормление, укладывание спать, организация игр; в более старшем возрасте — это выбор друзей, организация времени, быта и др.

***Случай 2.** В консультацию обратилась мать с дочерью Юлей (11 лет). Этот вид гиперопеки наблюдался со стороны матери.*

По словам матери, «это очень долгожданный ребенок, все делалось для него, ведь он у меня один». Мать все время проводит с Юлей: водит в кружки, в школу, гуляет с ней во дворе, выезжает вместе с ней в летние лагеря. До сих пор она иногда одевает дочку, убирает за ней кровать. Мать ежедневно делает вместе с Юлей уроки: «Сижу рядом, проверяю, направляю, не даю отвлекаться на телевизор, на кошку». Также она проверяет и сбор портфеля у дочки: «Вытряхиваю все из портфеля и проверяю сама, все ли она взяла».

---

¹⁶ Во всех описаниях консультационных случаев имена клиентов изменены.

Юле никогда ни в чем не отказывали, она привыкла, что все, что захочет, ей позволено.

По степени гиперопеки можно выделить также два ее вида: умеренную и сильную.

Степень гиперопеки в целом зависит от степени эмоциональной близости родителей с ребенком. Как правило, чем более близкими являются отношения между родителями и детьми, тем чаще наблюдается оказываемая родителями помощь. При *сильной гиперопеке*, наблюдающейся в 38% случаев, отношения между родителями и детьми можно охарактеризовать как симбиотические, при которых родитель и ребенок представляют собой неразлучную пару, проводящую большую часть времени вместе.

Случай 3. *В консультацию обратилась мать с сыном Сергеем (6 лет). В этом случае сильная гиперопека была со стороны матери.*

По словам матери, «Сереза — это только мой ребенок, поэтому в его воспитание никто не вмешивается». В беседе мать отмечает, что «очень ждала появления ребенка». Сереза рос в обстановке заботы и любви, «не знал отказов и запретов, выполнялись все его прихоти и желания, самым большим наказанием для него был угол, и то его ставили туда очень редко». С детства мать и сын неразлучны и очень привязаны друг к другу. Мать сообщает, что «Сереза является самой большой ценностью для нее», поэтому она всегда очень беспокоится о нем: «Моя рука всегда была на его капюшоне, вдруг он упадет? И до сих пор так: я буквально тащу его под мышкой, боюсь за него». Год назад мать стала водить сына на спортивные занятия, но если он оставался в зале без нее, то садился на лавочку и ничего не делал. Если она входила с ним в зал, Сереза не отходил от нее ни на шаг, «начинал ходить за мной как теленок, лез целоваться, обниматься». И тогда она начинала все упражнения делать вместе с ним, чтобы таким образом заставить его заниматься.

В качестве примера умеренной гиперопеки, которая составляет остальные 62%, можно указать на уже приведенный ранее случай 2.

По дополнительным доминирующим установкам родителей по отношению к ребенку можно было выделить три вида гиперопеки: больничную, тревожную и любящую.

При больничной гиперопеке (20% случаев) ребенок рассматривается как физически слабый и болезненный и поэтому, подобно больному, требует дополнительного ухода, заботы и внимания. Доминирование этой установки чаще встречается в тех случаях, где дети действительно физически менее развиты, часто болеют или имеют какие-то хронические заболевания.

***Случай 4.** В консультацию обратилась мать с дочерью Еленой (17 лет). В этом случае больничная гиперопека была со стороны матери.*

По словам матери, Лена была болезненным ребенком с двух недель. Часто лежала в больнице, постоянно болела простудными заболеваниями. С четырех до пяти лет Лена ходила в детский сад, а в остальное время мать постоянно сидела с ней дома и, как она сама характеризует этот период, «опекала, что-то за нее делала, ведь с болезненным ребенком нужно сидеть дома и обходиться по-хорошему». С 1 класса уроки Лена делала вместе с мамой. Из-за частых болезней и пропусков отставала от учебной программы, поэтому мать всегда очень жалела дочку, старалась с ней заниматься, объяснять ей пропущенный материал и освободить от какой-либо лишней нагрузки, например, работы по дому, стремясь помочь и выполнить что-то за нее.

При тревожной гиперопеке (12% случаев) жизнь ребенка рассматривается родителями как переполненная опасностями, которым ребенок не может противостоять самостоятельно, и поэтому его следует постоянно держать в поле внимания, оберегая от этих опасностей.

***Случай 5.** В консультацию обратилась мать с дочерью Марией (15 лет). Данный вид гиперопеки был со стороны матери.*

По словам матери, из-за страха за дочку она с раннего детства участвует в организации ее жизни, боясь, что с ней может случиться что-нибудь плохое. Тревога за судьбу Маши выражалась в частых советах, мелочной опеке, принятии решений за нее. Мать советует Маше, как поступить в той или иной ситуации, оценивает совершенные дочерью поступки, а так как между мамой и Машей доверительные отношения и дочка все ей рассказывает, то мать принимает активное участие в ее повседневной жизни. По словам Маши, мама «опекает ее даже больше, чем она сама себя». Советы даются ей и по мелочам: «Иди в магазин этой дорогой, к автобусам не подходи, не иди, где грязно». Маша говорит в беседе, что мать оценивает все ее поступки и советует, как поступить, а у нее не

возникает даже чувства противоречия: «Мне часто нравится эта опека, потому что я к ней привыкла».

При любящей гиперопеке (35% случаев) ребенок рассматривается как дорогое, сверхценное для родителей существо, своего рода кумир семьи, которому следует поклоняться, служить, приносить себя в жертву. Данная установка чаще всего встречается в семьях, где ребенок по самым разным причинам является очень долгожданным.

Случай 6. В консультацию обратилась мать с сыном Павлом (8 лет). В этом случае любящая гиперопека была со стороны матери.

Как отмечает мать, с полутора лет Паша постоянно находился в центре ее внимания. Она водила его в бассейн, в школу искусств, на занятия танцами, разучивала с Пашей стихотворения. Родители высоко оценивают способности своего сына. По словам матери, он обладает «неординарным восприятием мира, богатой фантазией и с ним можно говорить на взрослом уровне, потому что он все прекрасно понимает». Ему ни в чем не было отказа, его никогда не наказывали, всегда организовывали его занятия и игры. Например, если Паша просил сделать бумажный самолет, то кто-то из родителей садился рядом и помогал ему. Если через некоторое время Паша просил поиграть с ним в шахматы, побороться, принести ему чай и т.д., то все желания сразу исполнялись. Такие постоянные просьбы продолжались каждый день с утра до вечера. Когда Паша пошел в школу, мама стала делать домашние задания вместе с ним. На приготовление уроков уходило 6–7 часов.

К характеристике последних трех видов следует добавить, что в очень многих случаях (33%) их не всегда можно было четко различить, поскольку при гиперопеке наблюдается одновременное сочетание всех трех выделенных нами установок родителей по отношению к своим детям. Все родители заботятся о здоровье своих детей, тревожатся за них и очень любят. Указанные виды гиперопеки выделяются на основании относительного доминирования какой-то одной из одновременно существующих установок.

8.1.2. Сверхтребовательность и ее виды

Сверхтребовательность в чистом виде наблюдается в 27% случаев, в смешанном — в 20%. В большинстве случаев (71%) она так же, как и гиперопека, встречается по женской линии (у матерей — в 63% случаев, у бабушек — в 8%), но, по сравнению с ней, на 19% реже. Со стороны отцов

сверхтребовательность отмечается в 28% случаев, а со стороны дедушек — в 1%. Сверхтребовательность встречается чаще по отношению к мальчикам (в 64% случаев), т.е., так же, как и гиперопека, приблизительно в 2 раза чаще, чем к девочкам.

Когнитивная составляющая сверхтребовательности состоит в том, что родители рассматривают ребенка как объект воспитания, как своего рода сырой материал, из которого необходимо сделать полноценного человека с определенными желаемыми для них качествами, важными, по их мнению, для успешной жизни в обществе. Свою родительскую миссию они видят в том, чтобы сформировать у него эти качества.

Эмоциональная составляющая, в целом, характеризуется большей дистанцией во взаимоотношениях по сравнению с гиперопекой. При этом степень эмоциональной близости родителей к своим детям зависит от того, насколько поведение детей соответствует их требованиям, и, в зависимости от этого, может меняться, т.е. в их эмоциональном отношении всегда присутствует элемент условности. Если ребенок ведет себя так, как хотят родители, то отношения между ними более близкие, и наоборот, если он не соответствует их представлениям о том, каким он должен быть, то степень эмоциональной близости родителей к ребенку уменьшается вплоть до стойкого неприятия и отвержения. В отличие от сверхтребовательности, при гиперопеке эмоциональная близость более постоянна и безусловна.

Поведенческая составляющая так же, как и при гиперопеке, заключается в чрезмерном вмешательстве родителей в жизнь ребенка. Однако это вмешательство осуществляется уже не в виде помощи, а в виде требований, не считаясь с его собственными интересами и желаниями. Предъявляя к ребенку определенные требования, родители строго контролируют их исполнение, а в случае несоответствия поведения ребенка этим требованиям, к нему применяются различного рода санкции: от мягкого осуждения до суровых наказаний.

В целом, условия жизни ребенка в семье со сверхтребовательными родителями отличаются от условий его жизни при гиперопеке. Их можно

охарактеризовать как условия постоянного предъявления требований, оценивания и контроля со стороны родителей, направленные на то, чтобы сформировать у ребенка определенные личностные качества, желаемые, прежде всего, для них, а не для ребенка.

Так же, как и гиперопека, сверхтребовательность имеет несколько разновидностей. Они различаются по трем основаниям: по *диапазону* сверхтребовательности, по ее *степени* и по *применяемым* родителями по отношению к своим детям *санкциям*.

Виды сверхтребовательности так же, как и виды гиперопеки, плавно переходят друг в друга, и поэтому на практике могут возникать трудности в отнесении отдельных конкретных случаев сверхтребовательности к тому или иному виду.

По диапазону сверхтребовательности можно выделить два ее вида: локальную и тотальную.

Локальная сверхтребовательность, составляющая 21% случаев, касается преимущественно сферы учебной деятельности. Она заключается в постоянном предъявлении родителями требований к ребенку по поводу его успеваемости и поведения в школе, а также в контроле за их исполнением.

Случай 7. В консультацию обратилась мать с сыном Александром (11 лет). В данном случае этот вид сверхтребовательности наблюдался со стороны отца.

С 1 класса каждый день отец контролировал приготовление домашних заданий у сына. Постоянно смотрел Сашины тетради и, если находил пометки или ошибки, заставлял переписывать задания по несколько раз, пока все не было написано чисто и грамотно. Устные предметы Саша пересказывал. Гулять его отпускали только тогда, когда он сделает уроки. А так как на их приготовление уходило почти все время, он практически не гулял. Также отец требовал четкого ведения дневника, подробных записей домашнего задания, говоря при этом Саше: «Дневник — твой паспорт, даже если не задано, то пиши — не задано». Наказанием за непослушание было лишение прогулок.

Тотальная сверхтребовательность (остальные 79% случаев) характеризуется предъявлением ребенку требований, касающихся качеств его

личности в целом, а также правил и норм поведения, которые он должен выполнять.

Случай 8. В консультацию обратилась мать с сыном Иваном (12 лет). В данном случае тотальная сверхтребовательность наблюдалась со стороны матери.

Как сообщила в беседе мать, с раннего детства она старалась приучить сына к порядку, аккуратности, четкому и тщательному выполнению ее указаний: «Я все время указывала ему, требовала полного и правильного выполнения этих указаний, обращала внимание на все его промахи и недостатки, постоянно делала замечания и придиралась». Часто говорила сыну, что он слишком несобран, неорганизован, никакое дело не может толком закончить. Когда Иван брался за какое-либо дело, например, собрать скворечник, мать начинала делать ему постоянные замечания: «Видишь, здесь неправильно, тут криво, нужно было лучше изучить схему и инструкцию». По ее мнению, «мальчиков хвалить нельзя, а нужно приучать работать руками, держать молоток и т.п.». Когда Иван пошел в школу, мать практически каждый день контролировала приготовление домашних заданий, помогала готовить некоторые предметы, ходила в школу. Часто ругала за двойки и записи в дневнике. Как считает мать, «если нет такого постоянного контроля, то и учебы нет».

По степени сверхтребовательности также можно выделить два ее вида: умеренную и сильную.

В отличие от умеренной сверхтребовательности, сильная, наблюдавшаяся в 30% случаев, характеризуется большей частотой предъявляемых требований по отношению к ребенку и плотностью контроля за их исполнением.

Ниже приводится пример сильной сверхтребовательности.

Случай 9. В консультацию обратилась мать с дочерью Ритой (12 лет). В данном случае сильная сверхтребовательность наблюдалась со стороны матери.

Как сообщила в беседе мать, уже с 3-недельного возраста она стала развивать Риту: читала, включала музыку, диафильмы. Затем последовали кружок керамики, занятия английским языком, компьютерные курсы, бассейн. Рита хотела заниматься танцами, но мама ей не разрешила, так как считала, что «все остальное важнее». Когда дочка протестовала, мать ставила условия: «Если не будешь ходить на компьютерные курсы, летом не куплю тебе одежду, будешь грубить, заберу магнитофон». Также мать

отмечает, что всегда руководила дочкой, настаивала на своем мнении, много требовала: «Ты еще ребенок, а я твоя мама, будешь меня слушать, ты должна мне подчиняться. Ты должна все делать именно так, а не по-другому». Каждый шаг Риты сопровождался указаниями матери: «Начинай делать уроки, убери чашку, не смотри эти передачи, не используй эти слова». К тому же Рите не разрешается готовить дома, так как «она неаккуратная, может спалить дом». Ей не разрешается ездить по Москве, так как «криминогенная обстановка», дружить с подругой из-за «другой философии в ее семье». Мать считает, что «у ребенка должно формироваться чувство ответственности, он должен учиться, а не гулять и заниматься ерундой».

В качестве примера умеренной сверхтребовательности (остальные 70% случаев) можно указать на уже приведенный ранее случай 8.

По применяемым родителями по отношению к своим детям санкциям можно выделить три вида сверхтребовательности: мягкую, жесткую и жестокую.

Мягкая сверхтребовательность (59% случаев) характеризуется тем, что родители предъявляют ребенку требования в форме настойчивых дружеских советов, уговоров, просьб и пожеланий. В случае невыполнения ребенком их требований они применяют к нему мягкие санкции, такие как словесные порицания, воздействие на совесть, создание чувства вины, лишение родительской любви и т.п. При мягкой сверхтребовательности преобладают достаточно теплые и близкие эмоциональные отношения между родителями и детьми.

Случай 10. *В консультацию обратились мать и отец с сыном Алексеем (7 лет). В данном случае этот вид сверхтребовательности наблюдался со стороны матери.*

Мать находилась дома вместе с Лешей с раннего детства. По ее словам, у нее есть определенная позиция, которой она следует при воспитании сына: «У меня есть идеи: что можно, а что нельзя, надо смотреть проще и быть строже. Ребенок должен знать и выполнять определенные правила, хотя иногда можно отойти от этого. К тому же он должен слушаться, должен быть аккуратным, нормально сидеть, есть». Мать отмечает, что она все время вела, направляла сына, пыталась приучить к послушанию, хотя считает себя «не последним деспотом». Она всегда думала, что Леше одеть, что именно есть, в каком порядке ему что-то делать: «Оденешь это, а не то. Сказали 5 минут, значит, 5 минут, а не

10, не 20, а именно 5». Если Леша что-то натворит или упрямится, то родители, как правило, говорят: «Мы сейчас уйдем». После этого сын просит прощения, а родители ставят своеобразное условие: «Если мириться, то ты должен быть хорошим». В последнее время, когда Леша просыпается утром, он начинает капризничать и говорить матери: «Ты мне сегодня подарочек купишь?» А мать отвечает: «Если бы ты был хорошим, то я бы тебе купила».

Необходимо специально отметить, что в выделенной нами группе промежуточных случаев, составивших 3%, было трудно отграничить именно мягкую сверхтребовательность от гиперопеки, вероятно потому, что в действительности между ними четкой границы нет.

При жесткой сверхтребовательности (30% случаев) родители предъявляют требования к ребенку в достаточно резкой форме, используя в качестве санкций словесные оскорбления и наказания в виде лишения прогулок, покупок, ограничений контактов с друзьями, развлечений. В связи с этим эмоциональные отношения между родителями и детьми характеризуется большей дистанцией, зачастую с преобладанием эмоционального неприятия родителями своего ребенка ввиду его частого несоответствия их требованиям.

Случай 11. *В консультацию обратились мать и отец с сыном Тимофеем (16 лет). В данном случае жесткая сверхтребовательность наблюдалась со стороны отца.*

Сверхтребовательность проявилась в том, что у ребенка был достаточно жесткий режим дня, от которого он не мог отступить. Его отводили в школу, потом забирали, кормили и после этого везли в бассейн. Затем забирали оттуда, делали вместе уроки, а на прогулки времени практически не оставалось. На вопрос, не протестовал ли мальчик против такой схемы жизни, мать ответила: «Когда маленький был (до 5 класса), не протестовал, так как знал, что это бесполезно, его все равно возьмут и повезут. Много решалось за него и вместо него». Отец контролировал каждый шаг сына. Например, если он давал Тимофею деньги, то требовал представить отчет до копейки, всегда спрашивал: «Где был, с кем, что делали». После прихода из техникума сын должен был обязательно сделать уроки, поэтому, по словам Тимофея, он должен был сесть за письменный стол, «хотя не важно, что я там буду делать». Отец требовал от сына хорошей успеваемости и полного выполнения его указаний. Если Тимофей

плохо учился и не следовал всем указаниям, то отец его наказывал: не пускал гулять и иногда мог побить. Мать Тимофея говорит: «Сын в последнее время не понимает нормального спокойного разговора, а если стукнуть, то поймет. Получается, что сейчас только палка на него и действует».

Жестокая сверхтребовательность (10% случаев) отличается склонностью родителей строго наказывать своего ребенка даже за малейшие проступки, используя при этом грубые оскорбления, издевательства и телесные наказания. Эмоциональные отношения при данном виде сверхтребовательности характеризуются стойким чувством враждебности и даже ненависти родителей к своему ребенку.

Случай 12. *В консультацию обратились мать и отец с сыном Евгением (13 лет). В данном случае жестокая сверхтребовательность наблюдалась со стороны отца.*

В ходе беседы отец сам сообщил о своей чрезмерной требовательности по отношению к сыну и контроле над его поведением, что выражалось в многочисленных запретах, ограничениях и частых телесных наказаниях за малейшее непослушание. Особая придирчивость и жестокое обращение со стороны отца наблюдалось, когда он возвращался домой в нетрезвом состоянии, а пил отец практически каждый день. Иногда Жене с мамой приходилось закрываться от него в ванной. Когда Женя пошел в школу, отец практически каждый день контролировал приготовление уроков, отпускал сына гулять только тогда, когда он сделает все домашнее задание. Если мальчик пытался возражать отцу или делал что-то наперекор его требованиям, то отец всегда наказывал его и часто бил.

8.1.3. Виды сочетаний гиперопеки и сверхтребовательности

Завершая описание основных стилей родительского воспитания и их разновидностей, следует привести примеры, где гиперопека и сверхтребовательность встречались в смешанном виде: последовательном или одновременном их сочетании.

Ниже представлен пример последовательного сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, наблюдаемого в 8% случаев.

Случай 13. В консультацию обратились мать и отец с дочерью Татьяной (15 лет). Анализ беседы позволил выделить два этапа во взаимоотношениях Тани с матерью.

Примерно до 10 лет со стороны матери наблюдалась гиперопека: мать баловала дочку, потакала всем ее желаниям, «тряслась над ней». Во многом это было связано с частыми болезнями Тани. Затем гиперопека со стороны матери сменилась сверхтребовательностью. Мать стала более требовательной и придирчивой по отношению к дочери, «стремилась проконтролировать каждый ее шаг, всегда спрашивала, куда и с кем она идет, проверяла содержимое ее сумки и карманов». Мать стала указывать Тане, как ей себя вести, как поступить в какой-либо ситуации, с кем дружить, куда ходить, требовала точного выполнения ее поручений и указаний. В случаях невыполнения ее требований мать устраивала скандалы. Во время беседы Таня плачет и говорит, что не может жить с матерью, так как та «постоянно орет, придирается по пустякам», например: «Почему с собакой гуляла не в 6 часов, а в 7? Не помыла сразу посуду? Почему пришла на 15 минут позже?»

Пример одновременного сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, частота встречаемости которого составила 12%, представлен следующим случаем.

Случай 14. В консультацию обратилась мать с сыном Юрием (10 лет). В данном случае гиперопека наблюдалась со стороны бабушки, а сверхтребовательность — со стороны матери.

По словам матери, бабушка слишком опекала и баловала мальчика. «Бабушка беспокоилась, чтобы Юра только не расстраивался. Ему разрешалось делать все: ломать вещи, бить будильники, лишь бы он не плакал». Бабушка делала все за Юру: после прогулки раздевала, вешала одежду на батарею, убирала за ним кровать, у нее всегда было желание помочь и сделать что-то за внука. А мама считала, что «ребенку уже 3 года, и он сам в состоянии на себя штаны натянуть и кровать убрать». Когда Юра пошел в школу в 1 класс, бабушка стала делать с ним уроки, т.е., по словам матери, «помогала, подсказывала, следила, чтобы он ровно писал». Данный тип взаимоотношений сохранился между бабушкой и Юрой до настоящего момента.

Мать же всегда вела себя настойчиво и категорично: «У меня было так: раз нельзя, значит, нельзя, а если орать начинает, то либо переключая его на что-то другое, либо просто не обращаю внимания». После прогулки никогда не раздевала его, а он устраивал истерики. Тогда мама принимала

«репрессивные меры, наказывала, была по таким местам, чтобы ничего не отбить, а он потом ходил как шелковый». Мать считает, что «изнеженным вниманием баловать ни к чему, нужно заставлять». Она проверяет дневник у Юры, настаивает, чтобы он заполнял его подробно. Сам Юра говорит в беседе, что хотел бы, чтобы к нему не придирались так сильно, меньше контролировали: «Не так пишешь, не туда букву поставил».

8.1.4. Классификация стилей родительского воспитания

Описанные основные стили родительского воспитания и их разновидности представлены в виде родовидовой классификации, схема которой изображена на рис. 3.

На этой схеме указаны названия основных стилей родительского воспитания и их разновидностей, основания классификации, а также приблизительная частота их встречаемости в процентах.

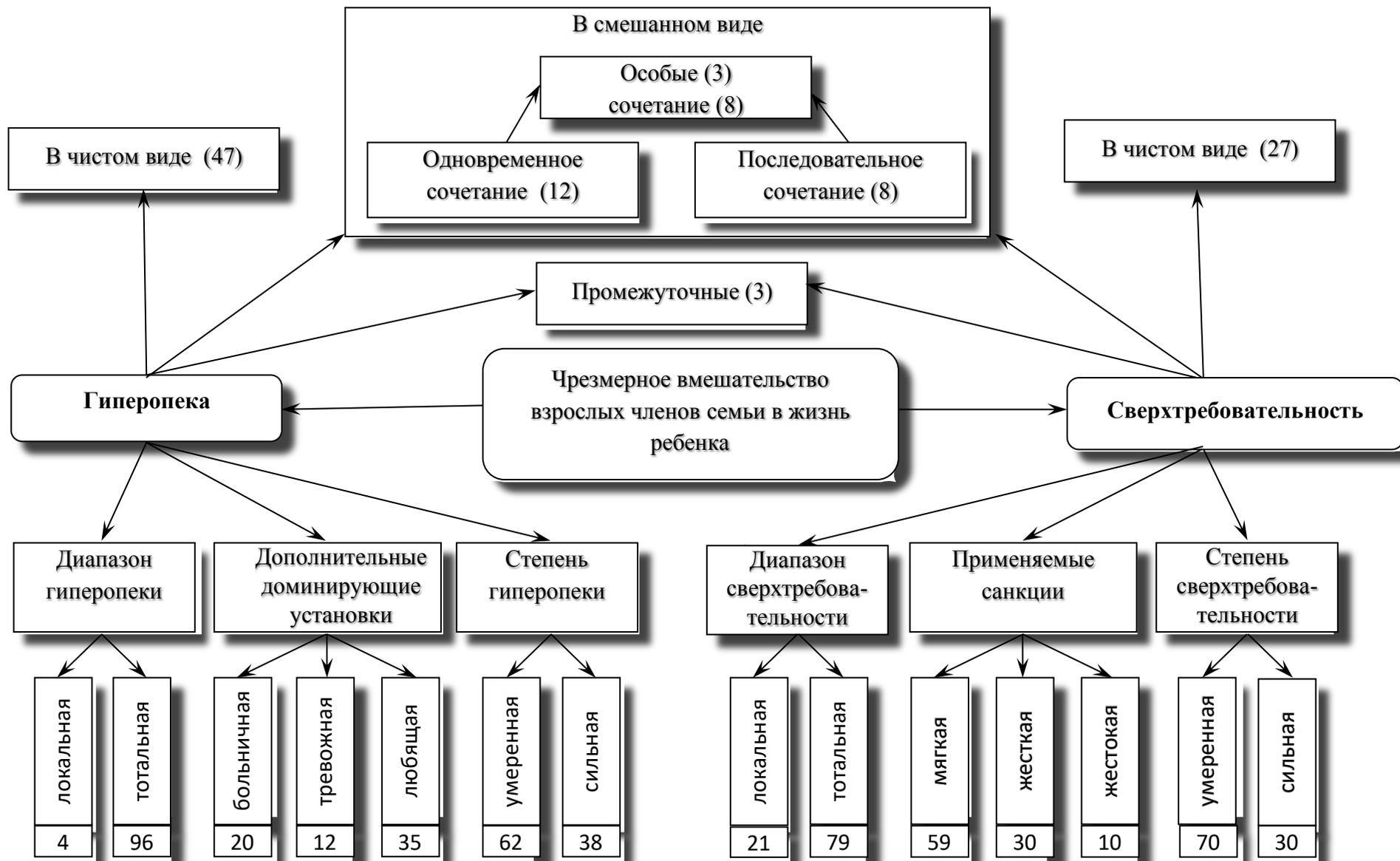

Рисунок 3. Схема родовидовой классификации основных стилей родительского воспитания и их разновидностей

8.2. Результаты тестирования стилей родительского воспитания клиентов

На рисунке 4 представлены в виде диаграмм усредненные результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики анализа семейных взаимоотношений (АСВ), у которых, по данным бесед, выявились гиперопека или сверхтребовательность.

По оси абсцисс обозначены шкалы методики АСВ, которые, с точки зрения ее автора, Э.Г. Эйдемиллера (1996), диагностируют:

1. Уровень протекции в процессе воспитания, характеризующийся тем, сколько сил, внимания и времени родители уделяют воспитанию своего ребенка. Выделяются два уровня протекции:

- Гиперпротекция (Г+) — родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания, его воспитание становится центральным делом их жизни.

- Гипопротекция (Г-) — ребенок оказывается на периферии внимания родителей, до него «не доходят руки», родителям «не до него», им занимаются лишь время от времени, когда случается что-то серьезное.

2. Степень удовлетворения потребностей ребенка, характеризующая то, в какой мере деятельность родителей направлена на удовлетворение его потребностей как материально-бытовых, так и социальных, прежде всего, в общении с родителями, в их любви и внимании. Выделяются две степени удовлетворения потребностей ребенка:

- Потворствование (У+) — родители стремятся к максимальному и некритичному удовлетворению любых потребностей ребенка, балуют его, любое желание ребенка является для родителей законом.

- Игнорирование потребностей ребенка (У-) — недостаточное стремление родителей к удовлетворению его потребностей, особенно в эмоциональном контакте и общении.

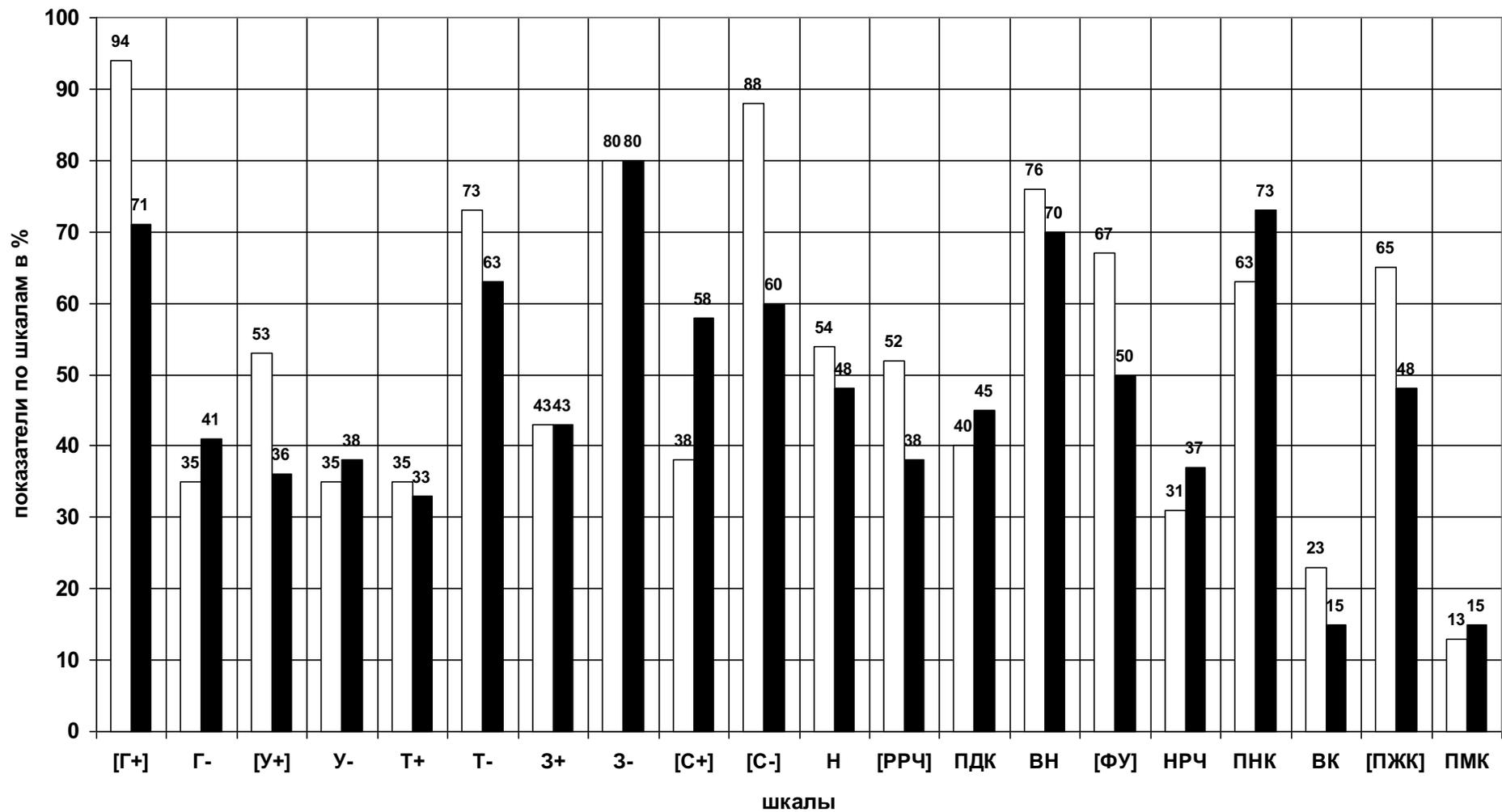

Рисунок 4. Результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики АСВ, у которых по данным бесед выявились:
 □ – гиперопека (N=71); ■ – сверхтребовательность (N=34)

3. Количество и качество требований к ребенку, которые выступают в виде его обязанностей, т.е. того, что ребенок должен делать, и в виде запретов, устанавливающих то, чего он делать не должен. Невыполнение требований ребенком может повлечь применение санкций со стороны родителей. Требования-обязанности, требования-запреты и санкции подразделяются на два уровня:

- Чрезмерность требований-обязанностей (Т+) — требования родителей к ребенку очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям.

- Недостаточность требований-обязанностей (Т-) — в этом случае имеет место минимальное количество обязанностей в семье.

- Чрезмерность требований-запретов (З+) — ребенку предъявляются большое количество требований, ограничивающих его свободу и самостоятельность.

- Недостаточность требований-запретов (З-) — родители не хотят или не могут установить какие-либо ограничения в поведении ребенка, ему «все можно»; даже если и существуют какие-либо запреты, ребенок их легко и безнаказанно нарушает.

- Чрезмерность санкций (наказаний) (С+) — родители склонны к применению строгих наказаний, даже за незначительные нарушения их требований ребенком.

- Минимальность санкций (С-) — родители предпочитают обходиться либо вовсе без наказаний, либо применяют их крайне редко.

4. Неустойчивость стиля воспитания (Н), характеризующаяся резкими его изменениями: от очень строгого отношения родителей к ребенку к либеральному, от чрезмерного внимания к ребенку к его эмоциональному отвержению.

5. Психологические проблемы родителей, решаемые за счет ребенка. Таких основных проблем восемь:

- **Расширение сферы родительских чувств (РРЧ)** — ребенок становится для родителей чем-то большим, нежели просто ребенком, он частично удовлетворяет их потребность в привязанности и эротические потребности, родители стремятся отдать ребенку, чаще противоположного пола, «все чувства», «всю любовь».

- **Предпочтение у ребенка детских качеств (ПДК)** — родители игнорируют взросление ребенка, стимулируют сохранение у него таких детских качеств, как непосредственность, наивность, игривость.

- **Воспитательная неуверенность родителя (ВН)** — родители идут на поводу у ребенка, ввиду того что он сумел найти к ним подход, нащупал их «слабое место».

- **Фобия утраты ребенка (ФУ)** — наблюдается у родителей, которые неуверенны в себе, боятся ошибиться, имеют преувеличенные представления о «хрупкости» и болезненности ребенка.

- **Неразвитость родительских чувств (НРЧ)** — родители не интересуются ребенком, избегают его общества.

- **Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств (ПНК)** — родители видят у ребенка черты характера, которыми они сами обладают, но не признают у себя.

- **Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания (ВК)** — родители выражают недовольство друг другом в спорах о воспитании ребенка. При этом их позиции чаще всего бывают диаметрально противоположными: один настаивает на строгом воспитании с повышенными требованиями, запретами и санкциями, другой же родитель склонен жалеть ребенка, идти у него на поводу.

- **Сдвиг в установках родителей по отношению к ребенку в зависимости от его пола** — родители относятся к ребенку в соответствии со своими представлениями и предпочтениями качеств, которыми, по их мнению, должны обладать женщины (**ПЖК**) и мужчины (**ПМК**).

По оси ординат отложены показатели по шкалам, вычисленные как процентные отношения усредненных баллов к диагностическим значениям. Значения показателей 100% и более свидетельствуют о явном присутствии у родителей стилей негармоничного семейного воспитания, способствующих развитию у детей патологических нарушений поведения и личности. Обозначения шкал, по которым получены значимые различия между этими двумя группами (по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$) заключены в квадратные скобки.

Эти же результаты представлены в таблице 8.

Таблица 8 - Результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики АСВ, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека или сверхтребовательность

	Шкалы методики АСВ									
	[Г+]	Г-	[У+]	У-	Т+	Т-	З+	З-	[С+]	[С-]
Гипероп. (N = 71)	94	35	53	35	35	73	43	80	38	88
Сверхтр. (N = 34)	71	41	36	38	33	63	43	80	58	60
	Шкалы методики АСВ									
	Н	[РРЧ]	ПДК	ВН	[ФУ]	НРЧ	ПНК	ВК	[ПЖК]	ПМК
Гипероп. (N = 71)	54	52	40	76	67	31	63	23	65	13
Сверхтр. (N = 34)	48	38	45	70	50	37	73	15	48	15

Как было показано в параграфе 8.1.4 и на рис. 3, гиперопека и сверхтребовательность очень неоднородны. Существуют различные их виды, самыми распространенными из которых являются *тотальная умеренная любящая гиперопека* и *тотальная умеренная мягкая сверхтребовательность*. Следовательно, при рассмотрении результатов тестирования необходимо иметь в виду, что они в большей степени представляют именно эти разновидности гиперопеки и сверхтребовательности.

Рис. 4 и таблица 8 свидетельствуют о том, что значения всех шкал методики АСВ для обеих групп родителей оказались меньше 100%, т.е. ниже тех значений, которые позволяют диагностировать стили негармоничного воспитания, способствующие развитию у детей патологических нарушений поведения и личности. При оценке этого результата надо принимать в расчет то, что диагностические значения данной методики были разработаны для выборки стандартизации, состоящей из родителей, чьи дети находились на учете в психоневрологических диспансерах и инспекциях по делам несовершеннолетних. Поскольку в наших консультационных случаях дети не состояли на учете в указанных учреждениях, то этот результат вполне объясним.

При анализе результатов мы рассматривали не все шкалы, а только те, которые удовлетворяли хотя бы одному из двух критериев: (1) наличие статистически значимых межгрупповых различий по шкалам по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$; (2) относительно высокие величины показателей по шкалам (70% и более, хотя бы, для одной из сравниваемых шкал) при отсутствии статистически значимых межгрупповых различий. Таким образом, по этим критериям для последующего анализа были отобраны 11 шкал: Г+, У+, Т-, З-, С+, С-, РРЧ, ВН, ФУ, ПНК, ПЖК.

Рассмотрим вначале результаты, полученные в группе родителей, у которых, по данным бесед, выявилась гиперопека. Как видно из рис. 4 и таблицы 8, у этой группы самый высокий показатель наблюдается по шкале гиперпротекции (Г+), практически достигая диагностического значения, что свидетельствует о том, что родители действительно уделяют воспитанию ребенка достаточно много времени, сил и внимания. Кроме того, достаточно высокие показатели отмечаются по шкале недостаточности требований-обязанностей (Т-), требований-запретов (З-), минимальности санкций за их нарушение (С-) и относительно низкий, по сравнению с другой группой, показатель по шкале строгости санкций (С+), что также подтверждает наши

выводы, сделанные на основании анализа бесед о достаточно тепличных условиях жизни детей с гиперопекающими родителями.

По сравнению со сверхтребовательными родителями, данной группе свойственны относительно более высокие показатели по шкале расширения сферы родительских чувств (РРЧ), потворствования (У+), фобии утраты ребенка (ФУ) и проекции женских качеств (ПЖК). Эти результаты в целом свидетельствуют о большей теплоте эмоциональных отношений гиперопекающих родителей к своему ребенку, проявляющейся в повышенной любви к нему, потворствовании его желаниям, тревоге за него, а также о более бережном к нему отношении. Как уже отмечались ранее, указанные особенности более характерны как раз именно для гиперопеки, чем для сверхтребовательности.

Показатели, полученные в группе родителей, у которых, по данным бесед, выявилась сверхтребовательность, по шести из девяти выше рассмотренных шкал (Г+, У+, С–, РРЧ, ФУ, ПЖК) оказались значимо меньшими, а по одной шкале (С+) — значимо большим. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том, что в этой группе стиль воспитания существенно отличается от гиперопеки. Как следует из этих результатов, родители, образующие данную группу, также достаточно много времени, сил и внимания уделяют воспитанию детей (Г+), но меньше, чем гиперопекающие родители. Они в большей степени применяют к своим детям санкции за нарушения их требований (С+, С–), менее эмоционально привязаны к ним (РРЧ), менее потворствуют их желаниям (У+), менее тревожатся за них (ФУ) и относятся к ним менее бережно (ПЖК). Это описание стиля воспитания, сделанное по полученным с помощью методики АСВ результатам, которые, как уже указывалось ранее, представляют преимущественно тотальную умеренную мягкую сверхтребовательность, согласуется с описанием соответствующего вида сверхтребовательности, сделанного на основании бесед.

С учетом того, что результаты методики АСВ представляют преимущественно мягкую сверхтребовательность, становятся понятными достаточно высокие показатели по шкалам недостаточности требований-обязанностей (Т-) и требований-запретов (З-), статистически не отличающиеся от соответствующих показателей группы гиперопекающих родителей. Как уже указывалось ранее, при мягкой сверхтребовательности родители предъявляют ребенку требования в мягких формах, которые в повседневной жизни обычно даже и не называются требованиями. Им больше подходят такие названия, как настойчивые дружеские советы, уговоры, просьбы или пожелания. Мы полагаем, что именно поэтому родители данной группы оценили себя как недостаточно требовательных.

Достаточно высокие показатели по шкале воспитательной неуверенности (ВН) и проекции нежелательных качеств (ПНК), обнаруженные в обеих группах, требуют особого обсуждения. С нашей точки зрения, шкала (ПНК) в данном случае отражает не проекции родителей, а, скорее, их адекватное восприятие тех негативных особенностей личности и поведения своих детей, которые у них объективно сформировались под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности. Шкала (ВН) отражает наличие у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей детско-родительских проблем, с которыми они не могут самостоятельно справиться. Данная интерпретация будет обоснована результатами, изложенными в главе 9, поэтому к оценке ее правомерности можно будет еще раз вернуться после знакомства с ними.

В таблице 9 представлены усредненные результаты теста диагностики межличностных отношений (ДМО), предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с теми родителями, со стороны которых, по данным беседы, выявилась либо гиперопека, либо сверхтребовательность.

Номера шкал соответствуют определенным стилям межличностных отношений, имеющим следующие названия:

1. Властный—лидирующий.	5. Покорный—застенчивый.
2. Независимый—доминирующий.	6. Зависимый—послушный.
3. Прямолинейный—агрессивный.	7. Сотрудничающий—конвенциальный.
4. Недоверчивый—скептический.	8. Ответственный—великодушный.

Пары видов межличностных отношений: 1 и 5, 2 и 6, 3 и 7, 4 и 8 по содержанию противоположны друг другу. Показатели, превышающие 8 баллов, свидетельствуют о чрезмерной выраженности измеряемого соответствующей шкалой стиля межличностных отношений.

Таблица 9 - Результаты теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявилась гиперопека или сверхтребовательность

Стили родительского воспитания	Шкалы теста ДМО							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Гиперопека (N = 27)	6,3	3,6	4,6	2,8	5,1	5,6	7,4	7,7
Сверхтребовательность (N = 22)	8,6	5,8	6,5	5,7	3,0	4,4	6,1	5,1

При оценке результатов теста ДМО его разработчики рекомендуют ориентироваться не только на абсолютные показатели, но и, даже в большей степени, на преобладание одних показателей над другими. Поскольку данный тест диагностирует 4 пары противоположных видов межличностных отношений, то достаточно очевидно, что степень выраженности каждого из этих видов будет зависеть от того, насколько он скомпенсирован ему противоположным. Поэтому, помимо абсолютных показателей, мы дополнительно вычислили их разности по всем парам противоположных шкал:

$$A = 1 - 5, B = 2 - 6, C = 3 - 7, D = 4 - 8.$$

Результаты этих вычислений представлены в таблице 10 и на рисунке 5.

Таблица 10 - Относительные показатели теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека или сверхтребовательность

Стили родительского воспитания	Разности противоположных шкал теста ДМО			
	А=1-5	В=2-6	С=3-7	Д=4-8
Гиперопека (N = 27)	1,2	-2,0	-2,8	-4,9
Сверхтребовательность (N = 22)	5,6	1,4	0,4	0,6

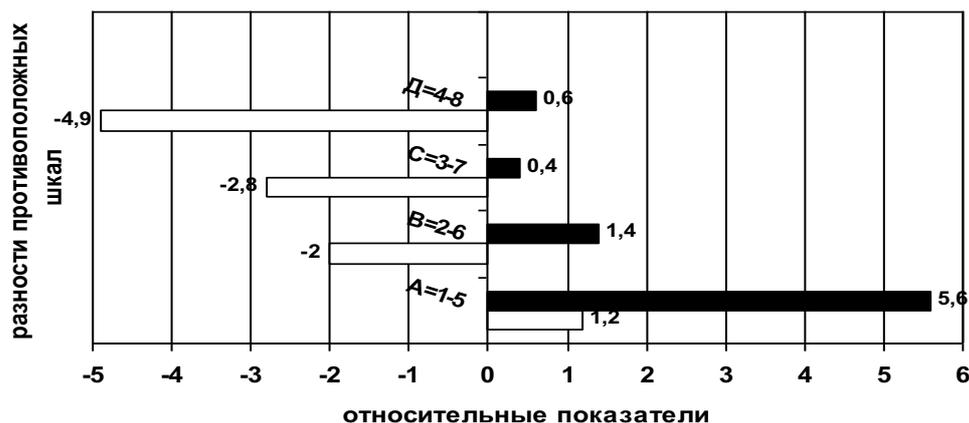

Рисунок 5. Относительные показатели теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились: □ – гиперопека (N = 27); ■ – сверхтребовательность (N = 22)

Как видно из таблиц 9, 10 и рисунка 5, дети оценили межличностные отношения со своими родителями, у которых выявилась гиперопека или сверхтребовательность, по-разному.

Из таблицы 9 следует, что в группе гиперопекаемых детей максимальное значение показателя теста (7,7) обнаруживается по 8 шкале, что свидетельствует о преобладании у их родителей по отношению к ним ответственно-великодушного стиля межличностных отношений. По результатам, представленным в таблице 10 и на рис. 5, видно, что максимальная разность показателей теста для этой группы (Д = 4,9) наблюдается между шкалами 8 и 4, что указывает также и на наименьшую степень скомпенсированности данного межличностного отношения. Учитывая то, что абсолютное значение тестового показателя по восьмой шкале практически приближено к граничному значению 8, а также то, что по этой же шкале выявлено максимальное относительное различие, можно

сделать вывод о достаточно отчетливой выраженности и преобладании у родителей гиперопекаемых детей ответственно-великодушного стиля межличностных отношений.

Согласно Л.Н. Собчик (1990), ответственно-великодушному стилю межличностных отношений свойственны такие черты, как доброжелательность, мягкосердечие, эмоциональная вовлеченность, готовность сочувствовать и оказывать помощь, жертвенность, ответственность, обязательность. Если принять во внимание, что данный стиль межличностных отношений характеризует отношения родителей к своим детям, то нетрудно заметить его явное сходство по многим из этих черт с описанной нами ранее гиперопекой.

В группе детей сверхтребовательных родителей максимальное абсолютное значение показателя теста (8,6), превышающее граничное значение 8, отмечается по 1 шкале (см. таблицу 9), а максимальное относительное различие ($A = 5,6$) — между шкалами 1 и 5 (см. таблицу 10 и рис. 5). На основании этих результатов можно сделать вывод о том, что у сверхтребовательных родителей преобладает и достаточно отчетливо выражен властно-лидирующий стиль межличностных отношений, для которого характерно доминирование, стремление вести за собой, подчинять своей воле других, давать советы, наставлять. При этом обнаруживается явное сходство характерных особенностей властно-лидирующих межличностных отношений с особенностями сверхтребовательности, описанными ранее.

По результатам теста ДМО, также были вычислены по стандартным формулам два интегральных фактора: V — доминантность и G — доброжелательность:

$$V = (1 - 5) + 0,7(2 + 3 - 6 - 4), \quad G = (7 - 3) + 0,7(8 + 6 - 4 - 2).$$

Результаты этих вычислений представлены в таблице 11 и на рис. 6.

Таблица 11 - Значения интегральных факторов V — доминантности и G — доброжелательности теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявилась гиперопека или сверхтребовательность

Стили родительского воспитания	Интегральные факторы теста ДМО	
	V – доминантность	G – доброжелательность
Гиперопека (N = 27)	-0,2	7,6
Сверхтребовательность (N = 22)	7,1	-1,8

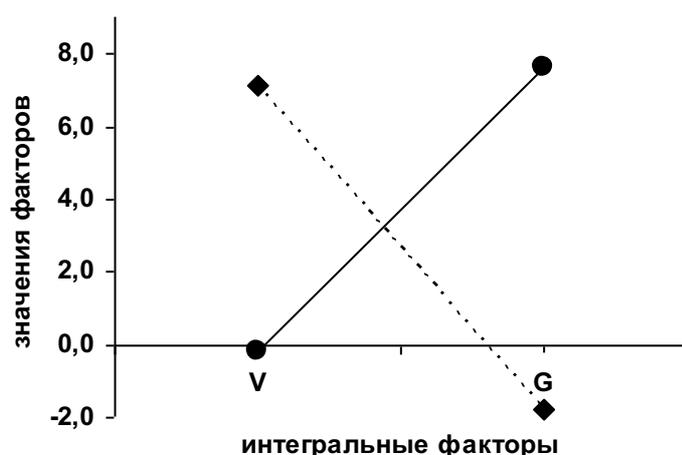

Рисунок 6. Значения интегральных факторов V – доминантности и G – доброжелательности теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились:

● – гиперопека (N = 27); ◆ – сверхтребовательность (N = 22)

Как видно из таблицы 11 и рисунка 6, гиперопекаемые дети оценили своих родителей как более доброжелательных и менее доминантных, по сравнению с детьми сверхтребовательных родителей, что также согласуется с описанными ранее характеристиками гиперопеки и сверхтребовательности. Таким образом, наши описания гиперопеки и сверхтребовательности, сделанные на основании данных бесед, согласуются с результатами тестирования как родителей (с помощью методики АСВ), так и их детей (с помощью теста ДМО).

8.3. Обсуждение результатов

Обсуждение полученных результатов предполагает их соотнесение с результатами других известных исследований. К настоящему времени существует довольно много публикаций, в которых описаны различные стили родительского воспитания, разработаны их классификации, показана специфика их влияния на развитие личности детей и возникновение у них, в связи с этим, различного рода проблем. Мы рассмотрим лишь часть из этих исследований, которые, с нашей точки зрения, наиболее известны и хорошо представляют положение дел, сложившееся к настоящему времени в данной области.

8.3.1. Обзор исследований стилей родительского воспитания и их влияния на развитие личности детей и возникновение у них проблем

Одно из наиболее ранних исследований, которое чаще всего упоминается в обзорах по стилям родительского воспитания, было выполнено D. Levy (1943). Он изучал детей, находящихся в клинике в связи с проблемами социальной адаптации, и описал два стиля воспитания, свойственные их матерям.

1. *Потворствующая гиперпротекция* — чрезмерный контакт матери с ребенком, неуместные ласки, чрезмерное удовлетворение его желаний, отношение к нему не в соответствии с возрастом как к более маленькому, сильные ограничения его независимого поведения, стремление во всем помогать. У детей этих матерей отмечались такие личностные черты, как самоуверенность, наглость, демонстративность, плохо контролируемая агрессия, неспособность к сотрудничеству со сверстниками.

2. *Доминирующая гиперпротекция* — матери, в целом, тепло относятся к ребенку и, вместе с тем, стремятся придать ему определенную желаемую для них форму. Их дети были послушными, опрятными, аккуратными, покорными, вежливыми и прилежными, однако они не пользовались популярностью среди сверстников, их обзывали маменькиными сынками или дочками.

А. Baldwin (1945, 1948) на основании исследования американских семей, относящихся к среднему классу, предложил три основных измерения, с помощью которых можно было описать все встречавшиеся в его выборке стили родительского воспитания.

1. *Принятие—Отвержение*. Принятие означает, что родители любят и заботятся о своем ребенке, внимательно следят за его развитием, отвержение, напротив, свидетельствует о недостаточной любви, ласке и внимании по отношению к нему. По мнению автора, принятие способствует нормальному развитию детей. Они вырастают дружелюбными, уверенными в себе и эмоционально стабильными. В семьях, где присутствует отвержение, дети застенчивы, эмоционально нестабильны, апатичны, не слушаются родителей, нередко у них отмечаются неврозы.

2. *Доминирование—Потворствование*. Доминирующие родители очень строго относятся к своему ребенку, они планируют и контролируют его поведение и, если ребенок ведет себя не в соответствии с их желаниями, наказывают и критикуют его. При таком стиле воспитания у детей развивается робость, стеснительность и чувство неполноценности. Потворствующие родители, напротив, разрешают ребенку делать все, что он хочет. Это, в свою очередь, приводит к недисциплинированности, непослушанию и развитию слишком высокого самомнения у ребенка. А. Baldwin считает, что для обеспечения оптимального развития личности ребенка родителям следует избегать этих двух крайностей, поскольку, с одной стороны, процесс социализации ребенка с необходимостью требует определенного контроля и строгости со стороны родителей, но, с другой стороны, слишком сильное давление может нанести ущерб развитию его независимости и личной свободы.

3. *Демократичность—Автократичность*. При демократическом стиле воспитания родители стремятся относиться к ребенку как к равному, они считаются с его потребностями, инициативами и индивидуальными особенностями, вместе обсуждают способы решения проблем, объясняют правила поведения, не уходят от ответов на вопросы; при автократическом —

родители полагают, что ребенку всегда нужно указывать, что ему делать. Демократический стиль воспитания, по сравнению с автократическим, в большей степени способствует формированию у детей уверенности в себе, автономии и индивидуации, они менее подвержены страхам, лучше умеют планировать свои действия, чаще занимают позицию лидера в коллективе. Вместе с тем у этих детей отмечаются повышенная агрессивность и жестокость. Хотя демократический стиль воспитания явно предпочтительнее автократического, А. Baldwin, тем не менее, предостерегает родителей от этой крайности. Ребенок по своим знаниям, умениям и опыту объективно отстает от взрослого и поэтому нуждается в его руководстве.

L. Kanner (1957) на материале клинических случаев описал четыре стиля родительского воспитания, первые три из которых способствуют возникновению у детей различного рода эмоциональных расстройств.

1. *Открытое отвержение* — отсутствие любви и внимания родителей к ребенку, избегание контактов с ним, грубость, суровые наказания. Под влиянием данного стиля воспитания у детей развиваются агрессивность, склонность к делинквентному поведению, поверхностность чувств.

2. *Перфекционизм* — родители стремятся добиться соответствия поведения ребенка своим собственным представлениям, используя для достижения этой цели такие средства, как осуждение ребенка, формирование у него чувства вины и принуждение. У детей таких родителей нередко наблюдаются состояния фрустрации, неуверенность в себе и навязчивости.

3. *Гиперпротекция* — сильная любовь родителей к своему ребенку, сверхпотворствование его желаниям, балование, стремление родителей находиться всегда рядом с ребенком, готовность к самопожертвованию ради него. В результате у детей происходит задержка взросления и развития эмансипации, наблюдается не по возрасту затянувшаяся зависимость от матери и избалованное поведение.

4. *Принятие и любовь* — родители воспринимают ребенка как желанного в своей семье, они любят играть с ним, относятся к нему с лаской и терпением. По мнению автора, только при таком стиле воспитания ребенок

может чувствовать себя комфортно и в безопасности, что необходимо для нормального развития его личности.

Е. Schaffer (1959) в своих исследованиях предлагал экспертам, наблюдавшим за поведением матерей с детьми или прослушивающим интервью с ними, оценить стиль их отношений к своему ребенку по тридцати двум различным параметрам. Затем эти экспертные оценки были подвергнуты факторному анализу, в результате которого удалось выявить два независимых фактора, присущих всем возможным стилям родительского воспитания матерей. Первый фактор, обозначенный как *Любовь—Враждебность*, характеризует эмоциональную составляющую отношения матери к ребенку, второй фактор, *Автономия—Контроль*, характеризует поведенческую составляющую этого отношения, а именно степень реального вмешательства матери в управление поведением ребенка. Е. Schaffer полагает, что эти факторы можно использовать в качестве единых оснований для классификации всех известных ему стилей родительского воспитания. Эту классификацию он представляет графически в виде так называемой круговой модели, где два вышеуказанных фактора (*Любовь—Враждебность* и *Автономия—Контроль*) образуют оси координат, вокруг которых по окружности располагаются четырнадцать различных стилей родительского воспитания (см. рисунке 7).

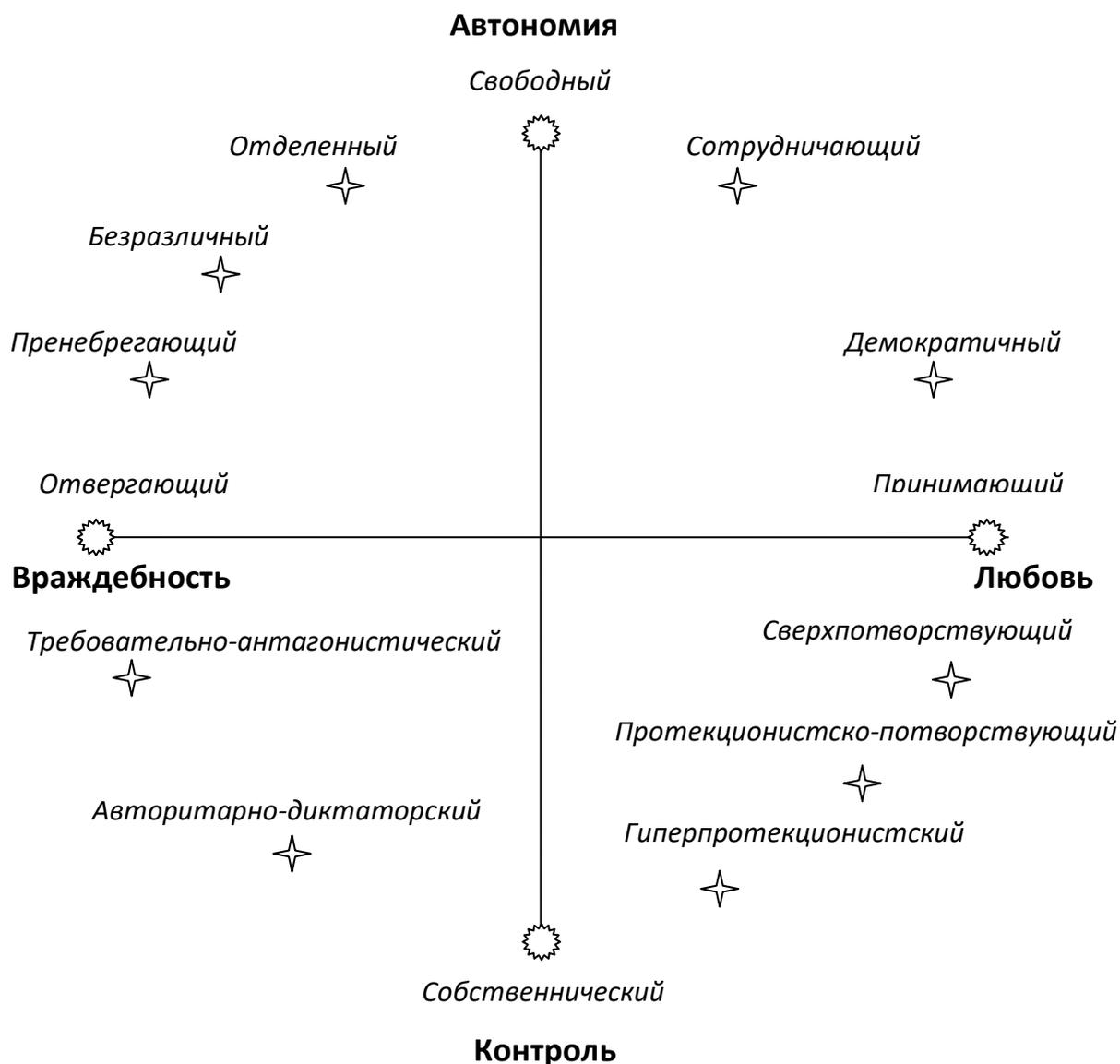

Рисунок 7. Круговая модель стилей родительского воспитания Е. Шэффера

А. Рое и М. Siegelman (1963) в своей работе предложили классификацию, состоящую из шести стилей родительского воспитания.

1. *Отвержение* — непринятие родителями своего ребенка, эмоциональная холодность по отношению к нему, унижение, ограничение контактов с ним.

2. *Безразличие* — эмоциональная холодность, равнодушие, недостаточность заботы и внимания родителей по отношению к ребенку, но без особой враждебности.

3. *Гиперопека* — родители стремятся оградить ребенка от трудностей и неприятностей, ограничить его самостоятельное, независимое поведение, при этом ребенок занимает центральное, привилегированное положение в семье и его балуют.

4. *Сверхтребовательность* — навязывание родителями ребенку определенных требований с помощью запретов и наказаний, без учета его мнения и желаний.

5. *Устойчивость* — родители эмоционально принимают своего ребенка, но, при этом, не прикладывают особых усилий для его воспитания и мало требуют от него.

6. *Активная любовь* — родители стремятся развивать у ребенка независимость, самостоятельность и инициативность, занимают партнерскую позицию по отношению к нему.

Г.Е. Сухарева и Л.С. Юсевич (1965) описали три стиля родительского воспитания, которые оказывают негативное влияние на формирование характера детей.

1. *Изнеживающее воспитание* — чрезмерная забота родителей о своем ребенке, стремление избавить его от малейших трудностей. При таком стиле воспитания происходит задержка развития собственной активности ребенка, что проявляется в его неловкости, неумелости и беспомощности. Непривычка к преодолению препятствий способствует развитию у него нетерпеливости и несдержанности, любое затруднение вызывает аффективную реакцию, крики, слезы. Вследствие потакания всем прихотям ребенка у него возникают капризность, требовательность, своенравие, эгоизм. Авторы называют данное поведение ребенка «инфантилизированным».

2. *Безнадзорность* — свойственна недружным семьям, жизненный уклад которых беспорядочен и изобилует грубыми сценами, бранью и скандалами. Длительное пребывание ребенка в атмосфере постоянного аффективного напряжения истощает его нервную систему, способствует развитию повышенной возбудимости и неустойчивости поведения.

Необходимость всегда защищаться от обид, наносимых старшими, стимулирует развитие грубости, жадности, недоверия и, в целом, агрессивно-защитного поведения.

3. *Чрезмерно строгое воспитание* — отсутствие заботы родителей о ребенке, грубость, агрессивность, частые упреки, нередко, побои с их стороны. Основным методом воспитания — наказания. У детей, живущих с такими родителями, обнаруживается пассивно-защитное поведение, они становятся трусливыми, робкими, внушаемыми, неуверенными в себе, настороженными в отношении окружающих. Если ребенок находится в такой гнетущей обстановке достаточно долго, то он к ней постепенно приспосабливается либо путем «реакции покорности», т.е. полного, безоговорочного подчинения родителям, либо «обходным путем», т.е. научаясь угождать людям, от которых он зависит, или обманывать их.

D. Baumrind (1967, 1971, 1991) на основании проведенных исследований выявила три стиля родительского воспитания, по-разному влияющих на развитие у детей социальной компетентности: *авторитарный*, *авторитетный* и *попустительский*. Позднее Е. Массобу и J. Martin (1983) развили эту классификацию, предложив различать два вида попустительского стиля воспитания: *попустительско-безразличный* и *попустительско-потворствующий*. В таком модифицированном виде классификация D. Baumrind в настоящее время является наиболее известной и популярной в американской возрастной психологии (Райс, 2000; Глейтман, Фридлунд, Райсберг, 2001; Cobb, 2007; Santrock, 2013).

Ф. Райс (2000) в своей работе обобщил результаты многочисленных исследований влияния этих четырех стилей воспитания на развитие личности подростков и добавил к этой классификации еще один, с его точки зрения часто встречающийся стиль воспитания — *хаотический*, поэтому мы приводим данную классификацию с учетом его дополнения.

1. *Авторитарный* — ограничивающий и карательный стиль, заключающийся в том, что родители принуждают ребенка следовать их

указаниям, жестко ограничивают и контролируют его поведение, не допуская возражений. При таком стиле воспитания обычно наблюдается рост сопротивления или, наоборот, зависимости. Подростки приучаются слушаться родителей, выполнять все их требования, не задавая вопросов и не совершая попыток принять решение самостоятельно. Они часто настроены враждебно по отношению к родителям, испытывают глубокое недовольство и сожаление из-за подавления их воли и редко идентифицируют себя с родителями. Когда удается преодолеть власть взрослых, подростки становятся мятежными, избыточно агрессивными и враждебными, особенно, если дисциплина насаждалась родителями в жесткой и несправедливой форме и внедрялась без любви и привязанности. Воздействие авторитарного стиля воспитания на подростков из разных семей оказывается различным. Наиболее робкие из них на всю жизнь остаются подавленными, зависимыми людьми; более сильные начинают сопротивляться. И у тех, и у других часто возникают эмоциональные проблемы и нарушения психики. «Мятежники» нередко покидают родительский дом, как только могут это себе позволить, некоторые из них становятся правонарушителями.

2. *Авторитетный* — родители относятся к ребенку с теплотой, побуждают его к независимости и самостоятельности, но одновременно в определенных рамках ограничивают и контролируют его поведение. Этот стиль воспитания оказывает на подростков наиболее благоприятное воздействие. Родители в таких семьях пользуются властью, но проявляют свою заботу добрыми советами. Основным способом дисциплинарного воздействия в таких семьях является разговор с подростком. Родители поощряют личную ответственность и самостоятельность своих детей. Подростки участвуют в принятии решений, выслушивают и обсуждают мнение и советы родителей. Их постепенно готовят к самостоятельной жизни. В результате в семье устанавливается атмосфера доверия, уважения и тепла. Такой тип семьи, в которой царит тепло, справедливость и последовательное

соблюдение дисциплины, способствует формированию просоциального поведения как у девочек, так и у мальчиков.

3. *Попустительско-безразличный* — родители не участвуют в жизни ребенка. Если подростки воспринимают недостаток руководства со стороны родителей как проявление равнодушия и отторжения, то они начинают осуждать родителей за то, что те вовремя их не научили, не предупредили, не направили. Слабая дисциплина, отторжение, недостаток родительской любви ведут к правонарушениям.

4. *Попустительско-потворствующий* — родители слишком сильно вовлечены в жизнь ребенка, позволяют делать ему все, что он хочет, и предъявляют к нему очень мало требований. В результате подростки могут оказаться недостаточно подготовленными к разочарованиям, ограничениям, ответственности и неспособными учитывать интересы других людей. Они нередко становятся эгоистичными, эгоцентричными, конфликтуют с теми, кто не потакает им так, как делали это их родители. Не зная ограничений в своем поведении и страдая от неправильной ориентации, они могут чувствовать страх и неуверенность.

5. *Хаотический* — родители непоследовательно воспитывают своих детей: иногда авторитарно, иногда демократично, иногда либерально. Хаотичное, непоследовательное руководство, как и полное его отсутствие, оказывает на подростков крайне негативное влияние. Родители, которые не приходят к единому мнению в вопросах воспитания, чаще жалуются на то, что их дети ведут себя агрессивно, становятся неуправляемыми и непослушными. В отсутствие ясно выраженных, конкретных требований дети начинают путаться и испытывают неуверенность. У них нередко наблюдается антиобщественное поведение, они чаще совершают правонарушения и бунтуют против родителей.

Кроме того, Ф. Райс (2000) на основании обзора исследований своих предшественников дал подробное описание особенностей родительского воспитания, способствующего нормальному развитию личности ребенка в

подростковом и юношеском возрасте, который характеризуется следующими чертами:

1. Заинтересованность родителей жизнью ребенка, его эмоциональная поддержка.
2. Способность родителей к эмпатическому слушанию, пониманию и сопереживанию.
3. Любовь родителей к ребенку и преобладание положительных эмоций в семейных отношениях.
4. Признание и одобрение ребенка со стороны родителей.
5. Доверие к ребенку.
6. Отношение к ребенку как к будущему самостоятельному и взрослому человеку.
7. Гибкость в руководстве поведением ребенка.
8. Положительный личный пример родителей.

J. Coleman (1976) в результате проведенного обзора исследований по данной проблеме выделил семь стилей родительского воспитания, негативно влияющих на развитие личности детей.

1. *Отвержение* — отсутствие любви и привязанности родителей к ребенку, недостаточный интерес к его занятиям и достижениям, грубые, несоразмерные проступкам, наказания, неуважение к его правам и чувствам. При отвержении у детей отмечается повышенная тревожность, неуверенность, низкая самооценка, негативизм, враждебность, чувство одиночества, подозрительность, отставание в развитии сознания.

2. *Гиперпротекция и доминирование* — родители стремятся непрерывно присматривать за ребенком, ограждать его от малейших опасностей, кутать, пичкать лекарствами, думать за него, жестко ограничивать его самостоятельность, навязывая определенные правила и стандарты поведения. Данный стиль приводит к развитию у детей покорности, неуверенности в себе, зависимости, низкой самооценки, скудости интеллектуальных устремлений.

3. *Сверхпопустительство и сверхпотворствование* — родители балуют своего ребенка, стремятся потакать всем его прихотям, используют очень мало ограничений и наказаний. В результате такого стиля воспитания дети вырастают эгоистичными, требовательными, неспособными переносить фрустрацию, борцами против авторитетов, безответственными, жаждущими внимания, не желающими считаться с другими людьми и использующими их в своих интересах.

4. *Перфекционизм с нереалистичными требованиями* — сильное давление родителей на ребенка, направленное на то, чтобы его поведение соответствовало их нереалистично завышенным требованиям. У детей, подвергшихся этому стилю воспитания, наблюдается отсутствие спонтанности, ригидность, серьезные конфликты и склонность к самообвинению и самобичеванию, если им не удастся соответствовать родительским стандартам.

5. *Неправильная дисциплина* — включает в себя три разновидности:

А. *Отсутствие дисциплины* — недостаточность требований и ограничений со стороны родителей по отношению к ребенку, что приводит к развитию у детей агрессивности, асоциальности, нежеланию считаться с интересами других людей.

Б. *Жесткая чрезмерно строгая дисциплина* — повышенная требовательность родителей к соблюдению ребенком различных норм и правил поведения, сочетаемая с суровыми наказаниями, способствующая формированию у детей боязливости, недостаточной инициативы и спонтанности, недружелюбности по отношению к другим людям, ненависти к родителям.

В. *Непоследовательная дисциплина* — родители предъявляют к ребенку противоречивые требования, так что за один и тот же поступок могут как поощрить, так и наказать его. У детей, воспитанных в таких условиях, наблюдается агрессивность и трудности в выработке устойчивых ценностей для руководства своим поведением.

6. *Противоречивое общение* — расхождение между тем, что родители говорят своему ребенку, и их реальным поведением. В результате у детей отмечается отсутствие инициативы, низкая самооценка, спутанность, дезинтегрированность и размывание идентичности.

7. *Нежелательные родительские модели поведения* — включают самые разные формы поведения родителей с отклонениями от нормального личностного развития. Дети таких родителей могут перенимать у них нежелательные жизненные ценности, нереалистичные цели поведения, неадаптивные копинг-стратегии.

В.И. Гарбузов, А.И. Захаров и Д.Н. Исаев (1977), изучая семьи детей с неврозами, выявили три стиля родительского воспитания, под влиянием которых у детей развиваются личностные черты, предрасполагающие их к этим заболеваниям.

1. *Отвергающий* — авторитарное и жестокое воспитание, характеризующееся чрезмерной требовательностью родителей к ребенку, жесткой регламентацией и контролем за его поведением, сочетаемое с гипоопекой.

2. *Гиперсоциализирующий* — повышенная тревога и забота родителей о здоровье своего ребенка, его будущем социальном статусе и успехах в учебе.

3. *Эгоцентрический* — родители навязывают ребенку представление о самом себе как о сверхценной личности, при этом жертвуя во имя удовлетворения его потребностей своими интересами.

А.Е. Личко (1983) описал девять стилей неправильного родительского воспитания, первые шесть из которых способствуют психопатическому развитию подростков с акцентуациями характера.

1. *Гипопротекция* — недостаток родительской заботы и внимания к ребенку, слабый контроль за его поведением, отсутствие интереса к его личной жизни. В крайней форме — это полная безнадзорность и заброшенность ребенка, отказ от удовлетворения его насущных нужд. Гипопротекция может быть скрытой. В этом случае участие родителей в

жизни ребенка наблюдается, но является формальным и нередко сочетается со скрытым эмоциональным отвержением. Такой стиль воспитания особенно неблагоприятен при неустойчивой и конформной акцентуациях и нередко способствует развитию у детей склонности к праздному образу жизни и асоциальному поведению.

2. *Доминирующая гиперпротекция* — чрезмерная опека ребенка, мелочный контроль за каждым его шагом, многочисленные запреты. В результате ребенок с раннего возраста лишается возможности учиться на собственном опыте, не приучается к самостоятельности, в нем подавляется чувство ответственности и долга. У гипертимных подростков данный стиль воспитания приводит к резкому обострению реакции эмансипации. У подростков с психастенической, сензитивной и астено-невротической акцентуациями усиливаются такие черты, как несамостоятельность, неуверенность в себе, нерешительность, неумение постоять за себя.

3. *Потворствующая гиперпротекция* — родители стремятся оградить ребенка от малейших трудностей и неприятных обязанностей, чрезмерно покровительствуют ему, восхищаются его мнимыми талантами и преувеличивают действительные способности. Ребенок растет в атмосфере похвал, восторгов и обожания, им любуются и восхищаются. В своей крайней форме потворствующая гиперпротекция обозначается в литературе как воспитание по типу «кумира семьи». Этот стиль воспитания особенно неблагоприятен для подростков с истероидной, лабильной и гипертимной акцентуациями, культивируя развитие у них таких личностных черт, как желание быть в центре внимания окружающих, высокий уровень притязаний, стремление к лидерству и получению всего желаемого без особого труда.

4. *Эмоциональное отвержение* — родители не любят своего ребенка, относятся к нему как к нежеланному члену семьи. Эмоциональное отвержение может быть скрытым. В этом случае родители сознательно не признают, что тяготеют ребенком, обнаруживая гиперкомпенсацию в виде подчеркнутой заботы и утрированного внимания к нему. Данный стиль воспитания

сказывается на подростках по-разному, в зависимости от типа их акцентуации. Наиболее негативные последствия обнаруживаются при лабильной, сензитивной и астено-невротической акцентуациях, способствуя психопатическому развитию подростков по соответствующему типу, а при лабильной — и по неустойчивому типу.

5. *Условия жестоких взаимоотношений* — суровые расправы родителей за мелкие проступки, совершаемые ребенком, обычно сочетаемые с крайней степенью его эмоционального отвержения. Эти условия особенно пагубны для эпилептоидного и конформного типов акцентуаций — именно у таких подростков легче всего начинается психопатическое развитие по эпилептоидному типу.

6. *Повышенная моральная ответственность* — родители питают большие надежды в отношении будущего своего ребенка, его успехов, способностей и талантов, ему предъявляются требования, не соответствующие его возрасту и реальным возможностям. Данный стиль воспитания оказывает пагубное влияние на подростков с психастенической и сензитивной акцентуациями, приводя к затяжному обсессивно-фобическому неврозу или психопатическому развитию по психастеническому типу.

7. *Потворствующая гипопротекция* — сочетание вседозволенности и недостаточности контроля с некритичным отношением родителей к поведению своего ребенка. Родители стараются всегда его оправдывать, перекладывать вину на других, ограждать от порицания и заслуженного наказания. Такое воспитание культивирует у подростков развитие истероидных черт.

8. *Воспитание в атмосфере «культы болезни»* — преувеличенная забота родителей о здоровье своего ребенка, приводящая к его инфантилизации, эгоистической фиксации на заботах о собственном здоровье и развитию истерического способа реагирования на трудности с ипохондрическими внешними проявлениями.

9. *Противоречивое воспитание* — разные члены семьи используют несовместимые воспитательные подходы и предъявляют к подростку противоречивые требования, при этом они конкурируют, а то и открыто конфликтуют друг с другом. В такой ситуации подросток оказывается наиболее чувствительным к стилю воспитания, адресованному к слабому звену типа его акцентуации.

М.И. Буянов (1984), опираясь на анализ клинических случаев, выделил семь стилей родительского воспитания, негативно влияющих на развитие личности детей.

1. *Воспитание по типу Золушки* — явное эмоциональное отвержение ребенка родителями, чрезмерная придирчивость, недоброжелательность и враждебность по отношению к нему. Под влиянием этого стиля воспитания дети становятся забитыми, робкими, нерешительными, пугливыми, неспособными за себя постоять.

2. *Воспитание по типу кумира семьи* — родители стремятся выполнять все требования и капризы ребенка. В результате дети вырастают безответственными, эгоистичными, своевольными, упрямыми, не признающими запретов, неспособными отсрочить получение удовольствия, с ярко выраженным потребительским отношением к окружающим.

3. *Гиперопека* — лишение ребенка самостоятельности и подавлении его инициативы, что приводит к развитию у детей нерешительности слабоволия, непригодности к жизни.

4. *Гипоопека* — ребенок предоставлен самому себе, родители не контролируют его поведение и не формируют у него навыки социальной жизни.

5. *Воспитание по типу «кронпринца»* — родители не занимаются своим ребенком, отделяются от него подарками, перепоручают его воспитание другим людям.

6. *Противоречивое воспитание* — расхождение представлений взрослых членов семьи о воспитании ребенка и требованиях к нему.

7. *Деспотизм и авторитарность* — крики, ругань, высокие требования, чрезмерная строгость со стороны родителей по отношению к ребенку, вследствие чего дети становятся забитыми, пугливыми, робкими, не способным постоять за себя.

А.Я. Варга (1986), на основании анализа литературы по данной проблеме, предложила общую структуру для описания стилей родительского воспитания, которая представляет собой характеристику трех составляющих родительского отношения к ребенку: когнитивной, эмоциональной и поведенческой. В свою очередь, когнитивная составляющая может быть охарактеризована, с ее точки зрения, по четырем параметрам (адекватное представление о ребенке, инфантилизация, инвалидизация, социальная инвалидизация), поведенческая — также по четырем (доминирование, кооперация, потакание, автономия) и эмоциональная — по шести (симпатия, антипатия, уважение, презрение, близость, отдаленность). Проведя исследование с использованием факторного анализа экспертных оценок по этим четырнадцати параметрам данных, полученных с помощью ряда специальных методик диагностики взаимоотношений родителей со своими детьми, А.Я. Варга выделила четыре стиля родительского воспитания.

1. *Принимающее-авторитарный* — родители принимают ребенка, тепло относятся к нему, но при этом требуют от него достижения социальных успехов и контролируют его в этой сфере жизни.

2. *Отвергающий и инфантилизирующий* — эмоциональное отвержение родителями своего ребенка, низкая оценка его индивидуально-характерологических качеств, приписывание ему дурных наклонностей, восприятие его как более маленького, по сравнению с реальным возрастом.

3. *Симбиотический* — родители стремятся установить с ребенком тесный, напряженный эмоциональный контакт, соучаствовать во всех мелочах его жизни.

4. *Симбиотически-авторитарный* — гиперопека и тотальный контроль за поведением и психической жизнью ребенка.

А.С. Спиваковская (1986), опираясь на свой опыт работы в психологической консультации по детско-родительским проблемам, предложила следующую типологию семей с неблагоприятными стилями родительского воспитания.

1. *Вулканическая семья* — неустойчивость эмоциональной атмосферы с резкими перепадами между крайними полюсами. Дети в таких семьях испытывают значительные эмоциональные перегрузки, у них отсутствует стабильность мировосприятия.

2. *Семья-санаторий* — круг внешнего общения членов семьи ограничен, супруги стремятся проводить больше времени вместе и удерживать детей возле себя. В таких семьях со стороны родителей наблюдается мелочная опека, чрезмерный контроль и защита детей от реальных и мнимых опасностей. В результате дети начинают испытывать нервные и физические перегрузки, становятся тревожными, эмоционально чувствительными и зависимыми. При сильном контроле и опеке, особенно в подростковом возрасте, у них нередко возникает протест и желание уйти из семьи.

3. *Семья-крепость* — господствуют представления об агрессивности и жестокости окружающего мира. Любовь родителей к ребенку является условной, его любят только тогда, когда он оправдывает возложенные на него обязанности. Родители стремятся поступать подчеркнуто правильно, излишне принципиально. В таких семьях у детей развиваются неуверенность в себе, безынициативность, реакции протеста, упрямство, негативизм.

4. *Семья-театр* — демонстрация для окружающих видимости благополучия и близких отношений, хотя между родителями и детьми отсутствует истинная близость. Такая семейная атмосфера приводит к развитию у детей острого чувства одиночества.

5. *Семья-третий лишний* — родители воспринимают свою родительскую роль как помеху супружескому счастью, поэтому их отношение к ребенку — это скрытое неприятие. В результате у детей формируются

неуверенность в себе, безынициативность, чувство неполноценности, зависимость от родителей.

6. *Семья с кумиром* — забота о ребенке превращается в единственную силу, способную удержать родителей друг с другом. Ребенок оказывается центром семьи, объектом повышенного внимания и опеки, завышенных ожиданий родителей, его оберегают от жизненных трудностей и ограничивают самостоятельность. У детей, воспитываемых в таких условиях, утрачивается активность, ослабляются побуждения, возрастает потребность в позитивных оценках.

7. *Семья-маскарад* — из-за различного понимания ценностей родители ставят ребенка в ситуацию разных требований и оценок, что может привести к растерянности ребенка и расщеплению его самооценки.

З.Р. Кадырова (1987) выявила два основных стиля родительского воспитания, по-разному влияющих на формирование личности и нравственных норм у старших дошкольников.

1. *Авторитарный* — основан на требовании родителей от своего ребенка слепого, беспрекословного подчинения, не допускающего возражений и исключаящего с их стороны какое-либо объяснение, убеждение и аргументацию. Строгость и наказание являются основными средствами воспитания. Дети из таких семей, как правило, послушны, недостаточно активны, инициативны и самостоятельны, но в некоторых случаях им свойственно проявление агрессии по отношению к сверстникам.

2. *Демократичный* — не подавляет личность ребенка, родители стремятся разъяснить ему конкретную ситуацию, исходя при этом из возможностей ребенка понять и принять их разъяснения. Дети при таком воспитании демонстрируют большую активность, инициативность и самостоятельность.

Е.Т. Соколова и В.В. Столин (*Семья в психологической консультации*, 1989) на основании опыта практической работы в психологической консультации по семейным проблемам, выделили четыре стиля родительского

(материнского) воспитания.

1. *Отношение матери к сыну-подростку как к «замещающему» мужа* — мать требует от сына внимания и заботы к себе, стремится постоянно находиться в обществе сына, быть в курсе его личной жизни, ограничивает его контакты со сверстниками.

2. *Гиперопека и симбиоз* — мать стремится удержать, привязать к себе ребенка, лишить его самостоятельности, опасаясь возможных несчастий в будущем. Недооценка реальных способностей ребенка приводит к сильному контролю и ограничениям со стороны родителей, желанию делать все за него, уберечь от опасностей жизни. Результатом подобного воспитания является задержка или регресс в развитии ребенка.

3. *Воспитательный контроль посредством нарочитого лишения любви* — родители наказывают своего ребенка за нежелательное для них поведение лишением их любви. Чтобы вернуть родительскую любовь, ребенку приходится чрезмерно ограничивать собственную индивидуальность и достоинство ценой подавления собственного Я.

4. *Воспитательный контроль посредством вызова чувства вины* — при нарушении ребенком запретов родители создают у него чувство вины, называя его «неблагодарным», «предавшим родительскую любовь» и т.п. Вследствие постоянного страха оказаться виноватым в неблагополучии родителей у детей происходит задержка развития самостоятельности.

Т.В. Архиреева (1990), проведя обзор исследований по данной проблеме, выделила семь основных стилей родительского воспитания, наиболее негативно влияющих на развитие личности детей.

1. *Явное отвержение* — негативное отношение родителей к ребенку, неприятие его индивидуальности, неодобрение его склонностей и интересов. Родители жестко контролируют поведение ребенка, часто используют наказания. Послушание оценивается ими как добродетель.

2. *Сверхтребовательность или повышенная моральная ответственность* — родители устанавливают для ребенка высокие уровни

достижений в различных областях жизни, питают большие надежды в отношении будущего своего ребенка. Любовь родителей к ребенку условна, он признаваем и любим только тогда, когда оправдывает повышенные ожидания и требования родителей. К тому же их любовь имеет «собственнический характер», а именно: родители любят не столько самого ребенка, сколько его соответствие своему навязываемому или внушаемому образу Я.

3. *Гиперопека (гиперпротекция) или симбиоз* — родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания. Гиперопека бывает доминирующая (авторитарно-симбиотическая) и потворствующая (симбиотическая).

4. *Непоследовательный тип семейного воспитания* — со стороны одного из родителей предъявляются противоречивые требования к ребенку, он требует то одно, то другое, сегодня разрешает, а завтра то же самое запрещает.

5. *Противоречивое воспитание* — разные члены семьи применяют несовместимые воспитательные подходы к ребенку и предъявляют к нему противоречивые требования.

6. *Гипопротекция или пренебрежение* — противоположна *гиперопеке* или *симбиозу*. В крайней форме она проявляется в безнадзорности.

7. *Потворствующая гипопротекция* — вседозволенность и отсутствие контроля со стороны родителей по отношению к своему ребенку, которые сочетаются с некритическим их отношением к его поведению. Родители всегда стараются оправдать ребенка, при совершении им проступков переложить вину на других, оградить от общественного порицания и заслуженного наказания.

Ю.Б. Тарнавский (1990) описал пять стилей родительского воспитания, приводящих к развитию у детей таких черт характера, которые впоследствии будут способствовать возникновению неврозов.

1. *Кумир семьи* — родители обожают и балуют ребенка, исполняют любую его прихоть, захваливают, освобождают от всяких обязанностей, не

приучают к трудовой жизни, культивируют в нем сознание своей исключительности.

2. *Гиперопека* — родители уделяют ребенку чрезмерное внимание, постоянно навязывают ему свое мнение, ограничивают самостоятельность, лишают возможности общения с другими детьми, диктуют каждый шаг.

3. *Гипоопека* — ребенок предоставлен сам себе, родители его воспитанием не занимаются.

4. *Золушка* — отсутствие родительской ласки и заботы, ребенка систематически унижают, оскорбляют, лишают удовольствий, держат в страхе, подавляют все его желания.

5. *Ежовые рукавицы* — ребенок систематически слышит угрозы от родителей, его избивают по любому поводу, всячески подавляют волю и инициативу.

В. Сатир (1992), обобщив опыт своей психотерапевтической работы, выделила два типа семей, в которых используются разные стили родительского воспитания.

1. *Проблемные семьи* — характеризуются низкой самооценкой; спутанными, неясными, в значительной степени нереалистичными и нечестными коммуникациями; ригидными, инертными, стереотипными, негуманными, не направленными на помощь другим и чрезмерно ограничивающими жизнь правилами поведения; социальными связями, либо обеспечивающими покой в семье, либо наполненными страхом и угрозой.

2. *Зрелые семьи* — характеризуются высокой самооценкой; непосредственными, прямыми, четкими и честными коммуникациями; гибкими, гуманными, ориентированными на принятие правилами поведения, способностью членов семьи к изменениям; открытостью социальных связей с позитивными установками и надеждами.

Э.Г. Эйдемиллер (1996) на основании исследований семей с детьми, состоящими на учете в психоневрологических диспансерах и инспекциях по

делам несовершеннолетних, выделил шесть стилей родительского воспитания, наиболее неблагоприятных для развития личности детей.

1. *Потворствующая гиперпротекция* — ребенок находится в центре внимания семьи, которая стремится к максимальному удовлетворению его потребностей. Данный стиль воспитания способствует развитию у детей истероидных и гипертимных черт личности.

2. *Доминирующая гиперпротекция* — ребенок также находится в центре внимания родителей, которые уделяют ему много времени и сил, однако, в то же время, лишают его самостоятельности, ставя многочисленные ограничения и запреты. У гипертимных подростков такое воспитание усиливает реакцию эмансипации. При психастеническом, сензитивном и астеническом типах акцентуаций происходит усиление астенических черт.

3. *Эмоциональное отвержение* — в его основе лежит осознаваемое или чаще неосознаваемое отождествление родителями ребенка с какими-либо отрицательными моментами собственной жизни. При таком стиле воспитания у детей, как правило, формируются или усиливаются черты эпилептоидной акцентуации, а у детей с эмоционально-лабильной и астенической акцентуациями развиваются невротические расстройства.

4. *Повышенная моральная ответственность* — сочетание высоких требований родителей к ребенку с пониженным вниманием к удовлетворению его потребностей способствует развитию у детей черт психоастенической акцентуации.

5. *Жестокое обращение с ребенком* — на первом плане выступает эмоциональное отвержение родителями своего ребенка, проявляющееся в наказаниях, лишении удовольствий, неудовлетворении его потребностей.

6. *Гипопротекция* — ребенок предоставлен самому себе, родители не интересуются им и не контролируют его. Такое воспитание особенно неблагоприятно для детей с акцентуациями гипертимного и неустойчивого типов.

А.И. Захаров (1998) на основании своих многолетних клинических исследований выделил семь основных характеристик стилей родительского воспитания, в наибольшей степени способствующих возникновению неврозов у детей.

1. *Несоответствие требований родителей возможностям и потребностям детей, ритму их психофизиологического развития, конституциональным и половым особенностям* — родители предъявляют ребенку большое число требований, предписаний и условностей, которые трудновыполнимы на практике и превышают возможности их усвоения детьми.

2. *Непринятие индивидуальности и эмоциональное непринятие детей* — раздраженно-нетерпеливое отношение родителей к своему ребенку, частые порицания, угрозы и физические наказания, отсутствие с их стороны необходимой нежности и ласки.

3. *Неравномерный характер воспитания в различные периоды жизни детей со стороны одного или обоих родителей* — в первые годы жизни ребенка имеет место недостаток родительской заботы, сменяющийся в последующие годы гиперопекой.

4. *Несогласованный подход в воспитании со стороны родителей и других членов семьи* — контрастное сочетание строгих запретов и ограничений со стороны одного из родителей с потакающее-разрешающим отношением другого.

5. *Непоследовательность воспитания* — его неровность и противоречивость у каждого из родителей в отдельности.

6. *Неустойчивость в обращении с детьми* — повышенный тон, крик, общая эмоциональная неровность.

7. *Тревожность в воспитании* — постоянное беспокойство о ребенке, наличие излишних опасений и предохранений.

8.3.2. Сопоставление полученных результатов с представленными в литературе

При проведении этого сопоставления мы столкнулись с определенными трудностями.

Во-первых, как следует из приведенного выше обзора, в области исследований стилей родительского воспитания пока отсутствует общепринятая классификация их видов. Приводимые различными авторами классификации очень различаются и по количеству видов, и по их названиям. Например, в работе D. Baumrind (1971) описано только три стиля воспитания (авторитарный, авторитетный, попустительский), в работе A. Roe, Siegelman (1963) представлено шесть стилей с совершенно другими названиями (отвержение, безразличие, гиперопека, сверхтребовательность, устойчивость, родительская любовь), а в работе А.Е. Личко (1983) их уже девять и опять все с новыми названиями (гипопротекция, доминирующая гиперпротекция, потворствующая гиперпротекция, эмоциональное отвержение, условия жестких взаимоотношений, повышенная моральная ответственность, потворствующая гипопротекция, воспитание в атмосфере «культы болезни», противоречивое воспитание). Причем ни в одной работе не приводятся сведения об относительных частотах встречаемости тех или иных стилей.

Во-вторых, среди исследователей нет согласия ни в терминологии, используемой для обозначения различных стилей воспитания, ни в содержательном их описании. У разных авторов сходные по содержанию стили воспитания могут иметь разные названия. Например, в работе А. Рое, М. Siegelman (1963) стиль воспитания, который характеризуется тем, что родители стремятся оградить ребенка от трудностей, балуют его, наказывают за проявление независимости и самостоятельности, называется гиперопекой. В.И. Гарбузов, А.И. Захаров, Д.Н. Исаев (1977) похожий по содержанию стиль называет «эгоцентрическим», Э.Г. Эйдемиллер (1996) – «потворствующей гиперпротекцией», А.С. Спиваковская (1988) указывает на его наличие в

«семьях с кумиром». И наоборот, стили родительского воспитания, обозначаемые разными авторами одними и теми же названиями, по содержанию могут отличаться. Например, гиперопека в работе А. Рое, М. Siegelman (1963) описывается как стремление родителей оградить ребенка от трудностей и неприятностей, его балуют, наказывают за проявления независимости и самостоятельности, при этом он занимает центральное, привилегированное положение в семье. В работе Э.Г. Эйдемиллера (1994) гиперопека определяется иначе: родители уделяют ребенку крайне много времени, сил и внимания, его воспитание является главным делом их жизни. У М.И. Буянова (1984) мы находим уже третий вариант описания гиперопеки: ребенок лишен самостоятельности, его инициатива подавляется.

В-третьих, в публикациях описания стилей родительского воспитания даны, как правило, в свободной форме, неструктурированно, без указания на их когнитивные, эмоциональные и поведенческие составляющие. Поэтому для их сопоставления с описаниями, представленными в нашей классификации, мы были вынуждены сами выявлять из них характеристики отдельных составляющих. Основная трудность такого рода работы состояла в том, что в целом ряде публикаций были представлены не всегда четкие описания стилей родительского воспитания, допускающие неоднозначную их трактовку.

Тем не менее, мы считаем, что проведенный сравнительный анализ все-таки позволил выявить как сходство, так и различие описанных нами основных стилей родительского воспитания и их разновидностей с уже известными в литературе.

Так, предложенное нами описание гиперопеки оказалось наиболее содержательно сходным по эмоциональной и поведенческой составляющим с «гиперопекой» по А. Рое, М. Siegelman (1963), «изнеживающим воспитанием» по Г.Е. Сухаревой, Л.С. Юсевич (1965), «потворствующей гиперпротекцией» по А.Е. Личко (1983) и «гиперпротекционистским» по Е. Schaefer (1959). Однако, характеризуя поведенческую составляющую, все эти авторы, хотя и указывают так же, как и мы, на чрезмерное вмешательство родителей в жизнь

детей, но никто из них не делает специального акцента на специфике этого вмешательства — помощи конкретными действиями или советами. С нашей же точки зрения, этот акцент чрезвычайно важен для понимания негативного влияния гиперопеки на развитие личности детей, о чем будет специально говориться в следующей главе. Описания когнитивных составляющих у всех этих авторов отсутствуют.

Наше описание сверхтребовательности практически полностью совпало по всем трем составляющим с «сверхтребовательностью или повышенной моральной ответственностью» по Т.В. Архиреевой (1990). Близкими, но только по поведенческой и эмоциональной составляющим, являются стили воспитания, обозначенные как «семья-крепость» (Спиваковская, 1988), «принципиальная и условная любовь» (Захаров, 1998) и «перфекционизм с нереалистическими требованиями» (Coleman, 1976). Описания когнитивных составляющих в этих работах не представлены.

Описанные нами различные виды этих двух основных стилей родительского воспитания можно было сравнивать с известными в литературе только по содержанию, но не по названиям, поскольку в нашей классификации они рассматриваются не как рядоположенные и независимые друг от друга, а как разновидности либо гиперопеки, либо сверхтребовательности.

Больничная гиперопека оказалась сходной по когнитивной составляющей с «воспитанием в культе болезни» по Личко (1983), но в его описании совсем не представлена эмоциональная составляющая, а поведенческая — не совпадает с нашим. Тревожная гиперопека наиболее сходна по эмоциональной и когнитивной составляющим со стилем воспитания в «тревожной семье» по Е.М. Волковой (1992), при отличии от него по поведенческой составляющей. Любящая гиперопека по всем трем составляющим сходна с «потворствующей гиперпротекцией» по D. Levy (1943), а по когнитивной и эмоциональной — с «воспитанием по типу кумира семьи» (Буянов, 1984; Спиваковская, 1988; Гарнавский, 1990), при различии в содержательной характеристике поведенческой составляющей. Сильная

гиперопека наиболее сходна с «симбиотическим» стилем воспитания по А.Я. Варга (1986) по эмоциональной составляющей и, лишь отчасти, по поведенческой. Когнитивная составляющая в описании этого стиля отсутствует. Для локальной гиперопеки в литературе не было обнаружено никаких аналогов.

Мягкая сверхтребовательность оказалась наиболее сходной по эмоциональной и поведенческой составляющим с «принимающее-авторитарным» стилем воспитания (Варга, 1986) и «доминирующей гиперпротекцией» (Эйдемиллер, 1996); жесткая сверхтребовательность — по эмоциональной и поведенческой составляющим — с «воспитанием по типу Золушки» (Буянов, 1984), «авторитарным» (Кадырова, 1987), «непринятием» (Захаров, 1998), «авторитарным диктатом» (Schaefer, 1959) и «жесткой чрезмерно строгой дисциплиной» (Coleman, 1976); жестокая сверхтребовательность — по эмоциональной и поведенческой составляющим — с «чрезмерно строгим воспитанием» (Сухарева, Юсевич, 1965), «явным отвержением» (Архиреева, 1990), «ежовыми рукавицами» (Тарнавский, 1990) и «автократическим» (Райс, 2000); сильная сверхтребовательность — по тем же составляющим — с «симбиотически-авторитарным» (Варга, 1986). В описаниях всех этих стилей воспитания когнитивная составляющая не выявляется. Для локальной сверхтребовательности так же, как и для локальной гиперопеки, нам не удалось обнаружить в других работах никаких аналогов.

Стиль воспитания, который мы обозначили как одновременное сочетание гиперопеки и сверхтребовательности, отчасти сходен с «противоречивым воспитанием» (Личко, 1983; Буянов, 1984; Архиреева, 1990; Захаров, 1998), а последовательное сочетание гиперопеки и сверхтребовательности — с «непоследовательным» (Архиреева, 1990) и «непоследовательной дисциплиной» (Coleman, 1976). Отличие состоит в том, что все эти авторы не указывают конкретные стили воспитания, которые противоречат или не согласуются друг с другом.

Многие из известных в литературе стилей родительского воспитания в нашем исследовании не были обнаружены. Это такие стили, которые либо рассматриваются как оптимальные для развития личности ребенка, например, «демократический» (Кадырова, 1987; Schaefer, 1959), «сотрудничающий» (Schaefer, 1959), «активная любовь» (Roe, Siegelman, 1963), «авторитетный» (Райс, 2000; Baumrind, 1971), либо свидетельствуют о безразличии родителей к воспитанию детей, например, «безнадзорность» (Сухарева, Юсевич, 1965), «попустительский-безразличный» (Райс, 2000), «воспитание про типу кронпринца» (Буянов, 1984), «гипопротекция» (Личко, 1983; Эйдемиллер, 1994), «жестокое обращение» (Santrock, 2013). Вполне возможно, это связано с тем, что в семьях, где используются оптимальные стили воспитания, детско-родительские проблемы не возникают, а у «безразличных» родителей нет никакого желания обращаться в психологическую консультацию.

Предложенная нами классификация стилей родительского воспитания существенно отличается от представленных в литературе. Это отличие касается общего принципа ее построения.

Как следует из приведенного в предыдущем параграфе обзора, в настоящее время известны два типа классификаций. Первый тип строится на основе выявления, преимущественно в беседе с родителями и их детьми, качественных особенностей различных стилей воспитания. К основным недостаткам этих классификаций можно отнести то, что в них отсутствуют указания на четкие критерии различения, а отдельные стили рассматриваются как совершенно не связанные друг с другом. Второй тип строится на основе результатов, полученных с помощью опросников, с последующим применением к ним факторного анализа. С помощью этой математической процедуры выявляются независимые факторы, являющиеся основаниями классификаций. Основным недостатком этих классификаций является то, что они в полной мере не учитывают качественное своеобразие различных стилей воспитания, оценивая их слишком обобщенными категориями, например,

«любовь—ненависть» или «автономия—контроль», как это сделано в работе Е. Schaefer (1959).

С нашей точки зрения, для классификации выявленных в нашем исследовании стилей родительского воспитания более адекватным оказался так называемый родовидовой принцип в сочетании с использованием четких содержательных критериев их различия по трем составляющим (когнитивной, эмоциональной и поведенческой). Как видно из рис. 3, в наших случаях общая особенность всех стилей воспитания содержательно характеризуется по поведенческой составляющей как чрезмерное вмешательство взрослых членов семьи в жизнь ребенка. Основные стили воспитания (гиперопека и сверхтребовательность), встречающиеся как в чистом, так и в смешанном виде, различаются одновременно по определенным содержательным характеристикам когнитивных, эмоциональных и поведенческих составляющих. Наличие промежуточного типа свидетельствует о том, что различить основные типы даже по всем трем критериям зачастую невозможно. Разделение видов гиперопеки и сверхтребовательности по диапазону и степени производится, главным образом, по содержательным характеристикам поведенческих составляющих. Классификация гиперопеки на больничную, тревожную и любящую осуществляется по содержанию когнитивных составляющих, а классификация сверхтребовательности на мягкую, жесткую и жестокую — по содержанию поведенческих и эмоциональных составляющих. Тем самым использование в нашей классификации родовидового принципа ее построения в сочетании с четкими содержательными критериями различения стилей родительского воспитания по отдельным составляющим позволило нам выявить и сходство, и достаточно тонкие качественные различия между ними.

8.3.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа гиперопеки и сверхтребовательности

На наш взгляд, с точки зрения интегративного подхода, гиперопеку и сверхтребовательность можно рассматривать как стили воспитания, в которых проявляется односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям.

В гиперопеке эта позиция проявляется по отношению к экзистенциальной дихотомии, которая нами обозначена как дихотомия *помощи—самостоятельности*. Эта дихотомия описана впервые в нашем исследовании, суть которой состоит в том, что, с одной стороны, ребенок объективно рождается крайне беспомощным, и поэтому для своего полноценного развития он нуждается в опеке, т.е. во всесторонней помощи взрослых членов общества, прежде всего, своих родителей; с другой же стороны, как считают многие известные теоретики личности (Джемс, 2003; Леонтьев, 1975; Маслоу, 1999; Рубинштейн, 1989; Франкл, 1990; Фромм, 1990а; Юнг, 1994б; и др.), в жизни полноценно развитого человека должно обязательно присутствовать его самоопределение в ценностях собственной жизни, которое невозможно без развития самостоятельности.

Как следует из описания трех составляющих гиперопеки односторонность воспитательной позиции родителей по отношению к этой дихотомии состоит в том, что они считают для себя крайне важным и значимым оказание всесторонней помощи своим детям, тем самым, препятствуя развитию у них самостоятельности. Гиперопекающие родители игнорируют тот факт, что, в конечном итоге, их помощь ребенку должна заключаться в том, чтобы он преодолел свою природную беспомощность и научился жить самостоятельно (Эриксон, 1996), автономно и индивидуированно (Райс, 2000; Шэффер, 2003; Cobb, 2007) как это свойственно полноценно развитому человеку.

В сверхтребовательности односторонняя воспитательная позиция родителей проявляется по отношению одновременно к трем

экзистенциальным дихотомиям: *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*, которые выявлены и подробно описаны нами в первой части работы при анализе трудов, соответственно, З. Фрейда, К. Роджерса и В. Франкла.

Как следует из описания трех составляющих сверхтребовательности, односторонняя ценностная позиция родителей по отношению к этим дихотомиям проявляется в том, что они считают для себя крайне важным и значимым, во-первых, сформировать у своего ребенка социально желательные качества личности, во-вторых, сформировать такие качества, которые они сами считают ценными для него и наличие которых является условием их положительного к нему отношения, в-третьих, настойчиво требовать от ребенка соответствия этим качествам.

Проявление родителями определенной требовательности и настойчивости в формировании у своих детей социально желательных личностных качеств является необходимым условием их полноценного, собственно человеческого развития, поскольку человек рождается всего лишь биологическим индивидом, которому в будущем в обязательном порядке предстоит пройти путь социогенеза (Асмолов, 2007; Выготский, 1982-1984; Леонтьев, 1975).

Однако, как показано З. Фрейдом на материале инфантильных сексуальных влечений, чрезмерная ценностная ориентация родителей на соответствие поведения своего ребенка социальным требованиям, которая как раз и наблюдается при сверхтребовательности, зачастую приводит к излишнему подавлению естественных форм проявлений его биологической природы. Как следует из работ К. Роджерса, формирование родителями у своего ребенка чрезмерной ориентации на условные ценности, т.е. такие ценности, которые желательны, в первую очередь, для них, и присвоение которых является для ребенка необходимым условием положительного к нему отношения родителей, что также характерно для сверхтребовательности, способствует подавлению у него тенденции к самоактуализации. С точки

зрения В. Франкла, чрезмерное детерминирующее влияние, оказываемое родителями на своего ребенка, как это имеет место при сверхтребовательности, препятствует его самоопределению.

Тот факт, что в семьях клиентов психологической консультации встречаются исключительно гиперопека и сверхтребовательность, мы объясняем тем, что, во-первых, в психологическую консультацию обращаются только такие родители, которым не безразлична судьба своих детей, и как показано в параграфе 8.1., гиперопекающие и сверхтребовательные родители безусловно относятся к этой «небезразличной» категории. Гиперопекающие родители любят своих детей, окружают их заботой и вниманием, помогают решать повседневные задачи; а сверхтребовательные родители хотят, чтобы их дети обладали важными для их последующей жизни определенными социально желательными личностными качествами. Во-вторых, и опека, и требовательность являются неотъемлемыми составляющими процесса воспитания, по крайней мере, для тех родителей, которым не безразлична судьба своих детей. Но, поскольку многим родителям бывает трудно самостоятельно найти меру опеки и требовательности по отношению к своим детям в рамках экзистенциальных дихотомий *помощи—самостоятельности, социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации, детерминизма—самоопределения*, то, с нашей точки зрения, именно по этой причине гиперопека и сверхтребовательность, как достаточно неочевидные для родителей нарушения важнейших составляющих воспитания, широко распространены в семьях клиентов психологической консультации.

В связи с тем, что в фокусе внимания интегративного подхода находятся не только особенности содержания ценностной позиции личности по отношению к экзистенциальным дихотомиям, но также и особенности ее формирования, мы предприняли попытку выявить отдельные факторы, которые могли повлиять на формирование этих односторонних воспитательных позиций родителей. С нашей точки зрения, таких факторов может быть несколько. Их можно разделить на две группы и обозначить как

факторы, связанные с особенностями детей, и факторы, связанные с особенностями родителей. Первая группа факторов является достаточно очевидной как для нас, так и для самих родителей. Многие из родителей сообщали, что причина осуществляемой ими гиперопеки или сверхтребовательности коренится не в них, а в особенностях их детей. Так, например, повышенная опека объяснялась ими тем, что у детей слабое здоровье, они быстро устают, невнимательные, несобранные, и т.п., а повышенная требовательность — тем, что они недисциплинированные, неорганизованные, необязательные и т.п. Факторы, связанные с особенностями родителей, менее очевидные и поэтому требуют проведения специальных исследований. В настоящей работе мы выявили некоторые из них. По нашему предположению, одними из важнейших таких факторов являются черты личности родителей и особенности стилей их воспитания в родительских семьях в детстве. Для проверки этого предположения мы предлагали родителям тесты ДМО, М. Люшера и Р. Кеттела.

По результатам теста ДМО гиперопекающие и сверхтребовательные родители были расклассифицированы на две группы. В одну из них вошли родители, у которых показатели теста для обоих прародителей не превышали 8 баллов по всем восьми шкалам. Как считает Л.Н. Собчик (1998), такие показатели свидетельствуют о гармоничных межличностных отношениях, т.е. об умении людей совмещать в межличностных отношениях различные стили, соблюдая при этом меру в степени их выраженности. К другой группе относились родители, у которых показатели теста хотя бы для одного прародителя и по одной шкале были девять и более баллов. Такие показатели, по мнению Л.Н. Собчик (1998), указывают на наличие акцентуаций в стилях межличностных отношений. В таблице 12 приведены результаты этой классификации.

Таблица 12 - Частота встречаемости (в %) гармоничных и акцентуированных стилей межличностных отношений у прародителей гиперопекающих и сверхтребовательных родителей

Стили воспитания детей, используемые родителями	Стили межличностных отношений прародителей	
	Гармоничный	Акцентуированный
Гиперопека (N = 49)	20	80
Сверхтребовательность (N = 46)	22	78
Σ (N = 95)	21	79

Из этой таблицы следует, что в прародительских семьях гиперопекающих и сверхтребовательных родителей акцентуированные стили межличностных отношений встречались почти в 4 раза чаще гармоничных.

В таблице 13 приведены усредненные результаты теста ДМО гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, у которых в прародительских семьях были выявлены акцентуированные стили межличностных отношений.

Таблица 13 - Результаты теста ДМО гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, у которых в прародительских семьях были выявлены акцентуированные стили межличностных отношений

Стили родительского воспитания	Шкалы теста ДМО							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Гиперопека (N = 65)	8,1	5,7	5,6	4,9	5,1	5,3	7,0	7,7
Сверхтребовательность (N = 54)	8,1	5,2	3,9	3,6	4,1	4,4	7,1	7,5

По этим результатам видно, что гиперопекающие и сверхтребовательные родители оценили прародителей наиболее высоко по 1 и 8 шкалам. Это свидетельствует о наибольшей степени выраженности у прародителей властно-лидирующего и ответственно-великодушного стиля межличностных отношений.

В таблице 14 и на рис. 8 представлены относительные показатели этого теста, вычисленные как разности противоположных шкал.

Таблица 14 - Относительные показатели теста ДМО гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, у которых в прародительских семьях были выявлены акцентуированные стили межличностных отношений

Стили родительского воспитания	Разности противоположных шкал теста ДМО			
	А=1-5	В=2-6	С=3-7	Д=4-8
Гиперопека (N = 65)	3,0	0,4	-1,4	-3,8
Сверхтребовательность (N = 54)	4,5	1,1	-3,2	-3,9

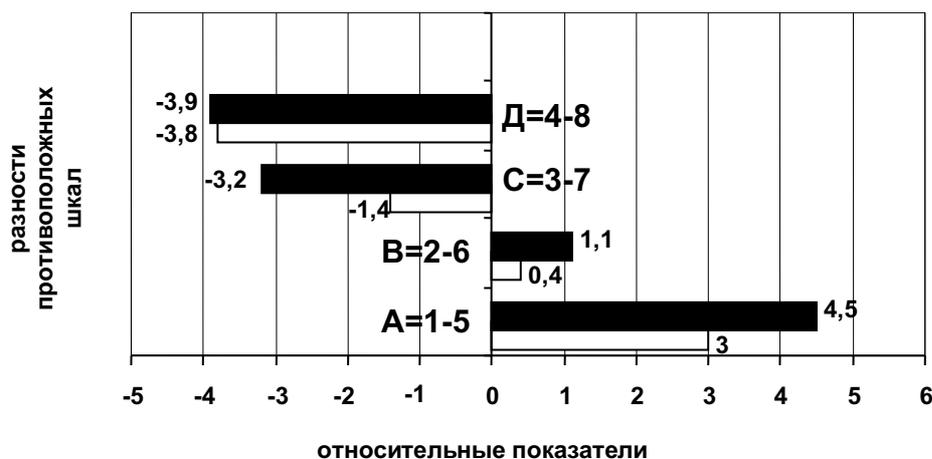

Рисунок 8. Относительные показатели теста ДМО □ – гиперопекающих (N = 65) и ■ – сверхтребовательных (N = 54) родителей, у которых в прародительских семьях были выявлены акцентуированные стили межличностных отношений

Поскольку в параграфе 8.2 настоящей главы было показано, что ответственно-великодушный стиль взаимоотношений во многом содержательно совпадает с гиперопекой, а властно-лидирующий — со сверхтребовательностью, то на этом основании можно сделать вывод о том, что в прародительских семьях гиперопекающих и сверхтребовательных родителей преобладали именно эти стили воспитания.

На основе этих результатов теста ДМО можно сделать вывод о том, что акцентуированные стили взаимоотношений прародителей с родителями в детстве, проявившиеся главным образом в виде гиперопеки и сверхтребовательности, которым, как указывалось ранее, свойственно чрезмерное вмешательство в жизнь детей, могут рассматриваться в качестве важнейших внешних факторов, оказавших влияние на формирование у

гиперопекающих и сверхтребовательных родителей таких же «чрезмерно вмешивающихся» воспитательных позиций.

На рисунке 9 представлены результаты теста М. Люшера для родителей, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека и сверхтребовательность. На этом рисунке цифры соответствуют следующим цветам: 1 — синему, 2 — зеленому, 3 — красному, 4 — желтому, 5 — фиолетовому, 6 — коричневому, 7 — черному, 0 — серому. Порядок предпочтения цветов в каждой группе установлен на основании подсчета их средних рангов, как это принято для метода ранжирования (Вудвортс, Шлосберг, 1974).

I выбор 2 5 4 3 1 0 6 7	I выбор 2 5 4 3 0 1 6 7
II выбор 2 5 4 3 1 0 6 7	II выбор 2 5 4 3 0 1 6 7
а	б

Рисунок 9. Результаты теста М. Люшера для родителей, у которых, по данным бесед, выявились: а) гиперопека (N = 56); б) сверхтребовательность

Не вдаваясь в подробный анализ этих результатов, укажем лишь на то, что гиперопекающие и сверхтребовательные родители поставили фиолетовый цвет на второе место, что, по мнению М. Люшера (1997) и Л.Н. Собчик (1990, 1998), является значимым для диагностики событием, на которое обязательно следует обращать внимание. На первые две позиции этот цвет часто помещают люди, обладающие личностной чертой, которую можно обозначить как повышенная иррациональность, в соответствии с которой они руководствуются в своей жизни скорее желаниями, эмоциями и чувствами, чем разумом. Поэтому им свойственны «иррациональность притязаний, нереальные требования к жизни, субъективизм» (Собчик, 1998, с. 221), что нередко является причиной их дезадаптации.

С нашей точки зрения эту личностную черту гиперопекающих и сверхтребовательных родителей можно рассматривать в качестве важнейшего личностного фактора, благоприятствующего иррациональному присвоению ими «чрезмерно вмешивающихся» воспитательных позиций их родителей.

Таким образом, результаты тестов ДМО и М. Люшера позволяют сделать вывод о том, что на формирование воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей во многом могли оказать

влияние, во-первых, «чрезмерно вмешивающийся» стиль воспитания, которому они подвергались в детстве, а во-вторых, личностная черта самих родителей — иррациональность, способствующая иррациональному присвоению ими этой «чрезмерно вмешивающейся» воспитательной позиции их родителей с последующим ее воспроизведением в гиперопекающем или сверхтребовательном стилях воспитания по отношению к своим детям.

8.4. Выводы

Результаты проведенного исследования стилей родительского воспитания в семьях клиентов, обратившихся в психологическую консультацию по поводу детско-родительских проблем, позволяют сделать следующие выводы:

1. На основании данных бесед с клиентами выявлены и описаны два основных стиля родительского воспитания: гиперопека и сверхтребовательность, которые встречались как в чистом, так и смешанном виде (в последовательном и одновременном их сочетании). Их описания были даны по трем составляющим взаимоотношений родителей со своими детьми: когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

2. Описания гиперопеки и сверхтребовательности, сделанные на основании бесед, подтверждаются результатами, полученными с помощью методики анализа семейных взаимоотношений (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и теста диагностики межличностных отношений Т. Лири (ДМО), адаптированного Л.Н. Собчик.

3. Выявлены и описаны различные виды гиперопеки и сверхтребовательности: локальная и тотальная, умеренная и сильная, больничная, тревожная и любящая гиперопека; локальная и тотальная, умеренная и сильная, мягкая, жесткая и жестокая сверхтребовательность. Характеристика всех этих видов также была дана по трем составляющим взаимоотношений родителей со своими детьми: когнитивной, эмоциональной и поведенческой.

4. Проведен сравнительный анализ описаний основных стилей родительского воспитания и их разновидностей, предложенных в нашем исследовании, со стилями родительского воспитания, уже известными в литературе. В результате этого анализа предложен новый родовидовой принцип классификации стилей родительского воспитания, и на этом принципе построена их новая классификация с использованием четких содержательных критериев, характеризующих взаимоотношения родителей со своими детьми по различным составляющим: когнитивной, эмоциональной и поведенческой. Данная классификация, по сравнению с известными, дает возможность более четко определить содержательное сходство и различие разных стилей воспитания по каждой из этих составляющих.

6. Показано, что с точки зрения интегративного подхода гиперопеку и сверхтребовательность можно рассматривать как стили воспитания, в которых проявляется односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям. В гиперопеке эта позиция проявляется по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи—самостоятельности*, в сверхтребовательности — по отношению одновременно к трем экзистенциальным дихотомиям: *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*. При этом экзистенциальная дихотомия *помощи—самостоятельности* выявлена и описана в нашем исследовании впервые.

7. Результаты тестов ДМО и М. Люшера позволяют сделать вывод о том, что на формирование односторонних воспитательных позиций гиперопекающих и сверхтребовательных родителей во многом могли оказать влияние, во-первых, «чрезмерно вмешивающийся» стиль воспитания, которому они подвергались в детстве, а во-вторых, личностная черта самих родителей — иррациональность, способствующая иррациональному присвоению ими этой «чрезмерно вмешивающейся» воспитательной позиции своих родителей с последующим ее воспроизведением в гиперопекающем или сверхтребовательном стилях воспитания по отношению к своим детям.

Глава 9. Влияние гиперопеки и сверхтребовательности на развитие личности детей и возникновение у них проблем¹⁷

9.1. Характеристика личности и проблем детей на основе данных бесед с клиентами

С целью изучения влияния описанных нами в предыдущей главе стилей родительского воспитания на развитие личности детей и возникновение у них проблем, мы сформировали из всей нашей выборки три группы случаев. Первую группу (82 случая) составили семьи, в которых наблюдалась *чистая гиперопека*. Ко второй группе (46 случаев) отнесены семьи с *чистой сверхтребовательностью*. Третью группу (35 случаев) образовали *смешанные случаи*, в которых гиперопека и сверхтребовательность присутствовали либо одновременно (21 случай), либо последовательно (14 случаев). В следующих трех параграфах представлены результаты анализа каждой из этих трех групп случаев, основанные на данных бесед с клиентами.

9.1.1. Особенности личности и проблемы детей в семьях с чистой гиперопекой

В таблице 15 представлены сведения о распределении детей из семей с чистой гиперопекой по подгруппам с учетом их возраста и вида гиперопеки, влиянию которого они подвергались.

Анализ данных бесед позволил выявить в этой группе случаев две общие закономерности.

Во-первых, у всех без исключения детей, живущих и воспитывающихся в условиях гиперопеки, наблюдался определенный тип личности, который мы обозначили как *ориентированный на внешнюю помощь*. Этому типу присущи три основные черты, которые могут проявляться в различных конкретных

---

¹⁷ Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации // Национальный психологический журнал. 2015. №1. С. 79-87.

формах, особенно, в зависимости от возраста детей и видов гиперопеки, влиянию которых они подвергались. В таблице 16 представлены основные черты типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и наиболее распространенные конкретные их проявления у детей в семьях с отдельными видами гиперопеки.

Таблица 15 - Распределение детей из семей с чистой гиперопекой по подгруппам с учетом их возраста и вида гиперопеки, влиянию которого они подвергались

Виды гиперопеки	Общее количество	Количество детей в разных возрастных группах			
		3–6	7–11	12–15	16–17
Больничная	20	4	6	7	3
Любящая	24	7	10	7	0
Тревожная	14	3	6	5	0
Локальная	4	0	2	2	0
Тотальная	78	19	32	24	3
Умеренная	46	8	22	14	2
Сильная	36	11	12	12	1

Таблица 16 - Основные черты, характерные для типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и наиболее распространенные конкретные их проявления в зависимости от вида гиперопеки

Черты личности	Конкретные проявления		
	При больничной гиперопеке	При любящей гиперопеке	При тревожной гиперопеке
Чрезмерная ориентация на внешнюю помощь	Неприспособленность к самостоятельной жизни (беспомощность, безответственность, беспечность, беззаботность)	Требование помощи и внимания окружающих для удовлетворения своих желаний	Склонность советоваться в связи с испытываемой неуверенностью при принятии собственных решений
Задержка в развитии саморегуляции	Трудности в произвольном сосредоточении внимания (невнимательность, несобранность, неусидчивость)	Трудности в контроле эмоций и влечений (раздражительность, капризность, упрямство, агрессивность)	Трудности в преодолении тревоги (нерешительность, боязнь проявления инициативы и публичных выступлений)
Повышенная привязанность к родителям	Постоянно нуждается в помощи родителей	Постоянно требует помощи и внимания от родителей	Тревога при разлуке с родителями

Во-вторых, проблемы детей, беспокоящие в большей степени родителей, которые послужили поводом их обращения в психологическую консультацию, оказались очень тесно связанными с этими личностными чертами детей. Как показал анализ случаев, непосредственной общей причиной возникновения этих проблем является несоответствие требований к ребенку со стороны ближайшего социального окружения (родителей, учителей, других людей) его личностным возможностям для их исполнения.

Эти общие закономерности демонстрируются на материале конкретных случаев, с учетом специфики влияния на развитие личности и проблемы детей их возраста и различных видов гиперопеки.

Ниже представлены случаи, демонстрирующие конкретные проявления основных черт типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и связанные с ними проблемы у детей разных возрастов, сформировавшиеся под влиянием больничной тотальной гиперопеки.

Случай 15. Борис (5 лет). Больничная тотальная гиперопека со стороны бабушки.

Основные жалобы на несамостоятельность, неусидчивость, невнимательность, рассеянность, трудности в сосредоточении внимания. Во время консультации Боря не может сидеть на одном месте, встает, ходит по комнате, выходит за дверь. Пошел в туалет, вернулся со спущенными штанами и попросил бабушку его одеть. Бабушка говорит, что «он сам одеваться и раздеваться не любит, всегда просит бабушку помочь, его трудно заставить убрать за собой игрушки».

Случай 16. Василий (12 лет). Больничная тотальная гиперопека со стороны отца и матери.

Основные жалобы на то, что у Васи «нет волевого посыла, он должен быть решительным, а у него женское начало, он стремится заниматься легкими вещами, хочет, чтобы все его проблемы решали за него другие, абсолютно безынициативен, ничего не доводит до конца». Ему трудно сосредоточить внимание, чтобы выполнить самостоятельно любое задание. До недавнего времени мать каждый день садилась с ним делать уроки, «была его талисманом, он не мог начать сам». Учителя говорят, что он ленивый, поэтому плохо учится. «Не может сам разогреть себе обед, его трудно заставить убрать за собой посуду со стола или убрать в комнате».

Случай 17. Федор (15 лет). Больничная тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на несамостоятельность, невнимательность и рассеянность, трудности в сосредоточении внимания. «Если видит большой пример, то теряется, не знает с чего начать. Когда его в школе на уроках спрашивают, у него из головы все вылетает». Из-за трудностей в сосредоточении внимания плохо запоминает учебный материал. Федя учится плохо, до сих пор обращается за помощью к матери по поводу приготовления домашних заданий. «Вялый, апатичный, может часами ничего дома не делать». Подвержен влиянию других: взрослых и сверстников, «слабохарактерный». Безразличен к своему будущему.

Далее приведены случаи, демонстрирующие конкретные проявления основных черт типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и связанные с ними проблемы у детей разных возрастов, сформировавшиеся под влиянием любящей тотальной гиперопеки.

Случай 18. Егор (4 года). Любящая тотальная гиперопека со стороны бабушки.

Основные жалобы на неуправляемость поведения Егора: «без тормозов, ходит по стенам». Упрямый, агрессивный, стремится настоять на своем, при этом «закатывает истерики». Егор трудно сходится со сверстниками, а в играх с ними всегда хочет первенствовать. Когда приходят гости, «он тянет одеяло на себя, старается привлечь к себе внимание, чтобы все посмотрели на него». При укладывании спать требует, чтобы бабушка сидела рядом и держала его за руку.

Случай 19. Артем (8 лет). Любящая тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на неуправляемость поведения. От общения с Артемом уставали как воспитатели детского сада, так и учителя, так как «он ведет себя слишком подвижно, энергично и всем мешает». Дома Артем не может самостоятельно занять себя на длительное время: «постоянное дергание, то давай делать самолет, то давай играть в шахматы, то пойдём пить чай и т.д.». Родители от этого очень уставали, сын «забирал все силы, как вампирчик». Мать говорит, что «когда в 9 вечера я клала его спать, то только тогда чувствовала себя человеком». Артем не дает родителям общаться между собой и с другими взрослыми, требуя к себе внимания: «начинает лезть на руки, кричит, мычит». В общении со сверстниками старается навязать свое мнение, никогда не чувствует себя неправым, любит кривляться перед ними для того, чтобы привлечь к себе внимание.

Случай 20. Виктор (14 лет). Любящая тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на неуправляемость поведения: «он не сидит на одном месте, его постоянно нужно чем-то завлекать». Учителя называют Витю «вольный казак», он часто прогуливает школу. Очень упрямый, всегда настаивает на своем, «совсем нет ни страха, ни совести». «Это такой тип людей, не предрасположенный ни к какой работе, он использует меня, тянет из меня энергию, дома он даже вещь не поднимет с пола». Витя ворует у матери крупные суммы денег. Он считает себя очень красивым, поэтому тщательно следит за своей внешностью.

В заключение дадим примеры случаев, демонстрирующие конкретные проявления основных черт типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и связанные с ними проблемы у детей разных возрастов, сформировавшиеся под влиянием тревожной тотальной гиперопеки.

Случай 21. Михаил (6 лет). Тревожная тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на неуверенность в себе, робость и боязнь проявить инициативу. Так, например, «в Новогоднюю ночь перед приходом Деда Мороза Миша плакал из-за боязни забыть стишок, который должен был ему рассказать». У него мало друзей, он не проявляет инициативу в общении, «потому что считает, что с ним никто не будет дружить». В играх со сверстниками «всегда стоит в стороне, занимает позицию ведомого, делает то, что ему говорят». Боится оставаться в одиночестве. Часто испытывает страхи, особенно по ночам, говорит, что «боится монстров, скелетов, привидений, ему кажется, что кто-то шуришит, ходит, летает вокруг».

Случай 22. Валерий (10 лет). Тревожная тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на неуверенность в себе, робость, мнительность. Так, например, «на уроке физкультуры не играет в футбол, так как боится забить гол в свои ворота, боится заболеть аппендицитом, боится отвечать на уроках». Перед сном просит маму «помолиться за него, чтобы его завтра не спрашивали, чтобы ничего не болело». Валера «в школе ведет себя тише воды, ниже травы, дружит только с девочками, контактов с мальчиками нет, не способен на грубость, разговаривает со всеми мягко».

Случай 23. Анастасия (15 лет). Тревожная тотальная гиперопека со стороны матери.

Основные жалобы на робость, неуверенность в себе, мнительность, чувство неполноценности и страхи при публичных выступлениях в музыкальной школе, при ответе у доски, при общении с уверенными в себе людьми. Настя «чувствует смущение, когда на нее просто кто-нибудь смотрит, ей кажется, что за этим обязательно последуют критика в ее адрес, боится, что о ней плохо подумают, чувствует желание спрятаться ото всех, не привлекать к себе внимание, боится пройти на перемене по школьному коридору», где многие дети смогут на нее смотреть. Ей не нравится собственная внешность, поэтому она старается не общаться со сверстниками.

Случаи с локальной гиперопекой мы не представляем по той простой причине, что в них все вышперечисленные общие и конкретные личностные черты, свойственные гиперопекаемым детям, отличаются лишь более слабой выраженностью. Случаи с сильной гиперопекой мы также не представляем, так как в них личностные черты детей отличаются лишь тем, что, наоборот, проступают, как правило, сильнее, хотя на степень их выраженности не менее важное влияние оказывает длительность гиперопеки.

9.1.2. Особенности личности и проблемы детей в семьях с чистой сверхтребовательностью

В таблице 17 представлены сведения о распределении детей из семей с чистой сверхтребовательностью по подгруппам, с учетом их возраста и вида сверхтребовательности, влиянию которого они подвергались.

Таблица 17 - Распределение детей из семей с чистой сверхтребовательностью по подгруппам с учетом их возраста и вида сверхтребовательности, влиянию которого они подвергались

Виды сверхтребовательности	Общее количество	Количество детей в разных возрастных группах			
		3–6	7–11	12–15	16–17
Мягкая	24	1	9	14	0
Жесткая	15	1	7	6	1
Жестокая	7	1	2	3	1
Локальная	10	0	6	4	0
Тотальная	36	3	12	19	2
Умеренная	31	2	12	16	1
Сильная	15	1	6	7	1

Анализ этой группы случаев, проведенный на основании данных бесед, позволил также выявить две общие закономерности.

Во-первых, всех детей, подвергшихся влиянию сверхтребовательности, оказалось возможным отнести к трем личностным типам, которые мы обозначили как: *ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей (сокращенно — ориентированный на соответствие)*; *ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей (сокращенно — ориентированный на протест)*; и *амбивалентный*. В таблице 18 указана частота встречаемости этих типов (в % от общего числа) в зависимости от видов сверхтребовательности, влиянию которых они подвергались.

Как видно из таблицы 18, в нашей выборке явно доминировал тип личности, ориентированный на протест (55%). Тип личности, ориентированный на соответствие, наблюдался, по сравнению с ним, в 2,8 раза реже (19%), а амбивалентный тип занимал промежуточное положение (26%).

Таблица 18 - Частоты встречаемости трех типов личности у детей (в % от общего числа) в зависимости от видов сверхтребовательности, влиянию которых они подвергались

Виды сверхтребовательности	Тип личности, ориентированный		Амбивалентный тип личности
	на соответствие	на протест	
Мягкая	11	26	15
Жесткая	6	20	7
Жестокая	2	9	4
Локальная	4	13	4
Тотальная	15	42	22
Умеренная	15	36	17
Сильная	4	19	9
Общее количество	19	55	26

Из данной таблицы также видно, что эти три типа личности встречались при всех видах сверхтребовательности и, на первый взгляд, между видами сверхтребовательности и данными типами личности какие-либо закономерные связи отсутствуют. Однако более специальный анализ все-таки позволил нам выявить эти связи в виде тенденций. Для этого мы вычислили

отношение численности детей с типом личности, ориентированным на протест, к численности детей с типом личности, ориентированным на соответствие, для разных видов сверхтребовательности. Эти результаты представлены в таблице 19.

Как следует из таблицы 19, чем жестче и сильнее сверхтребовательность, тем с большей вероятностью она связана с формированием у ребенка типа личности, ориентированного на протест, а не на соответствие.

Таблица 19 - Отношение численности детей с типом личности, ориентированным на протест, к численности детей с типом личности, ориентированным на соответствие, для разных видов сверхтребовательности

Виды сверхтребовательности	Величины отношений
Мягкая	2,4
Жесткая	3,0
Жестокая	4,0
Умеренная	2,3
Сильная	4,5

В таблице 20 представлены четыре основные черты типа личности, ориентированного на соответствие и ориентированного на протест, которые противоположны друг-другу. Амбивалентному типу свойственно сочетание личностных черт этих двух типов. Данные черты, подобно чертам типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, могли проявляться в различных конкретных формах, прежде всего, в зависимости от возраста детей и видов сверхтребовательности, влиянию которых они подвергались. При этом чем более тотальной, сильной и длительной была сверхтребовательность, тем, как правило, более отчетливо проявлялись эти черты.

Во-вторых, так же, как и в случаях с чистой гиперопекой, проблемы детей, по поводу которых родители приходили в психологическую консультацию, были обусловлены той же самой непосредственной общей причиной, что и в предыдущей группе детей, — несоответствием требований

к ребенку со стороны ближайшего социального окружения его личностным возможностям для их исполнения.

Таблица 20 - Основные черты личности и наиболее распространенные конкретные их проявления, характерные для двух типов личности: ориентированного на соответствие и ориентированного на протест

Тип личности, ориентированный на соответствие		Тип личности, ориентированный на протест	
Черты личности	Конкретные проявления	Конкретные проявления	Черты личности
Чрезмерная ориентация на соответствие своего поведения условным ценностям других людей	Стремление производить хорошее впечатление, угождать другим людям; сильно расстраиваться, испытывать чувство вины, или неполноценности при неодобрении ими своего поведения	Стремление вести себя в соответствии со своими собственными интересами	Протест против чрезмерной ориентации на соответствие своего поведения условным ценностям других людей
Чрезмерная ориентация на социально желательные нормы поведения	Воспитанность, вежливость, аккуратность, дисциплинированность	Невоспитанность, невежливость, неаккуратность, недисциплинированность	Протест против чрезмерной ориентации на социально желательные нормы поведения
Чрезмерный контроль за выражением своих эмоций, желаний, темперамента	Скованность, зажатость, неестественность, стеснительность	Раскованность, раскрепощенность, естественность, развязность	Протест против чрезмерного контроля за выражением своих эмоций, желаний, темперамента
Чрезмерное послушание родителям	Почтительность, уважение, послушание	Непочтительность, неуважение, непослушание	Протест против чрезмерного послушания родителям

Демонстрация этих общих закономерностей будет проведена так же, как и в предыдущем параграфе, на материале конкретных случаев, с учетом специфики влияния на развитие личности и проблемы детей их возраста и различных видов сверхтребовательности.

Начнем с представления случаев, демонстрирующих конкретные проявления черт типа личности, ориентированного на соответствие, и

связанные с ними проблемы у детей разных возрастов, сформировавшиеся под влиянием различных видов сверхтребовательности.

Случай 24. *Екатерина (6 лет). Жесткая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

Мать жалуется на скованность, зажатость, заторможенность дочери. Ее удивляет, что дочь абсолютно безынициативна, «не высказывает никаких своих желаний». Во время беседы Катя очень зажата, на вопросы отвечает односложно, при этом часто смотрит на мать в поисках одобрения. Мать характеризует дочь как послушную, дисциплинированную и воспитанную: «Мой ребенок четко знает границы, что можно, а что нельзя делать. Когда я иду в гости, то знаю, что на стену она не полезет, орать не будет, знает, как ей можно себя вести».

Случай 25. *Олег (12 лет). Мягкая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

Основные жалобы на то, что сына «затравили в школе», его «дразнят, стараются унижить, провоцируют на драку, а он не может дать отпор». Олег считает, что «лучше не ввязываться в драку», потому что, как выяснилось, мать ему еще в I классе внушила, что «драться нехорошо». С точки зрения матери, Олег очень послушный и дисциплинированный. На уроках работает, а на переменах ведет себя прилично и спокойно: не бегает, не шумит, не толкается. К нарушениям правил поведения своими сверстниками относится негативно, как взрослый: «на них смотришь, как на обезьян, туда-сюда бегают, прыгают — с ума можно сойти, играют в портфель ногами — сплошное издевательство».

Случай 26. *Лариса (15 лет). Жесткая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны отца и мягкая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

Лариса «всегда хорошо училась, до 7 класса была отличницей, примерной и послушной девочкой». За это ее уважали как учителя, так и одноклассники. Затем их класс расформировали, и в результате она оказалась в новом окружении, среди более способных и успевающих учеников, где утратила былые позиции лучшей ученицы. Лариса стала очень переживать по этому поводу, испытывать чувство неполноценности. Она говорит: «Мне стыдно, что обо мне судят по моим оценкам, меня обижает, что на меня смотрят как на непонятливую, получается, что все остальные лучше меня, а я к этому не привыкла». Проблема состоит в том, что она потеряла интерес к учебе и начала прогуливать уроки.

Далее приводятся примеры случаев, в которых у детей разных возрастов под влиянием различных видов сверхтребовательности сформировались черты типа личности, ориентированного на протест, а также связанные с ними проблемы.

Случай 27. *Петр (12 лет). Жесткая умеренная локальная сверхтребовательность со стороны матери и бабушки.*

Основные жалобы на то, что Петр «не хочет учиться, не хочет делать уроки, убирать за собой, не слушается, все, что ему говорят, воспринимает в штыки». Его основные увлечения — это «смотреть телевизор и гулять». Часто прогуливает уроки и приходит домой поздно. Начал курить, ворует сигареты у родителей. Учителя также говорят, что «он их не слушается, мешает проводить уроки, ведет себя вызывающе, насмехается, дерзит, распущенный». На замечания родителей по поводу того, почему он их не слушает, отвечает: «Я так хочу».

Случай 28. *Роман (15 лет). Мягкая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери и жесткая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны бабушки.*

Основные жалобы на то, что Рома «не слушает мать, обижает бабушку и сестру, стал агрессором в доме, никто не в силах с ним справиться, забросил школу, прогуливает занятия», стремится делать «все не по правилам», например: «стал демонстративно неряшлив». Учителя также часто жалуются на его недисциплинированность и грубость. Он много времени проводит вне дома в компании друзей, начал курить. Основными увлечениями стали «мотоцикл и дискотеки». Сам Рома сообщает о себе, что не любит подчиняться, не выносит давления: «В семье меня не понимают, не доверяют, считают ребенком, а я хочу быть не на последнем месте». Он неоднократно при ссорах говорил матери, чтобы она отдала его в детский дом.

Случай 29. *Надежда (17 лет). Мягкая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны матери и жесткая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны отца.*

Основные жалобы на то, что Надежда «воплотила в себе все самое гадкое, делает только то, что сама считает нужным, стала грубой и циничной, прогуливает учебу, не помогает по дому», ее неоднократно приходилось «вытаскивать из разных историй». Она постоянно просит у родителей деньги, чтобы уйти на ночные дискотеки, которые ей хочется посещать ежедневно, несколько раз не приходила ночевать домой. В ответ

на попытки родителей повлиять на дочь она говорит: «Я хочу так жить, мне так нравится. Я не хочу жить, как вы».

В завершение представлены примеры случаев, демонстрирующие формирующийся у детей под влиянием сверхтребовательности амбивалентный тип личности, у которого одновременно наблюдаются черты типа личности, ориентированного на соответствие и на протест.

Случай 30. *Георгий (7 лет). Мягкая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

До недавнего времени Георгий был в целом «популярным ребенком, очень привязанным к родителям» и зависимым от их мнений и оценок, «с ним не было особых проблем». Однако в последнее время у него начали развиваться такие черты, как своеволие, эгоизм и упрямство. Он стал часто спорить с родителями, протестовать, говорить «не хочу, хочу одеть это, пойти туда-то», при этом устраивать истерики, пытаясь добиться своего. Во время этих истерик он ломает и бросает игрушки, топчет их ногами, бьет родителей, однажды разрезал ножницами брюки отца.

Случай 31. *Денис (12 лет). Мягкая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

Основные жалобы на то, что Денис «не хочет учиться, в течение трех лет общается с плохой компанией, был замечен в воровстве в школе, дома несколько раз пропадали деньги и коллекционные монеты отца», совершил несколько хулиганских поступков: «проколол колесо у стоящей во дворе машины, порезал дверь чужой квартиры». Вместе с тем мать характеризует его как «спокойного, послушного, стеснительного и ранимого», на уроках он не любит отвечать, так как «не уверен в себе и не любит себя показывать». Он очень зависим от мнений и оценок матери, которая «все время старалась видеть в нем плохое». В результате у Дениса сформировалось стойкое чувство неполноценности. Он часто говорит матери: «У меня ничего не получится. Я ничего не умею, я же дурак».

Случай 32. *Артур (16 лет). Мягкая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери и жестокая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны отца.*

Основные жалобы на то, что Артур «не хочет учиться, хочет свободы, хочет делать все, что хочется, стремится выглядеть крутым, иметь то, чего нет у друзей», несколько раз воровал у родителей деньги и золото, неоднократно на несколько дней убежал из дома. Однажды он «взломал запертую дверь в комнату родителей, забрал все деньги и несколько дней жил в гостинице». Вместе с тем, дома в присутствии родителей он ведет себя,

как правило, спокойно и послушно. Как говорит мать: «Он никогда ничего не просит, никогда не огрызается, но никогда и не знаешь, что от него ожидать». Мать также отмечает, что Артур очень зависим от мнений и оценок взрослых и друзей.

9.1.3. Особенности личности и проблемы детей в семьях со смешанными стилями родительского воспитания

В таблице 21 представлены сведения о распределении детей из семей со смешанными стилями родительского воспитания по подгруппам, с учетом их возраста и вида сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, влиянию которого они подвергались.

Таблица 21 - Распределение детей из семей со смешанными стилями родительского воспитания по подгруппам с учетом их возраста и вида сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, влиянию которого они подвергались

Виды сочетания гиперопеки и сверхтребовательности	Общее количество	Количество детей в разных возрастных группах			
		3–6	7–11	12–15	16–17
Последовательное	14	0	9	5	0
Одновременное	21	1	14	6	0

В данной группе случаев так же, как и двух предыдущих, наблюдались аналогичные две общие закономерности.

Во-первых, у всех детей, воспитывавшихся в условиях смешанного стиля родительского воспитания, обнаружилось основные черты и конкретные их проявления, свойственные одновременно двум уже известным типам личности: ориентированному на внешнюю помощь и, как правило, ориентированному на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Сочетание типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, и ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей встречалось крайне редко, всего в трех случаях.

Во-вторых, проблемы детей, являющиеся предметом беспокойства, прежде всего, их родителей, так же как у детей предыдущих обеих групп, были

обусловлены несоответствием требований к ребенку со стороны ближайшего социального окружения его личностным возможностям для их исполнения. Однако поскольку у данной группы детей наблюдался более обширный, по сравнению с другими группами, список неблагоприятных личностных черт, то их проблемы были зачастую более серьезными и вызывали большую озабоченность у родителей.

Эти общие закономерности мы, как и ранее, продемонстрируем на материале конкретных случаев, с учетом специфики влияния на развитие личности детей последовательного и одновременного сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, а также их возраста.

Ниже представлены три случая с последовательным сочетанием гиперопеки и сверхтребовательности.

Случай 33. *Ольга (8 лет). Больничная умеренная тотальная гиперопека со стороны матери, сменившаяся к семи годам с ее же стороны на мягкую умеренную тотальную сверхтребовательность.*

Основные жалобы на невнимательность, несобранность, неусидчивость, отвлекаемость, что очень раздражает мать и учителей. Не может самостоятельно делать уроки. Кроме того, мать беспокоит, что «в детстве она была послушная, а теперь все наоборот: не слушается, грубит, стала упрямой, капризной, обидчивой, может маму толкнуть», часто говорит маме: «Какая ты хитрая, хочешь, чтобы все было по-твоему». «Не хочет учиться — ей нужно три часа, чтобы собраться и начать делать уроки», при этом «она использует разные способы увиливания: что-то начинает рассказывать, идет кушать». Стремится «побольше гулять и играть».

Случай 34. *Владимир (11 лет). Сильная тотальная гиперопека со стороны бабушки, сменившаяся к девяти годам жесткой сильной локальной сверхтребовательностью со стороны отца и матери.*

Основные жалобы на невнимательность, неусидчивость, рассеянность, отсутствие силы воли, лень, безответственность, избегание трудностей, плохую успеваемость в школе. Учителя также говорят о том, что «он неуправляемый, разболтанный, не может сконцентрироваться». Домашние задания Вова стремится делать только в присутствии родителей, так как «сам ленится делать, он привык и ждет, когда ему разжуют и положат в рот». Кроме того, родители отмечают, что в последнее время

«он стал более строптивым, дерзит, упрямится, всегда считает, что только он прав». В ответ на попытки родителей заставить его сделать самостоятельно домашние задания Вова часто «рвет черновики, разрисовывает тетради, прокалывает их ручкой». Начал обманывать родителей, например: «он несколько раз исправлял в дневнике оценки, говорил, что его хвалят учителя». Так же неоднократно был замечен родителями в воровстве: «он может украсть что-то, а дома сказать, что нашел или подарили».

Случай 35. *Наталья (14 лет). Умеренная тотальная гиперопека со стороны бабушки, сменившаяся к тринадцати годам с ее же стороны на мягкую умеренную тотальную сверхтребовательность.*

Основные жалобы на низкую успеваемость в школе, невнимательность, безответственность и лень. Наташа сама признает, что «я очень ленивая, валяюсь в кресле и не могу себя заставить что-то делать, всегда знаю, что если кто-то может сделать за меня, то не буду делать сама». Кроме того, бабушка считает, что у нее в последнее время появилось «чувство противоречия против общепринятого, она упорно все делает наоборот, не поддается нужному и полезному влиянию, совсем ничего не хочет слушать, стала импульсивной, кричит, хлопает дверьми, закрывается в ванной или на балконе, уже пробовала курить». Наташе не нравится, что ее «опекают, контролируют, считают ребенком». Из-за этого часто случаются ссоры, после которых у нее «возникает желание уйти от них».

Далее представлены три случая с одновременным сочетанием гиперопеки и сверхтребовательности.

Случай 36. *Григорий (6 лет). Любящая умеренная тотальная гиперопека со стороны отца и мягкая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.*

Основные жалобы на то, что Гриша «неуправляемый, непоседливый, очень подвижный, всегда бежит; когда ест, его голова крутится на 360 градусов». Он очень привязан к родителям, особенно к отцу, «все время требует, чтобы с ним занимались: раскрашивали, строили дом и т.д.». Вдобавок, он непослушный, упрямый и своевольный: «ему надо 150 раз сказать, чтобы он подошел», постоянно употребляет фразы «я хочу, я не хочу». Также отмечается негативизм: «ему говорят нельзя, а его все равно тянет к запрещенному». Мать очень устает от общения с ним, говорит: «24 часа в сутки, 7 дней в неделю испытываю постоянное напряжение, не могу расслабиться, даже меня иногда трясет от него».

Случай 37. Дмитрий (10 лет). Больничная сильная тотальная гиперопека со стороны бабушки и жесткая умеренная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.

Основные жалобы на то, что Дима «не хочет учиться, не желает прикладывать усилия»: он неусидчив, неорганизован, невнимателен, учителя жалуются на то, что Дима постоянно отвлекается и вертится во время уроков, «у него нет тяги к знаниям, на уроке смотрит в окно, его трудно сконцентрировать». Домашние задания Дима не может делать самостоятельно, «целый день болтается из комнаты в комнату, телевизор смотрит, в носу ковыряет, в школу может прийти с невыполненным заданием». Мать также отмечает, что сыну «все равно, в каком он виде: если ему не скажешь одеться, умыться, причесаться, он этого не сделает и в школу пойдет неумытый». Когда мать пытается заставить Диму сделать что-либо, он «устраивает истерики, кричит, плачет». В ответ на уговоры бабушки покушать, умыться, приступить к выполнению домашнего задания и т.п., упрямится, отказывается делать это, говорит: «Я не хочу, не буду».

Случай 38. Дарья (15 лет). Любящая умеренная гиперопека со стороны отца и жесткая сильная тотальная сверхтребовательность со стороны матери.

Основные жалобы на неуправляемое поведение, эгоизм, упорство в реализации своих желаний. В восьмом классе за плохое поведение и успеваемость ее перевели в класс коррекции. Вдобавок она «начала выпивать, возможно, уже пробовала наркотики, ее с подругой видели в машине с незнакомыми взрослыми мужчинами». Незадолго до обращения в консультацию Даша на 8 дней убежала из дома к подруге и познакомилась там с шестнадцатилетним парнем. Вернувшись, представила его родителям, заявив, что «они любят друг друга, и теперь он будет жить с ней в ее комнате». Родители были против, но дочь настояла на своем, в чем ей помог отец. В ответ на упреки матери Даша огрызается, устраивает скандалы и истерики, грозит уйти из дома.

9.2. Результаты тестирования детей

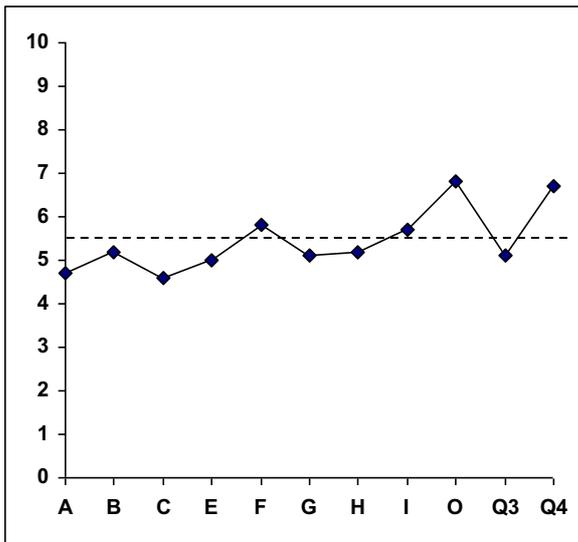
В таблице 22 и на рис. 10 представлены по стандартной форме (Мельников, Ямпольский, 1985) усредненные результаты теста Р. Кеттела по всей выборке и отдельно по трем группам детей: из семей с чистой гиперопекой, чистой сверхтребовательностью и сочетанием гиперопеки и

сверхтребовательности. Эти результаты приводятся не по всем шкалам, а только по тем, которые являются общими для двух вариантов использованных нами опросников.

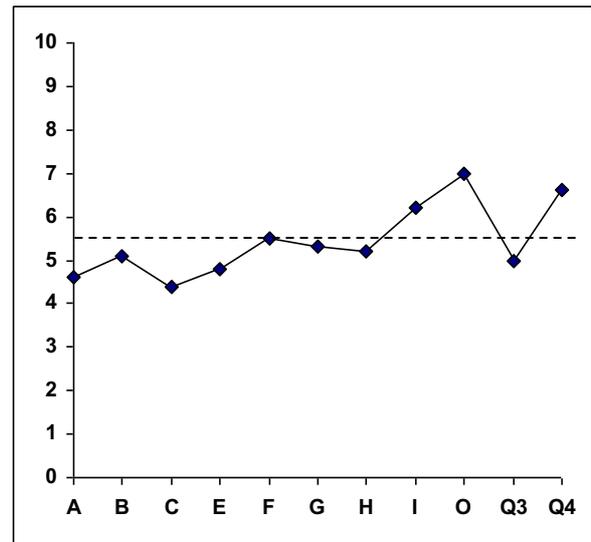
Таблица 22 - Усредненные результаты отдельных шкал теста Р. Кеттела по всей выборке и отдельно по трем группам детей из семей с чистой гиперопекой, чистой сверхтребовательностью и сочетанием гиперопеки и сверхтребовательности

	Шкалы опросника Р. Кеттела										
	А	В	С	Е	Ф	Г	Н	І	О	Q3	Q4
Гиперопека (N = 39)	4,6	5,1	4,4	4,8	5,5	5,3	5,2	6,2	7,0	5,0	6,6
Сверхтреб. (N = 19)	4,7	5,2	4,5	5,2	6,6	4,5	5,2	5,1	6,6	5,2	7,1
Сочетание (N = 17)	4,8	5,6	5,0	5,1	5,7	5,2	5,2	5,4	6,6	5,1	6,4
Общие (N = 75)	4,7	5,2	4,6	5,0	5,8	5,1	5,2	5,7	6,8	5,1	6,7

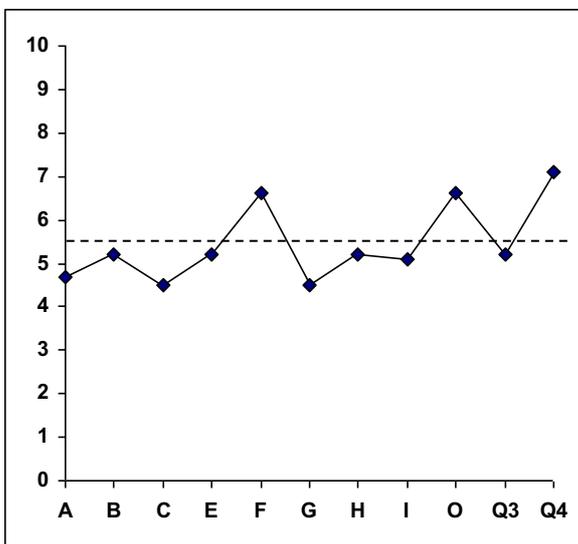
На рис. 10 а, где представлен профиль результатов этого теста по всей выборке детей, можно выделить два наибольших пика по шкалам О и Q4. Несмотря на относительно небольшие их значения по абсолютной величине, эти два пика все-таки следует рассматривать как надежные и устойчивые показатели, отражающие специфику нашей выборки, поскольку они также отчетливо выражены и во всех других профилях, построенных по результатам каждой группы детей в отдельности (рис. 10 б,в,г). Эти показатели свидетельствует о повышенной тревожности, гипотимии, напряженности детей, что может быть обусловлено фрустрацией каких-то побуждений (Мельников, Ямпольский, 1985; Архангельская, Гильяшева, 1995).

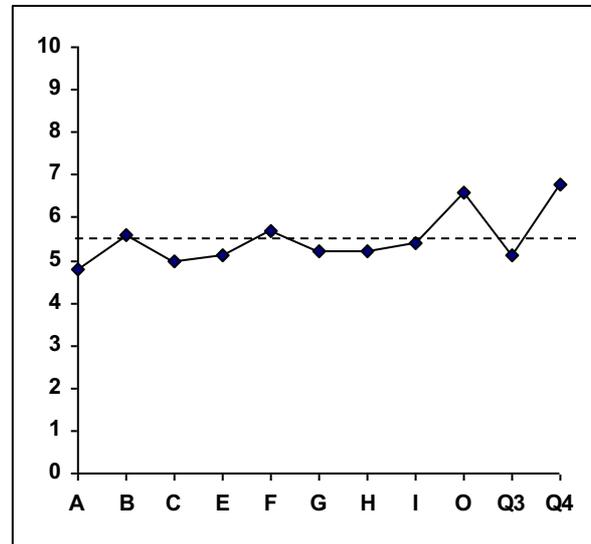
а

б

в

г

Рисунок 10. Результаты отдельных шкал теста Р. Кеттела: а) по всей выборке детей (N = 75); б) по детям из семей с чистой гиперактивностью (N = 39); в) по детям из семей с чистой сверхтребовательностью (N = 19); г) по детям из семей с сочетанием гиперактивности и сверхтребовательности (N = 17)

Для выявления содержания этих фрустрированных побуждений рассмотрим результаты теста М. Люшера, представленные на рис. 11 по стандартной форме (Люшер, 1997; Собчик, 1990, 1998) по трем группам детей: из семей с чистой гиперактивностью, чистой сверхтребовательностью и сочетанием гиперактивности и сверхтребовательности.

к ее повышению посредством поиска признания со стороны окружающих (+2+4, +2-6, +4-6) (Люшер, 1997; Собчик, 1990, 1998).

В семьях детей со смешанным стилем родительского воспитания (рис. 11 в) основная проблема заключается в неудовлетворенности детей существующими межличностными отношениями, которые воспринимаются ими как неподдающиеся изменению (-7-1*). Она является источником большего беспокойства, по сравнению с проблемами детей из двух предшествующих групп, о чем свидетельствуют символы А, !!!, С и *. Дети очень остро и болезненно реагируют на то, что их не любят и не понимают (+4-1**, +5-1*). На этой почве у них возникает сильное стремление к независимости с тем, чтобы разорвать существующие отношения (-7-1*) и обрести свободу от всякого рода ограничений (+4-7, +5-7), а также близость, любовь и понимание в новом окружении (+4-1**, +5-1*) (Люшер, 1997; Собчик, 1990, 1998).

Таким образом, данные, полученные с помощью беседы, согласуются с результатами тестирования.

9.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа особенностей личности детей

Результаты исследования гиперопекаемых детей свидетельствуют о том, что гиперопека, в которой проявляется односторонность воспитательной ценностной позиции родителей по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи—самостоятельности*, способствует формированию у них типа личности, ориентированного на внешнюю помощь. Из описания этого личностного типа следует, что гиперопекаемым детям свойственна односторонняя ценностная позиция их личности по отношению к той же самой дихотомии, заключающаяся в том, что они считают для себя более важным и значимым ориентироваться при решении многих жизненных задач на внешнюю помощь, а не на проявление самостоятельности, вследствие чего у них наблюдается задержка в развитии саморегуляции и обусловленные данной задержкой проблемы.

Результаты исследования детей сверхтребовательных родителей показывают, что занимаемая родителями односторонняя воспитательная ценностная позиция по отношению к трем экзистенциальным дихотомиям: *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*, — в 19% случаев приводит к формированию у их детей типа личности, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей. Как следует из описания черт этого личностного типа, у детей формируется односторонняя ценностная позиция по отношению к тем же самым трем экзистенциальным дихотомиям, состоящая в том, что дети считают для себя очень важным и значимым руководствоваться в своей жизни условными ценностями других людей и нормами социально желательного поведения.

Формирование у детей данного типа личности, с одной стороны, безусловно, способствует их социализации, поскольку свойственные ему такие личностные черты, как ориентация на соответствие своего поведения условным ценностям других людей и ориентация на социально желательные нормы поведения, являются очень важными для приспособления детей к жизни в обществе. С другой же стороны, эти просоциальные черты, будучи чрезмерно выраженными, препятствуют естественным способам проявления эмоций, влечений и темперамента детей, свойственным их биологической природе, о чем свидетельствует их чрезмерная скованность, зажатость, неестественность и стеснительность. Из-за этих негативных последствий дети могут испытывать трудности в общении с другими людьми и в установлении с ними близких отношений, о чем также свидетельствуют данные бесед результаты теста М. Люшера. Кроме того, чрезмерное следование детей условным ценностям, которые навязываются им другими людьми, как это показано в работах К. Роджерса и В. Франкла, является препятствием, соответственно, для их самоактуализации и самоопределения.

В 55% случаев занимаемая сверхтребовательными родителями в воспитании своих детей односторонняя ценностная позиция по отношению к трем вышеуказанным дихотомиям приводит к противоположному эффекту. У

детей формируется тип личности, ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей, ценностная позиция которого является также односторонней по отношению к этим дихотомиям, но наоборот. Детям с данным типом личности свойственно, напротив, асоциальное поведение, противоположное социально желательным нормам, и стремление жить так, как они сами считают нужным в соответствии со своими интересами и в большем согласии со своей биологической природой, что проявляется в их раскованности, раскрепощенности, естественности и развязности. Этот протест следует рассматривать как аффективную, иррациональную реакцию детей на их гиперсоциализацию и чрезмерное вмешательство в их жизнь родителей.

С точки зрения перспектив дальнейшего развития интегративного подхода, из всех выявленных нами типов личности детей наибольший интерес представляет тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей. Этот интерес обусловлен тем, что, с нашей точки зрения, его можно рассматривать и описывать одновременно с разных теоретических позиций, при этом каждый раз находя в нем те реальные стороны личности, о которых идет речь в той или иной теории. Для иллюстрации этой особенности данного личностного типа мы рассмотрим его с точки зрения всех тех авторов направлений психологии и психотерапии, которые были представлены в первой части нашей работы.

Поскольку, как уже указывалось, ценностная позиция данного типа личности является односторонней по отношению к экзистенциальным дихотомиям *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*, которые являются ключевыми для теорий, соответственно, З. Фрейда, К. Роджерса и В. Франкла, то она является также и непродуктивной по Э. Фромму ввиду того, что она не соответствует противоречивой заданности человеческой жизни.

Учитывая то, что сверхтребовательность способствует формированию у детей двух противоположных личностных типов, этот факт можно рассмотреть с позиции теории К. Юнга и сделать вывод о том, что типу

личности, ориентированному на соответствие своего поведения требованиям других людей, свойственна чрезмерная односторонность ценностной позиции также и по отношению к ключевой для его теории дихотомии *противоположностей*, результатом которой, согласно его теории, может являться формирование типа личности с противоположной ценностной позицией как компенсаторная реакция на эту чрезмерную односторонность.

Согласно теории А. Адлера, у детей, живущих в подобных гиперопеке условиях изнеженности и избалованности, или в подобных сверхтребовательности условиях давления и насилия, формируется завышенное чувство неполноценности, которое является источником их завышенного компенсаторного стремления к достижению превосходства по сравнению с другими людьми. На этом основании, вслед за А. Адлером, можно предположить о наличии у детей с типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей, односторонней ценностной позиции по отношению к ключевой для его теории экзистенциальной дихотомии *превосходства—общности*. Это предположение подтверждается заниженной самооценкой как у гиперопекаемых детей, так и у детей сверхтребовательных родителей, выявленной с помощью теста М. Люшера.

Таким образом, поскольку тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, являющийся, как указывалось ранее, предпосылкой возникновения проблем детей, допускает возможность его одновременного рассмотрения с теоретических позиций Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла, то его можно рассматривать как наиболее распространенный тип личности среди клиентов различных направлений психотерапии, с которым в разное время сталкивались и работали все эти авторы и который поэтому мог быть использован ими в качестве единого прототипа для разработки своих психотерапевтических теорий.

Столь широкую известность и распространенность данного типа личности среди клиентов различных направлений психотерапии можно

объяснить тем, что ориентация на соответствие своего поведения требованиям других людей является общественно полезной личностной предпосылкой, способствующей социальной адаптации человека к совместной жизни с другими людьми. Поэтому общество заинтересовано в формировании у каждого своего члена такой личностной ориентации. Однако, как показывают результаты наших исследований, эта важная для существования и функционирования общества просоциальная личностная ориентация при ее чрезмерной выраженности содержит в себе негативное последствие в виде предпосылки возникновения у детей проблем.

С нашей точки зрения, изложенные в этой и предыдущей главе результаты свидетельствуют о подтверждении второй гипотезы о возможности успешного использования стратегии интегративного подхода для выявления типичных личностных предпосылок детско-родительских проблем клиентов, обращающихся за помощью в психологическую консультацию в настоящее время, что иллюстрируется с помощью блок-схемы, представленной на рис. 12.

На этой блок-схеме показано, что одним из важнейших факторов, влияющих на возникновение детско-родительских проблем в семьях клиентов психологической консультации, является односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, проявляющаяся в используемых ими стилях воспитания своих детей (видах гиперопеки или сверхтребовательности).

Эти стили воспитания способствуют формированию у детей односторонних по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям типов личности (ориентированного на внешнюю помощь, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей или ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей). Дети с данными типами личности, сталкиваясь с требованиями со стороны своего ближайшего социального окружения (родителей, учителей, других людей), не соответствующими их личностным возможностям, начинают испытывать проблемы. Поскольку эти проблемы

связаны с трудностями приспособления детей к требованиям социального окружения, их можно отнести к категории проблем социальной адаптации.

Возникшие у детей проблемы социальной адаптации, в свою очередь, начинают беспокоить их родителей, и они обращаются в консультацию за помощью в решении этих уже совместных проблем. После того, как детско-родительские проблемы возникли, они могут развиваться, что на этом рисунке отражено в блоке под названием «Развитие детско-родительских проблем».

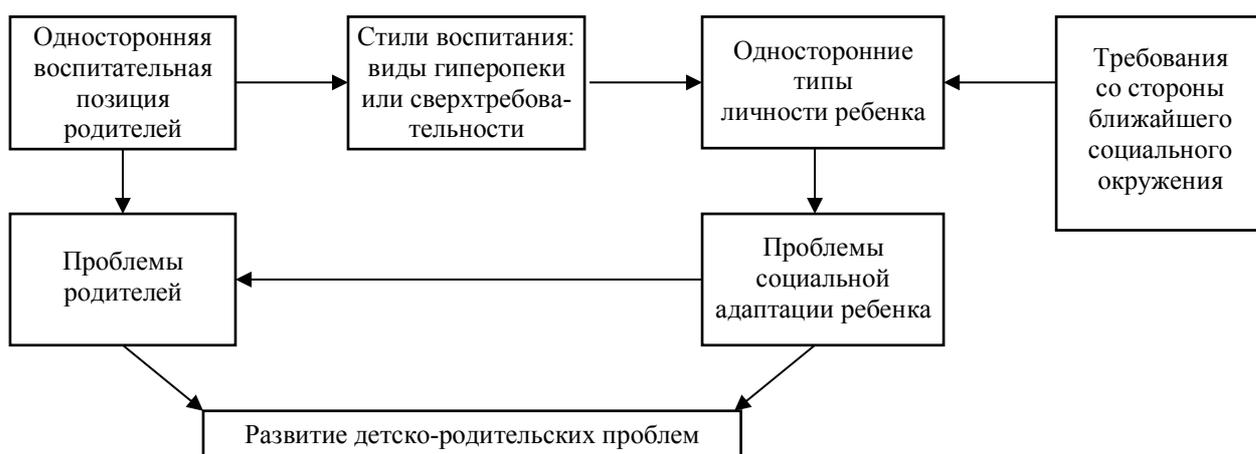

Рисунок 12. Блок-схема, иллюстрирующая возможность использования интегративного подхода для описания типичных личностных особенностей клиентов психологической консультации, способствующих возникновению детско-родительских проблем

Процесс развития детско-родительских проблем в каждом случае является достаточно уникальным, поэтому описать его можно лишь в самом общем виде. Возникновение у детей проблем зачастую приводит к тому, что сами дети и/или окружающие их люди начинают занимать какую-то позицию по отношению к ним и как-то реагировать на них, что может приводить к возникновению новых проблем или обострению уже имеющихся. В свою очередь, появившиеся новые или более острые проблемы также могут оказать влияние на изменение позиций детей и/или окружающих по отношению к ним и их реакций на них и, как следствие, вызвать появление следующего круга проблем и т.д.

9.4. Выводы

Результаты исследования влияния используемых в семьях клиентов психологической консультации стилей родительского воспитания, на развитие личности детей и возникновение детско-родительских проблем позволяют сделать следующие выводы.

1. Стиль воспитания «гиперопека» способствует формированию у детей, типа личности, ориентированного на внешнюю помощь, которому свойственна односторонняя ценностная позиция по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи—самостоятельности*, заключающаяся в преимущественной ориентации детей в решении жизненных задач на внешнюю помощь, а не на проявление самостоятельности.

2. Стиль воспитания «сверхтребовательность» способствует формированию у детей трех типов личности: 1) ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей; 2) ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей и 3) амбивалентного, который представляет собой сочетание первых двух. Всем этим типам присуща односторонняя ценностная позиция по отношению к трем экзистенциальным дихотомиям: *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*. Для типа личности, ориентированного на соответствие своего поведения требованиям других людей, эта односторонность заключается в том, что дети считают для себя очень важным и значимым руководствоваться в своей жизни условными ценностями других людей и нормами социально желательного поведения, что препятствует врожденным, естественным способам проявления биологической природы человека, а также самоактуализации и самоопределению. Напротив, дети с противоположным типом личности, ориентированным на протест против такого соответствия, считают для себя более важным и значимым асоциальное поведение, отрицающее условные ценности, навязываемые им другими людьми, и стремление жить так, как они сами считают нужным, в соответствии со своими интересами и в большем согласии со своей биологической природой.

3. Выявленная с помощью теста М. Люшера низкая самооценка у гиперопекаемых детей и у детей сверхтребовательных родителей может

свидетельствовать о завышенном чувстве неполноценности, возникающем, согласно наблюдениям А. Адлера, именно у детей, живущих в подобных гиперопеке условиях изнеженности и избалованности или в подобных сверхтребовательности условиях давления и насилия, которое является источником их завышенного компенсаторного стремления к достижению превосходства по сравнению с другими людьми. Эти результаты могут косвенно свидетельствовать о наличии у этих детей односторонней ценностной направленности по отношению к еще одной классической экзистенциальной дихотомии *превосходства—общности*, содержащейся в работах А. Адлера.

4. Полученные результаты свидетельствуют о подтверждении второй гипотезы о возможности успешного использования стратегии интегративного подхода для выявления типичных личностных особенностей клиентов психологической консультации, способствующих возникновению детско-родительских проблем. Установлено, что важнейшим фактором, влияющим на возникновение этих проблем, является односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, которая, проявляясь в используемых ими стилях воспитания, способствует формированию у детей типов личности с односторонними ценностными позициями по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям. Эти типы личности содержат в себе предпосылки возникновения у детей проблем социальной адаптации.

5. Показано, что тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, являющийся предпосылкой возникновения у детей проблем социальной адаптации, допускает возможность его одновременного рассмотрения с теоретических позиций Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. На этом основании можно предположить, что данный тип личности является наиболее распространенным среди клиентов психотерапии, с которым в разное время сталкивались и работали все эти авторы и который поэтому мог быть использован ими в качестве единого прототипа для разработки своих психотерапевтических теорий.

Глава 10. Стили родительского воспитания в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, и их влияние на развитие личности детей¹⁸

На основе анализа магнитофонных записей и протоколов бесед выявлено 4 группы семей, различающихся по используемым родителями по отношению к своим детям стилям воспитания, которые были обозначены следующим образом:

1. Семьи, в которых использовался сбалансированный стиль воспитания.

2. Семьи, в которых использовались гиперопека или сверхтребовательность.

3. Семьи, в которых использовался недостаточно сбалансированный стиль воспитания.

4. Семьи, в которых в настоящее время используется сбалансированный стиль воспитания, но ранее была гиперопека или сверхтребовательность.

Рассмотрим каждую из этих групп более подробно.

10.1. Семьи, в которых использовался сбалансированный стиль воспитания

Эта группа оказалась самой многочисленной, в нее вошли 20 семей (53% от общего их числа), в которых был 31 ребенок (17 мужского пола и 14 женского). Распределение детей по различным возрастным периодам представлено в таблице 23.

Таблица 23 - Распределение детей из семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, по возрастным периодам

Возрастные периоды	До 3 лет	3–6 лет	7–11 лет	12–15 лет	16–17 лет	18–25 лет
Количество человек	3	2	13	8	1	4

---

¹⁸ Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей // Национальный психологический журнал. 2015. № 4. С. 119- 129.

В этих семьях сбалансированный стиль воспитания встречался у всех без исключения матерей и у 8 отцов. В 3 семьях дети воспитывались без отца, в остальных 9 семьях влияние отцов на детей, по словам матерей, было незначительным, поскольку они были очень заняты по работе.

10.1.1. Характеристика сбалансированного стиля воспитания

Описание сбалансированного стиля мы вначале сделаем на основе данных бесед с членами семей в сравнении с гиперопекой и сверхтребовательностью, указав на самые существенные черты их сходства и различия.

Самое главное отличие этого стиля от гиперопеки и сверхтребовательности состоит в том, что в нем вмешательство родителей в жизнь детей не является чрезмерным. Хотя в сбалансированном стиле присутствует и помощь детям в решении различного рода жизненных задач, и требовательность к соблюдению ими определенных социальных норм и правил, но эту помощь и требовательность родители сочетают с развитием у детей самостоятельности. Важно подчеркнуть, что такая воспитательная позиция вырабатывается самими родителями целенаправленно, осознанно и на рациональной основе, исходя из понимания того, что самостоятельность это одно из важнейших качеств взрослого полноценно развитого человека. Поэтому они целенаправленно и осознанно приучают своих детей к выполнению без их помощи самых разных видов деятельности: сложить игрушки, одеться, выполнить гигиенические процедуры, приготовить еду, убратся в квартире, сделать уроки, собраться в школу, сходить в магазин и др., а также предоставляют им определенную свободу в реализации в их жизни собственных инициатив в соответствии с их собственными интересами. При этом родители стараются, по возможности, воздерживаться от навязывания детям своих требований в иррационально-директивной форме, напротив, они стремятся объяснять им целесообразность своих требований, почему и для чего их следует выполнять, апеллируя к их собственному опыту и разуму. Тем

самым, на наш взгляд, они приучают детей к тому, чтобы их поступки были осмысленными, имели рациональное обоснование.

Все эти особенности сбалансированного стиля родительского воспитания демонстрируются на примере двух случаев с детьми разных возрастов.

Случай 39. *Семья состоит из трех человек: матери, отца и сына Богдана (8 лет). Воспитанием сына занимаются оба родителя.*

Богдан родился слабеньким, поэтому с детства родители старались развивать его физически и закалять. Отец считает, что «если к ребенку относиться, как к неполноценному, то он таким и останется», поэтому «вместо того, чтобы нюни распускать, надо работать над собой». Ему удалось привить сыну любовь к спорту. Зимой с 5 лет они вместе ходят на лыжах, летом обливаются холодной водой. Каждое лето отправляются на неделю в поход, «а там уже не спрячешься за мамину юбку — надо быть мужчиной». Как отмечает отец с тех пор, как они стали ходить в походы, Богдан очень повзрослел, стал более самостоятельным и ответственным. На него и раньше можно было положиться, но сейчас он стал более серьезным, «способным отвечать за свои поступки, понимающим, к чему это может привести; стал сильнее духом; на него можно положиться в любой ситуации; он не обманет, а если пообещал, то выполнит».

Учится Богдан с удовольствием на 4 и 5, домашние задания выполняет сам. Если что-то совсем не получается, то мать старается не подсказывать, а объяснить принцип выполнения задания. С середины первого класса родители практически не проверяют уроки. Сразу после поступления сына в школу отец сказал ему, что «школа — это твоя работа; как ты учишься и общаешься с классом, говорит о том, какой ты человек», «в принципе, мне все равно, на какие отметки ты учишься, потому что ты учишься не для родителей, а для себя». По словам родителей, это помогло определенным образом: Богдан не боится им сообщать о плохих отметках, но, с другой стороны, «понимает, что в плохой отметке виноват только он сам», поэтому тут же старается исправить ее. В конце каждой четверти родители поощряют успехи сына: на каникулах водят в кино, цирк, а в зависимости от количества итоговых пятерок поощряют деньгами.

Отец считает, что сыну нельзя что-то навязывать. «Если на чем-то настаивать, то Богдан, в конце концов, сделает, но это будет из-под палки, а родительская тонкость заключается в том, чтобы заинтересовать ребенка». Мать придерживается такого же мнения: «Что толку

настаивать на чем-то, ведь если надо, ребенок и обманом своего добьется; пусть хотя бы понимает, что родителям доверять можно, плохого не посоветуют, а так, кто из нас не ошибался». Отец предпочитает воспитывать сына на его собственном опыте: «Если Богдан с чем-то не согласен, я ему говорю: “Поступай, как знаешь, но с тобой может случиться то-то и то-то”; он головой кивнет, но сделает по-своему, ну и получится так, как я предупреждал. Жалко его, конечно, ведь мог бы избежать, но пусть сам идет по жизни, я могу только посоветовать, а так, это его дело». Например, когда Богдан разводил костер в походе, отец ему объяснил, как это делается, «а он все равно больших веток навалил и пытается поджечь; час мучился, но упрямый, на своем стоит, а я сижу в стороне и наблюдаю; потом Богдан не выдержал, за помощью подошел, я ему еще раз объяснил, как разводить, и сказал, что он сам должен попробовать».

Мать поражается терпению отца, она говорит, что «иногда у нее сил не хватает уговаривать Богдана и проще самой что-то сделать». В этом смысле, по словам матери, как родители они друг друга очень хорошо дополняют, что позволяет им «находить золотую середину», потому что папа «иногда заигрывается в самостоятельность и ставит перед Богданом такие требования, которые он с трудом может выполнить». В таких случаях мать вмешивается и «открывает папе глаза». Иногда мама «слишком потакает Богдану, и тот начинает на ней ездить, вить веревки». Такие конфликтные ситуации родители обсуждают без сына, и это позволяет им «держаться одной линии в воспитании и стараться делать то, что идет на пользу ребенку, не перегибая палку».

Случай 40. *Семья состоит из четырех человек: матери, отца и двух дочерей — Саши (16 лет) и Зины (19 лет). Воспитанием дочерей занимаются оба родителя.*

По словам родителей, главный принцип воспитания в их семье — «развить у детей самостоятельность, приучить их к труду, чтобы они сами делали что-то», «хотя это может быть и очень трудно: проще все сделать самому, чем ждать, пока ребенок научится». Так, например, с раннего детства девочек приучали работать на огороде (семья живет в небольшом городе в Подмосковье). Каждому ребенку была выделена своя грядка, за которой они должны были ухаживать. Поначалу родителям было трудно приучить их к этой работе, приходилось заставлять, но постепенно дочери втянулись и без напоминаний делали на своих грядках все, что необходимо. Сами Саша и Зина рассказали в беседе, что «грядка стала своей», «хотелось заботиться о ней», «старались ухаживать как можно лучше». Также с детства мать учила девочек вязать, шить, выполнять домашнюю работу. С

выполнением детьми домашних обязанностей никогда никаких проблем не было. В начальных классах матери приходилось усаживать детей за уроки, следить, как они занимаются, и иногда помогать. В средней школе обе девочки делали уроки уже самостоятельно, и родители практически не контролировали их. С 7 лет им выдавали деньги на карманные расходы, а примерно с 10 лет они были в курсе доходов и расходов семьи. В старших классах дети уже немного подрабатывали и самостоятельно тратили деньги на свои нужды. Родители считают, что «дети должны уметь обращаться с деньгами»; «если они вообще не видят денег, то, когда они их получают, столкнутся с проблемами. Дети должны понимать, откуда берутся деньги».

С точки зрения матери, очень важно не заставлять ребенка делать что-то насильно: «можно сделать так, что он сам захочет»; «это я сделала так, что Саша захотела научиться шить, хотя она думает, что это было ее желание»; «нужно не давить на ребенка, не заставлять, не навязывать, а сделать так, чтобы он сам захотел, поймать момент, когда у ребенка только появляется интерес к чему-то». Например, когда девочки (в дошкольном возрасте) захотели сами приготовить блины, родители предоставили им эту возможность. После этой готовки, как сказала мать: «Вся кухня была в муке, они делали блины очень долго, и те получились несъедобными, но мы все равно их съели». Детям также нельзя навязывать свое мнение. Как сказала мать: «Я не могу им советовать. Могу рассказать, что знаю, поделиться опытом. Сейчас другое время. Мы не можем знать, что будет дальше, поэтому не можем навязывать детям свое».

Кроме того, по мнению родителей, важно развивать индивидуальность ребенка и предоставлять ему возможности для творчества. С этой целью, когда дети были маленькими, родители оклеивали стены снизу белой бумагой, чтобы они могли рисовать на ней. Также детям разрешалось делать посреди комнаты постройки из игрушек, лес из веток деревьев и т.п., и родители терпели этот беспорядок, аккуратно перешагивая через детские постройки. Как сказала мать: «Не понимаю людей, имеющих маленьких детей, у которых дома порядок. Ребенка можно посадить и сказать: “Сиди, делай то-то”. И он будет сидеть, но ничему не научится, не будет развиваться».

Родители стараются не наказывать детей, хотя в целом ряде случаев они, обидевшись на детей, могли какое-то время не разговаривать с ними и даже отшлепать. Им более свойственно прибегать к рациональным объяснениям. Для разрешения случающихся детско-родительских проблем все члены семьи нередко собираются вместе, обсуждают их, при этом каждый обязательно высказывает свое мнение.

В таблице 24 и на рис. 13 представлены результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики анализа семейных взаимоотношений (АСВ), у которых, по данным бесед, выявился сбалансированный стиль родительского воспитания. Эти результаты даны в сравнении с результатами тестирования гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, представленными ранее в таблице 8 и на рис. 4.

При анализе этих результатов мы рассматривали только те шкалы, которые удовлетворяли хотя бы одному из двух критериев: (1) наличие статистически значимых различий по t-критерию для $\alpha \leq 0,05$ между результатами группы родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, и обеими группами гиперопекающих и сверхтребовательных родителей (обозначения этих шкал в таблице и на рисунке заключены в квадратные скобки); (2) относительно высокие величины показателей по шкалам (70% и более хотя бы для одной из сравниваемых шкал) при возможном отсутствии статистически значимых межгрупповых различий. По этим двум критериям для последующего анализа были отобраны 9 шкал: Г+, У-, Т-, З-, С+, С-, ВН, ФУ, ПНК.

Как видно из таблицы 24 и рис. 13, у родителей со сбалансированным стилем воспитания, по сравнению с гиперопекающими и сверхтребовательными родителями, наблюдаются значимо более низкие показатели по 8 шкалам (Г+, У-, Т-, З-, С+, ВН, ФУ, ПНК), свидетельствующие о том, что они меньше времени, сил и внимания уделяют воспитанию своих детей (Г+), меньше игнорируют удовлетворение их потребностей (У-), наделяют детей большим кругом обязанностей (Т-), в большей степени приучают их к определенному распорядку (З-), применяют менее строгие санкции (С+), меньше тревожатся за них (ФУ), воспринимают личностные качества своих детей более позитивно (ПНК), более уверены в том, что смогут самостоятельно справиться с детско-родительскими

проблемами (ВН). Кроме того, они мало наказывают детей (С–), но чаще, чем гиперопекающие родители, и реже, чем сверхтребовательные.

Таблица 24 - Результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики АСВ, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека, сверхтребовательность или сбалансированный стиль родительского воспитания

	Шкалы методики АСВ									
	[Г+]	Г-	У+	[У-]	Т+	[Т-]	З+	[З-]	[С+]	С-
Гипероп. (N = 71)	94	35	53	35	35	73	43	80	38	88
Сверхтр. (N = 34)	71	41	36	38	33	63	43	80	58	60
Сбаланс. (N = 30)	31	41	40	14	43	48	35	61	23	74
	Шкалы методики АСВ									
	Н	РРЧ	ПДК	[ВН]	[ФУ]	НРЧ	[ПНК]	ВК	ПЖК	ПМК
Гипероп. (N = 71)	54	52	40	76	67	31	63	23	65	13
Сверхтр. (N = 34)	48	38	45	70	50	37	73	15	48	15
Сбаланс. (N = 30)	40	30	28	45	32	26	37	7	45	19

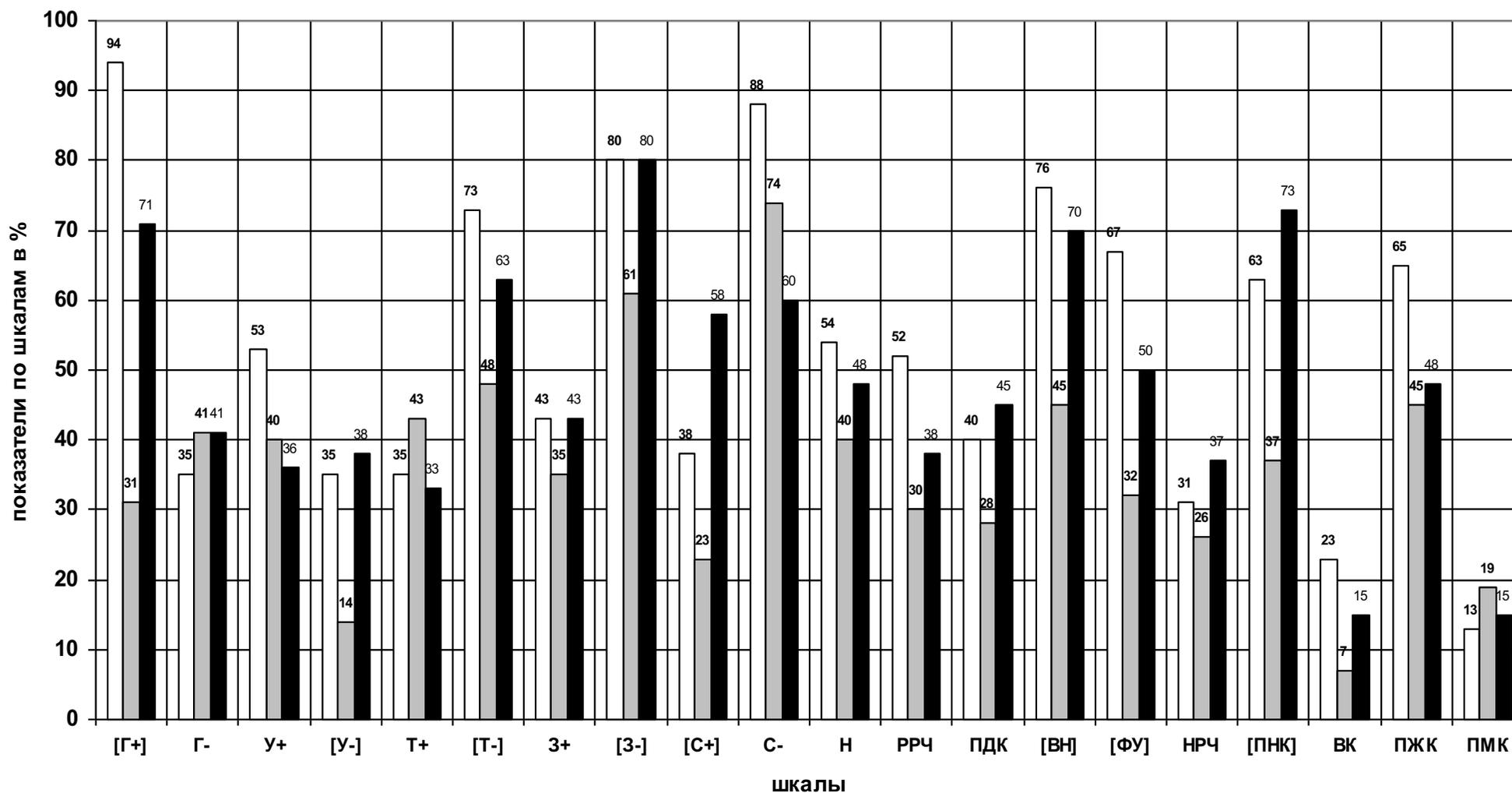

Рисунок 13. Результаты тестирования родителей, полученные с помощью методики АСВ, у которых, по данным бесед, выявились: □ – гиперопека (N = 71); ■ – сверхтребовательность (N = 34); ▒ – сбалансированный стиль воспитания (N = 30)

В таблице 25 представлены усредненные результаты теста диагностики межличностных отношений (ДМО), предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, со стороны которых, по данным бесед, выявился сбалансированный стиль родительского воспитания, в сравнении с результатами тестирования детей гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, представленными ранее в таблице 9.

Таблица 25 - Результаты теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявилась гиперопека, сверхтребовательность или сбалансированный стиль воспитания

Стили родительского воспитания	Шкалы теста ДМО							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Гиперопека (N = 27)	6,3	3,6	4,6	2,8	5,1	5,6	7,4	7,7
Сверхтребовательность (N = 22)	8,6	5,8	6,5	5,7	3,0	4,4	6,1	5,1
Сбалансированный (N = 21)	6,8	4,4	5,1	3,7	3,5	4,0	5,7	5,6

Как видно из таблицы 25, дети из семей, в которых используется сбалансированный стиль воспитания, оценили своих родителей по всем шкалам теста ДМО ниже 7 баллов. Этот факт свидетельствует о гармоничности их межличностных отношений, которым свойственно совмещение различных стилей и соблюдение определенной меры в степени их выраженности.

В таблице 26 и на рис. 14 помещены относительные показатели этого теста, представляющие собой разности его противоположных шкал, а в таблице 27 и на рис. 15 — значения интегральных факторов доминантности (V) и доброжелательности (G), вычисленные по стандартным формулам по результатам этого теста. Все эти результаты даны в сравнении с результатами тестирования детей гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, представленными ранее в таблицах 10, 11 и на рис. 5, 6.

Таблица 26 - Относительные показатели теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека, сверхтребовательность или сбалансированный стиль воспитания

Стили родительского воспитания	Разности противоположных шкал теста ДМО			
	А=1-5	В=2-6	С=3-7	Д=4-8
Гиперопека (N = 27)	1,2	-2,0	-2,8	-4,9
Сверхтребовательность (N = 22)	5,6	1,4	0,4	0,6
Сбалансированный (N = 21)	3,3	0,4	-0,6	-1,9

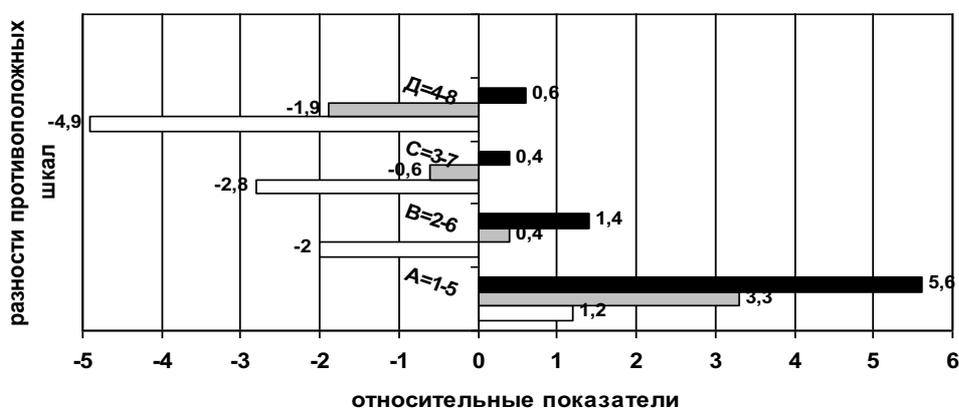

Рисунок 14. Относительные показатели теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились: □ – гиперопека (N = 27); ■ – сверхтребовательность (N = 22); ■ – сбалансированный стиль воспитания (N = 21)

По результатам, представленным в таблице 26 и на рис. 14, нетрудно заметить, что в этих семьях присутствует и опека (Д = -1,9), и требовательность (А = 3,3), но они выражены в гораздо меньшей степени, чем в семьях, соответственно, с гиперопекой и сверхтребовательностью.

Результаты, представленные в таблице 27 и на рис. 15, показывают, что сбалансированный стиль родительского воспитания, по сравнению с гиперопекой, является более доминантным и менее доброжелательным, а по сравнению со сверхтребовательностью, наоборот, — более доброжелательным и менее доминантным. На этом основании можно сделать вывод о том, что родителям, использующим данный стиль воспитания, свойственно избегание крайностей и чувство меры в проявлении этих факторов во взаимоотношениях со своими детьми.

Таблица 27 - Значения интегральных факторов V – доминантности и G – доброжелательности теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявилась гиперопека, сверхтребовательность или сбалансированный стиль воспитания

Стили родительского воспитания	Интегральные факторы теста ДМО	
	V – доминантность	G – доброжелательность
Гиперопека (N = 27)	-0,2	7,6
Сверхтребовательность (N = 22)	7,1	-1,8
Сбалансированный (N = 21)	3,4	1,6

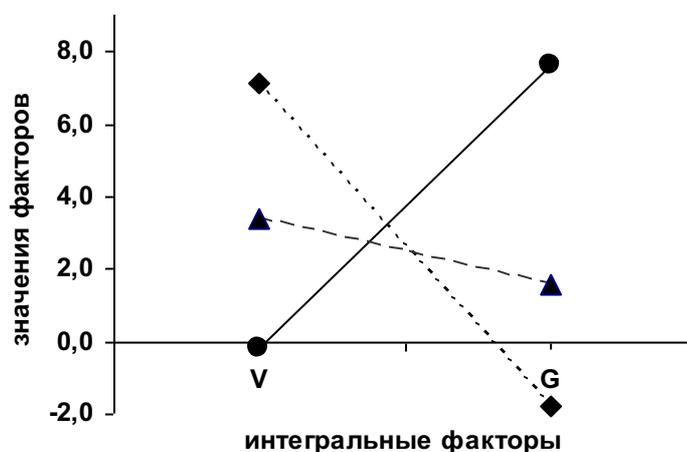

Рисунок 15. Значения интегральных факторов V – доминантности и G – доброжелательности теста ДМО, предлагавшегося детям для оценки особенностей их взаимоотношений с родителями, у которых, по данным бесед, выявились: ● – гиперопека (N = 27); ◆ – сверхтребовательность (N = 22); ▲ – сбалансированный стиль воспитания (N = 21)

10.1.2. Использование стратегии интегративного подхода для анализа сбалансированного стиля воспитания

Так же, как в гиперопеке и сверхтребовательности, в сбалансированном стиле воспитания проявляется особенность содержания ценностной позиции, занимаемой родителями в воспитании своих детей. На основе приведенного описания этого стиля и результатов тестирования можно сделать вывод о том, что, в отличие от односторонней ценностной позиции гиперопекающих родителей по отношению к экзистенциальной дихотомии *помощи*—

самостоятельности и *односторонней ценностной позиции* *сверхтребовательных родителей* по отношению к *экзистенциальным дихотомиям* *социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*, ценностная позиция родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, является по содержанию компромиссной по отношению ко всем этим дихотомиям. При этом, как показывают данные бесед, родители вырабатывают у себя такую позицию целенаправленно и осознанно, считая для себя важным и значимым не только помогать своим детям в решении различного рода жизненных задач и не только требовать от них руководствоваться определенными общественными нормами и правилами, но и развивать у них самостоятельность, предоставлять им определенную свободу в реализации в их жизни собственных инициатив и интересов и приучать их к рациональному обоснованию своих поступков.

Поскольку интегративный подход предполагает анализ не только содержания воспитательной ценностной позиции родителей, но и ее формирования, мы предприняли попытку выявить отдельные факторы, которые могли повлиять на целенаправленность и осознанность формирования родителями этой своей позиции. По нашему предположению, важнейшими из них могли быть черты личности родителей и особенности их взаимоотношений со своими родителями в детстве.

Для проверки этого предположения, а также с целью сравнения с результатами аналогичного исследования, представленными в параграфе 8.3.3, мы предлагали родителям тесты М. Люшера и Р. Кеттела, направленные на выявление их личностных черт, и тест ДМО, направленный на изучение особенностей их взаимоотношений со своими родителями в детстве, т.е. с прародителями их детей.

Результаты теста ДМО и теста М. Люшера приведены в таблице 28 и на рис. 16 в сравнении с результатами гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, представленными ранее в параграфе 8.3.3 в таблице 12 и на рис. 9.

Таблица 28 -Частота встречаемости (в %) гармоничных и акцентуированных стилей межличностных отношений у прародителей и их соотношение со стилями воспитания, используемыми родителями по отношению к своим детям

Стили воспитания детей, используемые родителями	Стили межличностных отношений прародителей	
	Гармоничный	Акцентуированный
Гиперопека (N = 49)	20	80
Сверхтребовательность (N = 46)	22	78
Сбалансированный (N = 24)	48	52

I выбор 2 5 4 3 1 0 6 7

II выбор 2 5 4 3 1 0 6 7

а

I выбор 2 5 4 3 0 1 6 7

II выбор 2 5 4 3 0 1 6 7

б

I выбор 4 3 5 2 1 0 6 7

II выбор 4 3 2 5 0 1 6 7

в

Рисунок 16. Результаты теста М. Люшера для родителей, у которых, по данным бесед, выявились: а) гиперопека (N = 56); б) сверхтребовательность (N = 48); в) сбалансированный стиль воспитания (N = 22)

Как видно из таблицы 28, почти в половине случаев родители, использующие в воспитании своих детей сбалансированный стиль, указали на то, что у них в детстве были гармоничные взаимоотношения с обоими прародителями. А поскольку, как это следует из таблицы 25, гармоничные взаимоотношения выявляются у детей как раз именно с теми родителями, которые используют по отношению к ним сбалансированный стиль воспитания, то на этом основании можно сделать вывод, что во всех этих случаях данный стиль присутствовал также и в прародительских семьях.

Среди гиперопекающих и сверхтребовательных родителей гармоничные взаимоотношения с прародителями выявились не более чем в 22% семей. Этот результат свидетельствует о том, что сбалансированный стиль воспитания, используемый в детстве по отношению к родителям в прародительских семьях, может рассматриваться как один из внешних факторов, влияющих на формирование у родителей компромиссной позиции в воспитании теперь уже своих детей. Но его влияние гораздо менее выражено, по сравнению с тем, которое оказывают акцентуированные стили взаимоотношений прародителей

с родителями в детстве на формирование у родителей чрезмерно вмешивающихся позиций, склоняющих их к гиперопеке или сверхтребовательности.

Результаты теста М. Люшера, представленные на рис. 14, показывают, что родители, у которых выявился сбалансированный стиль воспитания, не поместили фиолетовый цвет (5) на второе место. Этот факт позволяет сделать, по меньшей мере, отрицательный вывод о том, что для данной категории родителей, в отличие от гиперопекающих и сверхтребовательных, повышенная иррациональность не является характерной личностной чертой.

В таблице 29 помещены результаты теста Р. Кеттела для родителей, которым, по данным бесед, были свойственны три разных стиля воспитания.

Таблица 29 - Усредненные результаты теста Р. Кеттела для родителей, у которых, по данным бесед, выявились гиперопека, сверхтребовательность или сбалансированный стиль воспитания

Стили воспит.	Шкалы опросника Р. Кеттела															
	А	В	С	Е	Ф	Г	Н	І	Л	М	Н	О	Q1	Q2	Q3	Q4
Гипероп. (N = 65)	5,2	4,4	5,0	4,1	4,2	6,3	5,2	6,2	5,8	4,1	7,0	5,9	4,8	5,2	6,1	5,7
Сверхтр. (N = 58)	5,1	5,1	5,0	4,4	4,4	6,9	5,8	6,2	5,2	4,2	6,9	5,2	5,6	5,3	6,8	5,5
Сбаланс. (N = 25)	4,7	7,1	5,4	4,7	4,1	5,5	5,6	5,7	5,1	4,2	6,4	4,6	6	6,4	6,1	4,2
Сводная (N = 123)	5,2	4,7	5,0	4,3	4,3	6,6	5,5	6,2	5,5	4,1	7,0	5,6	5,2	5,2	6,4	5,6

Для оценки статистической значимости межгрупповых различий по шкалам этого теста использовался t-критерий для $\alpha \leq 0,05$. Поскольку при сравнении по этому критерию групп гиперопекающих и сверхтребовательных родителей нам не удалось выявить статистически значимых различий между ними ни по одной шкале, то мы объединили обе эти группы в одну. Результаты сводной группы даны в самой нижней строке этой таблицы.

На рис. 17 представлены два профиля результатов этого теста: для родителей сводной группы, которым свойственны гиперопека или сверхтребовательность, и для группы родителей со сбалансированным стилем воспитания.

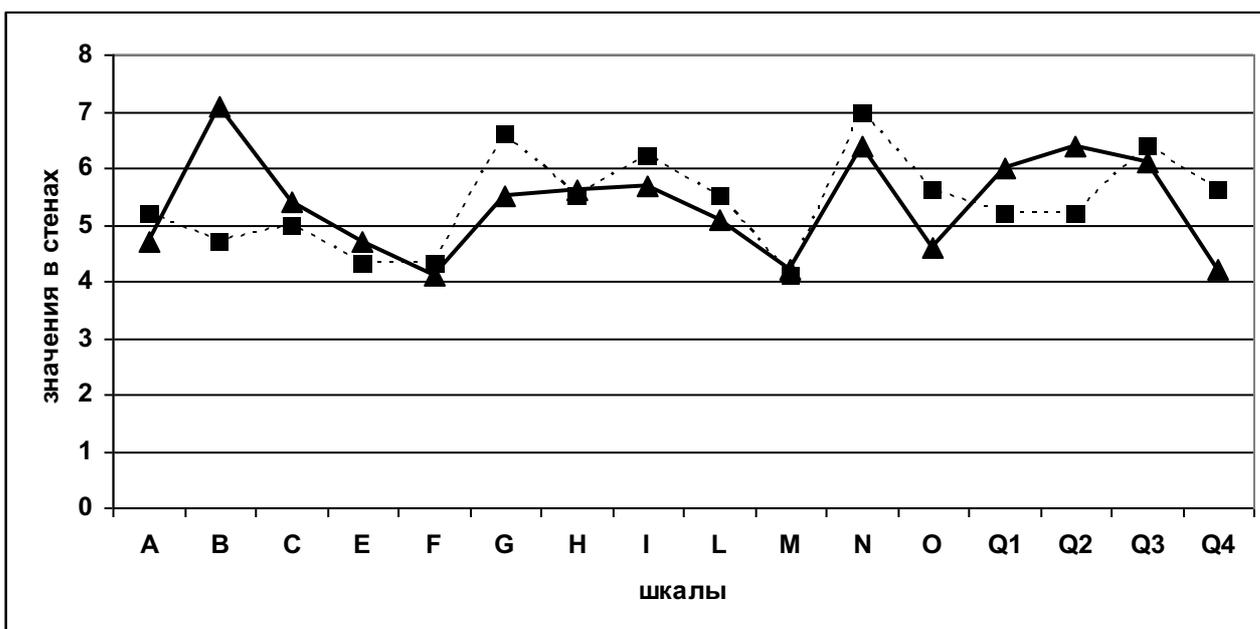

Рисунок 17. Профили результатов теста Р. Кеттела: для родителей, у которых, по данным бесед, выявились: ■ – гиперопека или сверхтребовательность (N = 123); ▲ – сбалансированный стиль воспитания (N = 25)

Между группой родителей, использовавших сбалансированный стиль воспитания, и сводной группой, состоящей из гиперопекающих и сверхтребовательных родителей, обнаружилось статистически значимые различия по четырем шкалам: *B*, *G*, *Q2* и *Q4*.

Как видно из рис. 17, у родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, ведущей личностной чертой является интеллект, измеряемый шкалой *B*, и именно по этой шкале выявляется наибольшее различие с группой гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Если при этом учесть данные теста М. Люшера, представленные на рис. 16, которые указывают, что повышенная иррациональность не является для них характерной личностной чертой, то можно сделать вывод, что именно интеллект, а не иррациональные факторы, играют более важную роль для этой категории родителей в решении ими различного рода жизненных задач.

Также у родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, отмечается более высокий показатель по шкале *Q2*, что указывает на относительно большую степень их ориентации при решении жизненных

задач на себя, полагаясь на собственные способности и возможности. Как отмечают В.М. Мельников и Л.Т. Ямпольский: «Лица с высокими оценками (по шкале *Q2*. – *С.К.*) независимы, самостоятельны... предпочитают делать все сами: сами принимают решения, сами добиваются его исполнения, сами несут ответственность... Они не нуждаются в “чувстве локтя”, в одобрении и поддержке со стороны. Низкие оценки свидетельствуют о несамостоятельности, зависимости, привязанности к группе. Эти люди в своем поведении ориентируются на групповое мнение, нуждаются в постоянной опоре, поддержке окружающих, в совете и одобрении. Они предпочитают жить и работать вместе с другими людьми... потому, что у них отсутствует инициатива и смелость в выборе собственной линии поведения» (Мельников, Ямпольский, 1985, с. 54).

По шкале *G* «сила *Сверх-Я*» более высокий показатель обнаруживается у гиперопекающих и сверхтребовательных родителей. Этот факт характеризует их как имеющих более стойкие моральные принципы и более склонных к неукоснительному следованию им. Как уже указывалось неоднократно со ссылками на классические работы З. Фрейда, повышенная ориентация человека на соблюдение моральных норм зачастую приводит к повышенной фрустрации врожденных, естественных проявлений его биологической природы, что, на наш взгляд, может объяснить более высокий показатель у этих групп родителей также и по шкале «фрустрированности» *Q4*.

В целом результаты тестирования позволяют сделать вывод о том, что у родителей, использующих сбалансированный стиль воспитания, по сравнению с гиперопекающими и сверхтребовательными родителями, в большей степени выражены личностные особенности, характеризующие их общую направленность на самостоятельное решение жизненных задач, полагаясь при этом в большей степени на собственные интеллектуальные способности и возможности, т.е. ресурсы собственного разума. С нашей точки зрения, целенаправленная и осознанная выработка этими родителями

собственной компромиссной ценностной воспитательной позиции по отношению к ряду экзистенциальных дихотомий является естественным следствием указанных личностных особенностей, характеризующих их общую жизненную направленность. При этом благоприятным внешним фактором, способствующим выработке у них такой воспитательной позиции, является сбалансированный стиль воспитания, использованный по отношению к ним в детстве со стороны их родителей.

10.1.3. Влияние сбалансированного стиля воспитания на развитие личности детей

Основываясь на данных бесед с членами семей, можно утверждать, что сбалансированный стиль родительского воспитания способствует формированию у детей *сбалансированного* типа личности с двойственной, противоречивой ценностной позицией, которую можно обозначить как ориентация на родителей и на самостоятельность. Эта противоречивая ценностная позиция проявляется в том, что, с одной стороны, дети ориентируются на помощь и требования родителей, они, в целом, слушаются их, привязаны к ним, и сами родители характеризуют своих детей как достаточно послушных, выполняющих их просьбы и требования и прислушивающихся к их советам. С другой же стороны, дети согласны с требованиями родителей брать на себя ответственность за самостоятельное решение определенных жизненных задач, а также считают важным и значимым предоставляемую им родителями возможность реализации в своей жизни собственных инициатив в соответствии с собственными интересами. Следующие два случая иллюстрируют этот тип личности.

Случай 41. *Семья состоит из трех человек: матери, сына Славы (8 лет) и сына Владика (2 года).*

По словам матери, главное в воспитании детей — это развитие самостоятельности. Поскольку дети растут без отца, мать старается, «чтобы они не выросли маменькиными сыночками». «Я их очень люблю, —

говорит она, — но иногда приходится себя сдерживать, чтобы не избаловать». Мать считает важным, чтобы дети «не выросли заласканными, они должны стать мужчинами, быть самостоятельными».

За уроки Слава садится сам, без напоминаний матери, так как знает, что ему отводится для их приготовления период дневного сна младшего брата. В это время мать находится рядом с ним. Иногда Слава задает ей вопросы, и тогда она может ему что-то объяснить, но ни в коем случае не подсказывая. Портфель для школы он собирает самостоятельно с вечера. Мать говорит сыну: «Ты идешь в школу, а не я, поэтому сам следи за своим портфелем». Она не напоминает ему о том, что он должен собрать портфель, считает, что сын должен позаботиться об этом сам. Однажды Слава забыл накануне вечером положить физкультурную форму. Уже выйдя на лестницу, он вспомнил об этом и вернулся домой, но мать непустила его, сказав: «В этот раз обойдись без формы, а в следующий раз будешь вовремя собираться». С тех пор Слава никогда не забывал собрать портфель заранее.

Мать приучает его к выполнению домашних обязанностей: он сам стирает свои носки и другие мелкие вещи, помогает убирать квартиру (пылесосить пол или вытирать пыль). Оба мальчика с детства были приучены вытирать за собой пол, если они «намочили штаны». Они приучены убирать после еды свою посуду в раковину, причем делают это без напоминаний. С раннего детства Слава убирал за собой игрушки, сейчас он помогает это делать младшему брату. Когда мать уходит по делам, Слава остается дома один с братом. Он может разогреть еду на газовой плите, а Владик уже умеет выключать газ.

Когда Слава пошел в школу, мать стала отпускать его гулять одного, так как он попросил ее об этом. Но он обязательно должен спрашивать на это у нее разрешение. Мать всегда знает, с кем Слава общается, с кем идет гулять, поскольку он относится к ней с доверием и все ей рассказывает. Она следит за тем, что Слава смотрит по телевизору, при этом ему разрешается смотреть фильмы для взрослых, если в них нет жестокости, насилия и эротических сцен.

По мнению матери, а также школьных учителей, Слава собран и внимателен, достаточно самостоятелен для своего возраста. В школе он учится хорошо, «с одной четверкой». Мать отмечает, что Слава с детства был серьезным и послушным, «ему можно было ничего не говорить, он как будто сам понимал, что можно и что нельзя».

Случай 42. Семья состоит из двух человек: матери и сына Игоря (10 лет).

Свой стиль воспитания мать называет спартанским. С трехлетнего возраста Игорь ходил вместе с ней и дедом в походы. Его одного посылали в лес за дровами или водой, приучая к самостоятельности. «В нем воспитывалось понимание того, что он отвечает за группу так же, как и группа отвечает за него». Иногда приходилось идти по 10–20 километров, несмотря на усталость. С сыном она общается «на равных», «часто, как с взрослым», поощряет наличие у него собственного мнения.

Еще один принцип воспитания матери — это «свобода под контролем». Как она его поясняет: «Я не подглядываю в замочную скважину. Есть вещи, которые нужно контролировать, и есть вещи, которые можно не контролировать». Так, если сын идет гулять с надежным товарищем, то ей «все равно, куда он пойдет и что будет делать», она не будет «следить за сыном, расспрашивать его, требовать вернуться домой в точно назначенное время». Она считает, что «надо в чем-то предоставить ребенку некоторую свободу, дать попробовать то, что ему интересно, на собственном опыте, чтобы потом у него не возникало больше вопросов и проблем по этому поводу», «но в то же время есть вещи, которые я все равно заставлю его сделать».

Мать много времени проводит на работе, поэтому Игорь часто весь день остается дома один. Он самостоятельно завтракает, собирается в школу, сам приходит из школы, обедает, делает уроки. Игорь может приготовить еду для себя и для матери, принять пришедших в гости ее друзей, с которыми «общается практически на равных».

Уроки Игорь делает самостоятельно. Мать проверяет его домашние задания не всегда, и если, например, она видит, что домашняя работа написана небрежно, то требует, чтобы он переписал ее, говоря ему, что «это неуважение по отношению к учителю». В школе Игорь учится в основном на пятерки, с интересом делает доклады по различным предметам. При подготовке к ним пишет рефераты, используя различные книги, составляет список литературы, правильно оформляет цитаты и ссылки на литературные источники, помещает в текст доклада схемы и рисунки. Он очень много читает, любит играть в шахматы, общителен.

В таблице 30 представлены результаты теста Р. Кеттела для групп детей из семей, воспитывавшихся, по данным бесед, в условиях чистой гиперопеки, чистой свертребовательности, сочетания гиперопеки и свертребовательности, и сбалансированного стиля. Эти результаты

приводятся только по тем шкалам, которые являются общими для двух вариантов использованных нами опросников.

Для оценки статистической значимости межгрупповых различий по шкалам этого теста использовался t-критерий для $\alpha \leq 0,05$. Поскольку при сравнении по этому критерию групп детей из семей с чистой гиперопекой, чистой сверхтребовательностью и сочетанием гиперопеки и сверхтребовательности ни по одной шкале не было выявлено статистически значимых отличий какой-либо одной группы одновременно от двух других, то мы объединили эти три группы в одну. Результаты этой сводной группы даны в самой нижней строке этой таблицы.

Таблица 30 - Усредненные результаты отдельных шкал теста Р. Кеттела по четырем группам детей из семей, в которых, по данным бесед, выявились чистая гиперопека, чистая сверхтребовательность, сочетание гиперопеки и сверхтребовательности, сбалансированный стиль воспитания

Стили воспитания	Шкалы опросника Р. Кеттела										
	А	В	С	Е	Ф	Г	Н	І	О	Q3	Q4
Гиперопека (N = 39)	4,6	5,1	4,4	4,8	5,5	5,3	5,2	6,2	7,0	5,0	6,6
Сверхтреб. (N = 19)	4,7	5,2	4,5	5,2	6,6	4,5	5,2	5,1	6,6	5,2	7,1
Сочетание (N = 17)	4,8	5,6	5,0	5,1	5,7	5,2	5,2	5,4	6,6	5,1	6,4
Сбаланс. (N = 20)	5,1	6,9	5,1	6,6	5,9	4,8	6,0	5,3	4,8	5,3	5,7
Сводная (N = 75)	4,7	5,2	4,6	5,0	5,8	5,1	5,2	5,7	6,8	5,1	6,7

На рис. 18 представлены два профиля результатов этого теста: для детей из семей сводной группы, у которых, по данным бесед, выявились чистая гиперопека, чистая сверхтребовательность или сочетание гиперопеки и сверхтребовательности, и для группы детей, воспитывавшихся в условиях сбалансированного стиля.

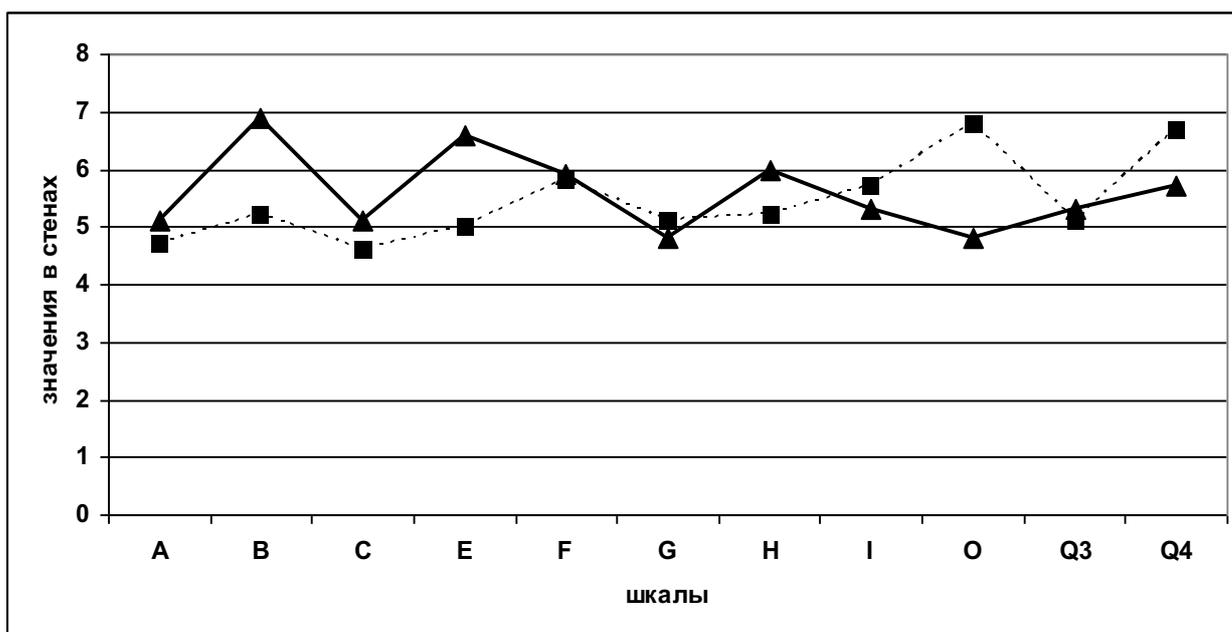

Рисунок 18. Профили результатов теста Р. Кеттела: для детей из семей, в которых, по данным бесед, выявились: ■ – гиперопека, сверхтребовательность или сочетание гиперопеки и сверхтребовательности (N = 75); ▲ – сбалансированный стиль воспитания (N = 20)

Между группой детей, в семьях которых по отношению к ним использовался сбалансированный стиль воспитания, и сводной группой, в которой дети воспитывались в условиях гиперопеки, сверхтребовательности или сочетания гиперопеки и сверхтребовательности, обнаружилось статистически значимые различия по четырем шкалам: B, E, O и Q4.

У детей из семей со сбалансированным стилем воспитания так же, как и у их родителей, наблюдается максимальное значение по шкале B, что свидетельствует об их более высоком интеллекте, по сравнению с детьми сводной группы. Более высокий показатель по шкале E указывает на наличие у них более ярко выраженного стремления к независимости и самостоятельности. Как пишут В.М. Мельников и Л.Т. Ямпольский, лица с высокими показателями по этой шкале: «Живут по своим собственным законам и соображениям... отстаивают свои права на самостоятельность... Человек, имеющий низкую оценку, послушен, конформен, покорно следует за более сильными... не верит в себя и свои способности... часто оказывается зависимым» (Мельников, Ямпольский, 1985, с. 36). Относительно более

низкие оценки у детей из семей со сбалансированным стилем воспитания по шкалам *O* и *Q4* свидетельствуют об их большей жизнерадостности и меньшей фрустрированности побуждений, в том числе, обусловленных биологической природой человека.

На рисунке 19 помещены результаты теста М. Люшера для группы детей из семей со сбалансированным стилем воспитания.

	+	+	x	x	=	=	-	-
I выбор	(4	3)	(2	0)	(1	5)	(6	7)
II выбор	(4	3)	(2	0)	(5	1)	(6	7)
	+	+	x	x			-	-
					=	=		
	C						A	A
							!	

Рисунок 19. Результаты теста М. Люшера для группы детей из семей со сбалансированным стилем воспитания (N = 22)

Результаты этого теста по очень многим показателям свидетельствуют о том, что у этих детей ярко выражена потребность в самореализации и связанное с ней стремление к противодействию обстоятельствам, препятствующим самореализации (+4+3*, -6-7, +4-7, +3-7, +3-6) (Люшер, 1997; Собчик, 1990, 1998). При этом у них отмечается конфликт в отношениях с близкими людьми, с нашей точки зрения — родителями (+4-1**), вызванный, на наш взгляд, их противоречивой личностной ориентацией на родителей и на самостоятельность. Этот конфликт, в свою очередь, вызывает у детей снижение самооценки (+4-6). Однако это снижение у них не так явно выражено, как у детей, воспитанных в условиях гиперопеки или сверхтребовательности, о чем свидетельствует, как это видно из результатов теста М. Люшера на рисунке 11 а, б, не один, а целый ряд показателей (+2+4, +4-6, +2-6).

В целом результаты тестирования детей из семей со сбалансированным стилем воспитания согласуются с описанием их личностных особенностей, сделанным на основе данных бесед.

Еще одним важным результатом этого исследования является то, что у детей со сбалансированным типом личности отсутствуют какие-либо трудности в социальной адаптации и, следовательно, вызванные этими трудностями детско-родительские проблемы. Из этого вовсе не следует, что в семьях со сбалансированным стилем воспитания полностью отсутствуют детско-родительские проблемы. Они есть и, в самом общем виде, возникают из-за того, что дети не всегда ведут себя так, как хотелось бы родителям, а родители — так, как хотелось бы детям. Во всех этих случаях между ними могут возникать стычки, ссоры, скандалы, во время которых родители могут накричать на детей, наказать их и даже отшлепать, а дети также выразить различными способами свое недовольство родителями. Но здесь важно подчеркнуть, что эти проблемы имеют совсем другое происхождение. Они возникают не вследствие трудностей детей в социальной адаптации, обусловленных их личностными особенностями, а вследствие трудностей, объективно присущих самому процессу воспитания человека. Родители в этих семьях понимают, что беспроблемного процесса воспитания не бывает, и поэтому не считают нужным обращаться к психологу за помощью в разрешении такого рода проблем.

10.1.4. Использование стратегии интегративного подхода для анализа особенностей личности детей

Результаты исследования, изложенные в этой главе, показывают, что сбалансированный стиль воспитания, в котором проявляется компромиссная воспитательная ценностная позиция родителей по отношению к экзистенциальным дихотомиям *помощи—самостоятельности, социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*, способствует формированию у их детей сбалансированного типа личности, которому присуща компромиссная ценностная позиция по отношению к тем же самым дихотомиям.

Она является компромиссной по отношению к дихотомиям *помощи—самостоятельности, условных ценностей—самоактуализации и*

детерминизма—самоопределения по той причине, что, с одной стороны, свойственная этому личностному типу детей ценностная ориентация на родителей включает в себя одновременно и расчет на их помощь, и стремление к соответствию своего поведения желаемым для них условным ценностям, и подчинение их влияниям. С другой же стороны ориентация на самостоятельность, напротив, проявляется в том, что дети с данным типом личности демонстрируют готовность брать на себя ответственность за самостоятельное решение определенных жизненных задач и имеют возможность реализовывать свои собственные инициативы и интересы, что способствует развитию у них склонности к самоопределению в ценностях собственной жизни и устранению личностных предпосылок, препятствующих тенденции к самоактуализации. А поскольку требования родителей к соблюдению детьми желаемых для них определенных правил и норм поведения не являются чрезмерными, как это наблюдается при сверхтребовательности, то формируемая у детей ценностная позиция является более компромиссной также и по отношению к экзистенциальной дихотомии *социального—биологического*.

Выявленная с помощью теста М. Люшера у этих детей менее низкая самооценка по сравнению с детьми, воспитывавшимися в условиях гиперопеки или сверхтребовательности, которая, согласно А. Адлеру, должна положительно коррелировать с меньшей выраженностью у них компенсаторного стремления к достижению превосходства по сравнению с другими людьми, может косвенно свидетельствовать о возможной компромиссности их позиции также и по отношению к экзистенциальной дихотомии *превосходства—общности*.

Поскольку сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей компромиссной ценностной позиции по отношению к указанному перечню экзистенциальных дихотомий, то, с точки зрения интегративного подхода, у них должны отсутствовать личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации, и поэтому в этих семьях данные проблемы не встречаются.

Сравнение сбалансированного стиля родительского воспитания с известными в литературе позволило выявить его сходство с отдельными стилями воспитания, оказывающими благоприятное влияние на развитие личности детей. Интересно то, что этим стилям также свойственна сбалансированность отдельных противоречивых их сторон. Так, А. Baldwin (1945, 1949) отмечает, что наиболее благоприятным для развития личности детей является такой стиль воспитания, который характеризуется принятием ребенка и соблюдением баланса, с одной стороны, между доминированием и потворствованием, а с другой — между демократичностью и автократичностью. В ряде работ (Райс, 2000; Baumrind, 1967, 1971; Cobb, 2007) указывается на так называемый авторитетный стиль воспитания, в котором родители сочетают опеку и контроль детей с постепенной их подготовкой к самостоятельной жизни. Этот стиль способствует развитию у детей высокой когнитивной и социальной компетентности (Шэффер, 2003), а также автономии и индивидуации (Райс, 2000; Шэффер, 2003; Cobb, 2007). С точки зрения психологов, изучающих развитие детей, достижение автономии и индивидуации является важнейшей задачей их личностного развития. Автономия и индивидуация — это два тесно связанных друг с другом понятия, которые означают способность детей решать жизненные задачи, полагаясь не на родителей (автономия), а на собственный опыт, разум и возможности (индивидуация). При этом наиболее оптимальным для развития личности детей считается достижение ими автономии и индивидуации в сочетании с сохранением связи с родителями.

Очевидно, что выводы этих авторов хорошо согласуются с нашими, но, в отличие от них мы даем четкое объяснение того, почему сбалансированный стиль воспитания, который по описанию очень сходен с авторитетным, способствует оптимальному развитию личности детей, — потому что он соответствует природе человека, заданной в виде экзистенциальных дихотомий.

10.2. Семьи, относящиеся к другим категориям

Результаты исследования оставшихся трех других групп семей будут описаны не так подробно, поскольку мы их рассматриваем как дополнительные. Кроме того, ввиду малочисленности каждой из этих групп, мы ограничимся только лишь анализом данных бесед с членами семей.

10.2.1. Семьи, в которых использовались гиперопека или сверхтребовательность

В эту группу вошли 6 семей (16%). В трех из них со стороны родителей наблюдалась гиперопека, а у детей — тип личности, ориентированный на внешнюю помощь. В одной семье присутствовало одновременное сочетание гиперопеки и сверхтребовательности, в двух — последовательное их сочетание. В этих трех последних семьях у детей наблюдалось сочетание отдельных черт личности, ориентированной на внешнюю помощь, с чертами личности, ориентированной на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Во всех семьях отмечались детско-родительские проблемы, аналогичные описанным в главе 9.

10.2.2. Семьи, в которых использовался недостаточно сбалансированный стиль воспитания

Сбалансированный стиль воспитания предполагает нахождение родителями компромисса между направленностью на развитие у детей самостоятельности и их опекой и требовательностью к ним. В 5 семьях (в 13% случаев) родителям не удалось найти этот компромисс в полной мере. В результате используемый ими стиль воспитания представлял собой некий промежуточный вариант, в котором развитие у детей самостоятельности сочеталось с повышенной опекой или повышенной требовательностью. Именно по этой причине мы обозначили данный стиль воспитания как *недостаточно сбалансированный*. Данный стиль мог быть свойственен либо

одному и тому же родителю, либо он мог возникать вследствие того, что один из родителей использовал сбалансированный стиль воспитания, а другой — гиперопеку или сверхтребовательность.

Ниже приводятся два случая, в которых у одних и тех же родителей, наряду с направленностью на развитие у детей самостоятельности, наблюдалась соответственно повышенная опека или повышенная требовательность.

***Случай 43.** Семья состоит из трех человек: матери, отца и дочери Оксаны (10 лет). По отношению к дочери со стороны обоих родителей отмечается повышенная опека, сходная по содержанию с любящей гиперопекой.*

По словам матери, Оксана была для родителей долгожданным ребенком, поэтому они ее «очень любят и балуют». Это балование особенно проявлялось в том, что ей покупали и продолжают покупать все игрушки, которые она захочет. Мать объясняет это тем, что сама росла в многодетной семье, в детстве ей не хватало игрушек, и поэтому она хочет, чтобы у ее дочери не было такой проблемы. В результате у Оксаны, как это обычно бывает у детей, воспитывающихся в условиях любящей гиперопеки, сформировались такие личностные черты, как эгоизм и потребительский подход к родителям. В связи с этими личностными особенностями возникла проблема, состоящая в том, что Оксана требует от родителей покупать все понравившиеся ей игрушки. Как говорит мать: «Меня пугает, что она не понимает, что нельзя купить все». Однажды отец был вынужден купить Оксане понравившуюся ей игрушку несмотря на то, что потом денег не хватило на продукты: «Я понял, что, пока я не куплю ей это, она не отойдет от прилавка». В случае отказа от покупки Оксана начинает капризничать, грубить. Когда мать однажды заметила, что покупка некой игрушки несоизмерима с ее зарплатой, Оксана на это сказала: «Значит, ты мало работаешь». Кроме того, мать беспокоит «панибратское» отношение к себе дочери.

Вместе с тем родители достаточно рано приучили Оксану самостоятельно есть, одеваться, выполнять гигиенические процедуры. С 5 лет ее начали приучать к уборке своей комнаты. В настоящее время она убирает свою комнату, но делает это неохотно и не очень аккуратно. Изредка Оксана моет посуду. Со второго класса она сама садится за приготовление уроков и делает их самостоятельно. Мать проверяет их очень редко. В школе Оксана учится в основном на 4 и 5. Кроме этого, она учится в

музыкальной школе одновременно по классу скрипки и фортепиано. Интерес к музыке у Оксаны проявился уже в 1,5 года, и она сама попросила родителей записать ее в музыкальную школу по этим двум классам. Обычно матери приходится заставлять Оксану выполнить домашние задания по музыке, но иногда она делает их и без напоминаний.

Случай 44. Семья состоит из четырех человек: матери, отца, дочери Ульяны (14 лет) и сына Коли (13 лет). По отношению к детям со стороны обоих родителей наблюдается повышенная требовательность.

По словам родителей, они стали приучать детей к самостоятельности еще до школы: «научили разогревать еду, мыть за собой посуду». С третьего класса дети готовили уроки полностью сами, мать проверяла их очень редко. С пятого класса Коля сам ездил в школу на нескольких автобусах. Мать характеризует своих детей как очень самостоятельных, «они очень многое умеют делать по дому», регулярно убираются в квартире, моют посуду. Недавно родители оставили детей жить одних на 5 дней, попросив знакомую только ночевать с ними.

Повышенная требовательность родителей проявляется в том, что дети должны все свободное время тратить с пользой. Коля учится в специализированной школе с изучением китайского языка и 2 раза в неделю занимается в секции академической гребли. Ульяна раньше училась в двух школах: общеобразовательной и художественной, а с шестого класса перешла в математическую. 2 раза в неделю она посещает курсы английского языка. Кроме того, раз в неделю оба они ходят в бассейн. Мать постоянно контролирует, чем заняты дети. По словам дочери, «когда мама дома, то она вмешивается во все». Она еженедельно смотрит дневники, часто общается с учителями, «чтобы быть в курсе событий». В результате у детей нет свободного времени, поэтому они редко гуляют (всего несколько раз в месяц). Мама считает, что «свободное время нужно проводить правильно: чем сидеть по подъездам, лучше в музей или театр сходить».

Ульяна считает, что у них «есть недопонимание с родителями», но верит, что это скоро пройдет, «успокоятся, и всё будет нормально». У Коли в небольшой степени отмечаются признаки типа личности, ориентированного на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Оба они согласны с тем, что им «надоели постоянные лекции матери, касающиеся всего на свете».

Следующий случай иллюстрирует недостаточно сбалансированный стиль воспитания в семье, где у одного из родителей наблюдается сбалансированный стиль, а у другого — сверхтребовательность.

Случай 45. Семья состоит из четырех человек: матери, отца, сына Лени (11 лет) и дочери Ксюши (6 лет). По отношению к детям со стороны матери наблюдается сбалансированный стиль воспитания, со стороны отца — сверхтребовательность.

Мать с раннего возраста приучала Леню к самостоятельности. С двухлетнего возраста он самостоятельно ел, с четырех — вместе с ней уже стирал свои мелкие вещи, и его можно было оставить на некоторое время дома одного. Мать «никогда не стремилась делать что-то за ребенка». Сейчас он самостоятельно может сходить в магазин и приготовить еду. С третьего класса Леня уже сам садится за уроки, вначале делает их в черновике, а после проверки родителями переписывает в тетрадь. Он хорошо учится; учеба дается ему легко, в школу ходит с удовольствием. Дочь также с раннего возраста приучалась к самообслуживанию и выполнению домашних обязанностей. Оба они регулярно убирают свои комнаты и по очереди моют посуду.

Отец очень требователен к соблюдению детьми дисциплины и порядка. Он может заставлять детей сделать что-то по многу раз, применяя даже физические наказания, в связи с чем между Леной и отцом случаются частые конфликты. «Они как боксеры на ринге», — говорит мать. Но пока эти конфликты не перерастают в хронические.

Мать стремится смягчить требовательность отца, указывая ему на то, что некоторые его требования не являются такими уж обязательными, а в ряде случаев можно было бы использовать менее жесткие выражения. По мнению обоих родителей, последнее время отец в отношениях с детьми становится менее требовательным.

10.2.3. Семьи, в которых в настоящее время используется сбалансированный стиль воспитания, но ранее была гиперопека или сверхтребовательность

К этой группе было отнесено 7 семей (18%). Она оказались достаточно разнородной, состоящей, по меньшей мере, из трех подгрупп.

Первую подгруппу составили 3 семьи, в которых со стороны родителей по отношению к ребенку, начиная с его рождения, использовались гиперопека или сверхтребовательность. Эти стили воспитания способствовали формированию у детей уже известных типов личности и связанных с ними определенных проблем. В какой-то момент родители поняли связь проблем

ребенка с используемыми ими стилями воспитания и осознанно перешли к сбалансированному стилю.

Случай 46. *Семья состоит из четырех человек: матери, отца, сына Павла (25 лет) и дочери Эллы (17 лет). В настоящее время сын живет отдельно.*

В дошкольном возрасте вплоть до 2 класса со стороны обоих родителей по отношению к Элле была сильная сверхтребовательность. Мать объяснила это тем, что Павел был более способным, и поэтому родители ожидали от дочери проявления не меньших способностей. Как теперь понимает мать, они «слишком давили на дочь, постоянно указывали на ее недостатки и ошибки». В детском саду у Эллы были трудности в общении с другими детьми, что нередко встречается у людей с типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей. С 1 класса она стала одновременно учиться в музыкальной школе. Ее учитель был очень строгим: «бил по рукам, много требовал». Элла не хотела учиться музыке, но родители заставляли ее, предъявляя при этом строгие требования к выполнению домашних заданий. По словам матери, в этот период Элла была очень нервной, у нее обнаружился гастрит и пиелонефрит. По окончании 1 класса родители начали понимать, что они предъявляют Элле слишком завышенные требования, которые «вызывают у нее нервное перенапряжение» и связанные с ним болезни, и что «именно из-за этого девочка росла робкой, неуверенной, необщительной». Поняв это, родители отказались от музыкальной школы и смягчили свои требования к дочери. Сейчас стиль воспитания в семье «мягкий», «основной метод – объяснять, говорить, беседовать». После того как родители изменили свое отношение к Элле, «она очень быстро выздоровела», со временем «стала более уверенной в себе, и у нее появилось много друзей». По мнению матери, в настоящее время ее «дочь покладистая, послушная, отзывчивая», «учится самостоятельно», «много помогает по дому».

Случай 47. *Семья состоит из пяти человек: матери, отца и троих детей: Вари (8 лет), Раи (1,5 года) и Стаса (0,5 года).*

Со стороны матери по отношению к Вале до 6 лет была любящая гиперопека, под влиянием которой у нее стали формироваться типичные для этого стиля воспитания черты личности избалованного и капризного ребенка. В какой-то момент отец решил, что «капризы нужно прекращать, ребенку нужна дисциплина», поэтому «лучшее лекарство – это спорт», и Варю записали с ее согласия в секцию гимнастики. Мать отмечает, что за 2 года занятий Вара сильно изменилась: «перестала капризничать, стала более

самостоятельной, ответственной». Недавно она без родителей ездила на 3 недели на международные соревнования. Варя нравится учиться в школе, домашние задания она выполняет сама без напоминаний. Поскольку Варя 6 раз в неделю занимается гимнастикой, то постоянных домашних обязанностей у нее нет, но «если ее попросить, то она может помыть посуду, убрать в комнате, пропылесосить квартиру, посидеть с сестрой и братом». С младшими детьми мать ведет себя уже не так, как раньше с Варей, и это, по ее словам, «приносит результат». Мать считает, что надо и опекать детей, и развивать у них самостоятельность, но «найти эту золотую середину очень сложно».

Во второй подгруппе, состоящей из 3 семей, у родителей отмечались гиперопека или сверхтребовательность по отношению к первому ребенку. Осознав на примере первого ребенка негативные последствия этих стилей, родители осознанно перешли в воспитании второго ребенка к сбалансированному стилю.

Случай 48. *Семья состоит из четырех человек: матери, отца и двух дочерей — Дины (22 года) и Инны (16 лет). В настоящее время Дина живет отдельно с двухлетней дочерью.*

По отношению к Дине со стороны обоих родителей была сверхтребовательность. По словам матери, с ней «обращались строго, возможно, слишком давили». Принцип воспитания был следующий: «если не понимаешь, почему нужно делать так, – делай не понимая». Дина была «послушной, всегда выполняла то, что от нее требовали родители», «была закрытой», что характерно для личности, ориентированной на соответствие своего поведения требованиям других людей

В какой-то момент родители «поняли, что были излишне строги к старшей дочери». Младшую они «воспитывали уже более мягко, стараясь не повторить допущенных ошибок». Мать считает Инну достаточно ответственной и самостоятельной. В последнее время их отношения стали «дружескими, на равных». Дина, напротив, избегает общаться с родителями. С отцом у нее установились очень напряженные отношения.

Отличительная особенность одной из семей, которую мы отнесли к третьей подгруппе, состоит в том, что родители совершили переход от гиперопеки к сбалансированному стилю воспитания не в результате изменения взаимоотношений с ребенком, а под влиянием изменений, произошедших в условиях их жизни.

Случай 49. Семья состоит из трех человек: матери, отца и дочери Марины (12 лет).

До 8 лет со стороны матери по отношению к дочери была гиперопека. По словам матери, Марина – «желанный ребенок и родители готовы ради нее на все». Она «родилась слабенькой, часто болела», и мать «все время ее жалела», «старалась не напрягать», практически ничего не требовала и «не могла устоять перед ее просьбами». Весь 1 и 2 классы мать помогала Марине с приготовлением уроков: «сидела рядом, подсказывала, если что-то не получалось, помогала находить ошибки». Дочь «особым вниманием не отличалась», допускала много ошибок. А поскольку учительница снижала оценки за поправки, Марина всегда сначала делала уроки в черновике, а затем переписывала их в тетрадь. В результате приготовление уроков занимало очень много времени, что ее раздражало, «редкая домашняя работа обходилась без слез». С 7 лет Марину записали в музыкальную школу, куда она ходит с удовольствием.

Когда Марина заканчивала 2 класс, в семье возникли серьезные финансовые трудности и мать была вынуждена пойти работать. С этого момента, как сказала мать: «У Марины началась взрослая жизнь». Первое время она оставалась в группе продленного дня, а в музыкальную школу ее водила подруга матери. Но на «продленке» ей не нравилось, и постепенно Марина стала сама приходить домой после школы, научилась подогреть еду, что-то готовить. Начала самостоятельно ходить в музыкальную школу. На проверку письменных домашних заданий у матери «не оставалось ни времени, ни сил», и теперь она смотрит только их наличие. Марина делает вместе с матерью только устные задания, когда та готовит на кухне ужин.

Мать отмечает, что раньше Марина была капризной, а теперь стала более «ответственной и самостоятельной», «она уже совсем взрослая, на нее можно положиться». Марина также стала более внимательной, «видимо, ей неохота одной столько времени терять, сама поняла, что лучше сразу сделать хорошо, чтобы потом не мучиться». «Иногда ей хочется помочь, а она останавливает и говорит, что сама справится». Постоянных домашних обязанностей у Марины нет, но по необходимости она может помыть посуду, убрать со стола, сходить в магазин. По выходным мать затевает уборку квартиры, и Марина ей помогает. Вспоминая прошлые годы, мать говорит, что ее дочь была «избалованной и капризной», и она «не понимала, что, потакая ей, считая ее слабенькой, оказывает Марине медвежью услугу».

В целом данная группа семей демонстрирует благоприятные возможности использования интегративного подхода самими родителями в

практике оказания психологической помощи самим себе и своим детям. В этой группе родители, не прибегая к помощи профессионального психолога, смогли осознать связь собственной воспитательной односторонней ценностной позиции по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям с проблемами детей, перестроиться, занять более компромиссную воспитательную позицию и, тем самым, самостоятельно решить беспокоящие их проблемы.

10.3. Выводы

Результаты проведенного исследования стилей воспитания в семьях, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, и их влияния на развитие личности детей позволяют сделать следующие выводы:

1. На основе данных бесед с членами семей описан так называемый сбалансированный стиль родительского воспитания, в котором, с точки зрения интегративного подхода, проявляется компромиссная ценностная позиция родителей, занимаемой ими в воспитании своих детей по отношению к экзистенциальным дихотомиям *помощи—самостоятельности, социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*. Это описание согласуется с результатами, полученными с помощью методики анализа семейных взаимоотношений (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера и теста диагностики межличностных отношений Т. Лири (ДМО), адаптированного Л.Н. Собчик.

2. Данные бесед свидетельствуют о том, что эта компромиссная ценностная воспитательная позиция вырабатывается самими родителями целенаправленно, осознанно и на рациональной основе. Результаты, полученные с помощью теста М. Люшера и Р. Кеттела, указывают на то, что эти особенности выработки родителями своей воспитательной позиции являются следствием их личностных особенностей, характеризующих их общую направленность на самостоятельное решение жизненных задач, полагаясь при этом в большей степени на собственные интеллектуальные

способности и возможности, т.е. ресурсы собственного разума. Результаты, полученные с помощью теста ДМО, указывают на то, что благоприятным внешним фактором, способствующим выработке у них такой воспитательной позиции, является сбалансированный стиль воспитания, использованный по отношению к ним в детстве со стороны их родителей.

3. На основе данных бесед с членами семей было обнаружено, что сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей типа личности с двойственной, противоречивой ценностной ориентацией: на родителей и на самостоятельность. Описание этого типа личности согласуется с результатами тестов Р. Кеттела и М. Люшера. Показано, что детям, обладающим этим типом личности, так же, как и их родителям, присуща компромиссная ценностная позиция по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям *помощи—самостоятельности, социального—биологического, условных ценностей—самоактуализации и детерминизма—самоопределения*. Результаты теста М. Люшера выявили у этих детей, по сравнению с детьми, воспитывавшимися в условиях гиперопеки и сверхтребовательности, менее низкую самооценку, которая, согласно А. Адлеру, должна положительно коррелировать с меньшей выраженностью у них компенсаторного стремления к достижению превосходства по сравнению с другими людьми, что может косвенно свидетельствовать о возможной их компромиссной позиции также и по отношению к экзистенциальной дихотомии *превосходства—общности*.

4. Поскольку сбалансированный стиль воспитания способствует формированию у детей компромиссной ценностной позиции по отношению к целому ряду экзистенциальных дихотомий, то, с точки зрения интегративного подхода, у них должны отсутствовать личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации, и поэтому в семьях с этим стилем воспитания данные проблемы не встречаются.

5. Среди семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию, на основе данных бесед выявлены и описаны три категории

семей, различающихся по используемым родителями по отношению к своим детям стилям воспитания: семьи, в которых использовались гиперопека или сверхтребовательность; семьи, в которых использовался недостаточно сбалансированный стиль воспитания; и семьи, в которых в настоящее время используется сбалансированный стиль воспитания, но ранее была гиперопека или сверхтребовательность. Особый интерес для нас представляет последняя в этом перечне группа, которая убедительно продемонстрировала возможность использования интегративного подхода самими родителями в практике оказания психологической помощи самим себе и своим детям. В этой группе родители, не прибегая к помощи профессионального психолога, смогли осознать связь собственной воспитательной односторонней ценностной позиции по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям с проблемами детей, перестроиться, занять более компромиссную воспитательную позицию по отношению к ним и, тем самым, самостоятельно решить беспокоящие их проблемы.

6. Изложенные в этой главе результаты свидетельствуют о подтверждении второй гипотезы о возможности успешного использования стратегии интегративного подхода для выявления личностных особенностей членов семей, никогда не обращавшихся в психологическую консультацию.

Глава 11. Значение результатов исследования детско-родительских проблем для анализа консультационных случаев с проблемами взрослых людей¹⁹

В своей консультационной практике мы сталкивались не только с детско-родительскими проблемами, но также и с проблемами взрослых людей, т.е. лиц старше 18 лет. В процессе анализа этих проблем очень часто обнаруживалось, что гиперопека и сверхтребовательность используются не только по отношению к детям, но также и к взрослым. Кроме того, среди взрослых людей зачастую встречались лица с теми же самыми типами личности, которые были свойственны детям, воспитывавшимся в условиях гиперопеки и сверхтребовательности. Эти факты побудили нас провести более тщательное исследование консультационных случаев с проблемами взрослых людей, преследующее две основные цели:

1. Выявить степень распространенности гиперопеки и сверхтребовательности, а также типов личности, формирующихся под влиянием этих стилей воспитания, в случаях с проблемами взрослых людей.

2. Использовать стратегию интегративного подхода для анализа этих случаев.

Объектами нашего исследования были 120 аудиозаписей консультаций, которые были разделены на две группы. В одну из них вошли случаи с супружескими проблемами (66 случаев). Другую группу (54 случая) образовали случаи со всеми другими проблемами взрослых, которые мы условно обозначили как личные.

---

¹⁹ Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности для психологического анализа случая Петра Павленского // Неврологический вестник. 2016. № 2. С. 47-50; Капустин С.А. Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем // Национальный психологический журнал. 2016. №1. С. 62-69; Капустин С.А. Использование результатов исследования семей с детско-родительскими проблемами в практике психологического консультирования взрослых людей // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. 2016. № 1. С. 79-95.

11.1. Анализ случаев с супружескими проблемами

Анализ случаев с супружескими проблемами показал, что в 80% из них (в 53 из 66 случаев) присутствовали гиперопека или сверхтребовательность, при этом присутствие этих стилей могло быть прямым или косвенным. В нашей терминологии прямое присутствие означает, что гиперопека или сверхтребовательность явно наблюдаются во взаимоотношениях супругов или супругов с их родителями. Косвенное присутствие указывает на то, что у супругов наблюдаются типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

Все эти случаи были расклассифицированы на 4 группы.

1. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны одного из супругов к другому.

2. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны тещи к зятю или свекрови к невестке.

3. Случаи, в которых личность одного из супругов сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

4. Случаи, в которых со стороны одного из супругов осуществлялась сверхтребовательность, а личность другого сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

В остальных 13 случаях с супружескими проблемами нам не удалось выявить ни прямого, ни косвенного присутствия гиперопеки или сверхтребовательности.

Рассмотрим каждую из выделенных групп случаев более подробно.

11.1.1. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны одного из супругов к другому

Эта группа оказалась самой многочисленной, в нее вошло 23 случая, в которых 7 клиентов были мужчины и 23 — женщины. Возраст клиентов варьировал от 19 до 64 лет и в среднем составлял 35 лет. В 13 случаях

сверхтребовательность наблюдалась со стороны мужа, в 10 — со стороны жены.

В всех этих случаях одного из супругов не устраивали индивидуальные психологические особенности другого супруга, и поэтому он настоятельно требовал их изменения. Наблюдаемые в этих случаях проблемы можно разделить на две группы в зависимости от вида доминирующей реакции супругов на сверхтребовательность. Словом «доминирующая» мы хотим подчеркнуть тот факт, что обе реакции присутствуют одновременно в каждом из этих случаев при относительном преобладании одной из них. Реакция первого вида, которую можно обозначить реакцией покорности, состоит в том, что супруг, подвергающийся сверхтребовательности, начинает подстраиваться под предъявляемые ему требования, пытаясь жить в соответствии с ними, проявляя терпение. В результате у него начинают периодически возникать состояния подавленности, уныния, горя, усталости от совместной жизни. Реакцией второго вида является протест супруга против оказываемого на него давления, проявляющийся во вспышках раздражения, злости или гнева и соответствующих этим эмоциям формам поведения. У жен сверхтребовательных мужей явно доминировала реакция покорности, она встречалась в 10 из 13 случаев. Напротив, у мужей сверхтребовательных жен в 8 из 10 случаев наблюдалась реакция протеста.

Ниже приводятся примеры четырех случаев, в которых демонстрируются эти два вида доминирующих реакций в ответ на сверхтребовательность со стороны, соответственно, мужа и жены.

Случай 50. *В консультацию обратилась Оксана (26 лет). Живет в гражданском браке 2 года в квартире мужа.*

По словам Оксаны «у мужа очень жесткий характер, я не встречала человека, который мог бы его переубедить; он постоянно придирается по поводу того, что я не так себя веду, вплоть до того, что купила не ту колбасу, что говорю слишком гортанно и т.д.». Неоднократно муж говорил ей, что «хочу, чтобы ты понимала меня с полуслова, не хочу учиться тебя понимать, — это очень сложно».

В первый год совместной жизни Оксана пыталась подстраиваться под его требования, как она говорит: «Я переделывалась». Через год у нее стали

возникать состояния подавленности и нарушения сна, она стала жаловаться мужу на то, что «есть же какие-то пределы переделывания», на что он ответил: «Надо меняться до конца». Однажды, не выдержав столь мощного давления, Оксана крупно поссорилась с мужем и уехала от него к родителям. Вскоре они помирились, опять стали жить вместе, но отношение сверхтребовательности к ней со стороны мужа не изменилось и по этому поводу между ними все чаще стали возникать ссоры. В настоящее время она чувствует огромную усталость от своей супружеской жизни.

Случай 51. В консультацию обратилась супружеская пара: София (24 года) и Олег (30 лет). В браке состоят всего полгода, живут вдвоем.

Олег сообщил о себе, что у него есть сложившаяся жизненная позиция, которой он неукоснительно следует и в соответствии с которой он предъявляет требования к другим людям, в том числе к жене. У него отмечается склонность к регламентированности человеческих взаимоотношений. Так, например, он собирается написать конституцию для своей семьи, где будут четко оговорены права и обязанности супругов, правила поведения и санкции за их несоблюдение. София характеризует его отношение к ней «как к машине, которая должна выполнять какие-то функции, вне зависимости от настроения».

Софию раздражает повышенная требовательность мужа по отношению к ней и его повелительный тон. Она против того, что муж «пытается затянуть меня в свой мир», «если начинаешь уступать, то чувствуешь, что он еще больше затягивает». Особенно остро она реагирует на требования мужа вести светские беседы с его клиентами по бизнесу, которые очень часто приходят к нему домой. Буквально сразу же после свадьбы София стала высказывать в резкой форме свое недовольство таким поведением Олега, несколько раз после очередного скандала уходила ночевать к родителям.

Случай 52. В консультацию обратилась Алена (29 лет). Замужем один год, живут вдвоем с мужем.

О себе сообщила, что была очень требовательна по отношению к мужу: «У меня сформировался идеал человека, с которым я его соотносила; пыталась его переделать, требовала от него проявления мужских качеств; постоянно терроризировала его по мелочам, сделай то, сделай это, хотелось, чтобы у него был чистенький и аккуратненький вид, и по этому поводу делала замечания».

Муж старался соответствовать ее требованиям, но недавно заявил, что «я тебя люблю, но жить вместе больше не могу, если мы будем продолжать жить, то я устану или сойду с ума». В настоящее время у него

состояние подавленности, «ходит какой-то вялый, не может разговаривать со мной без слез, начинает говорить и плачет; постоянно обвиняет себя, говорит, что недостойн меня, что он не очень хороший человек, у него много недостатков, он сделал все, что мог, но ничего не получилось». Кроме того, он стал жаловаться на боли в сердце. Несмотря на такое тяжелое состояние мужа, Алена считает, что «он приложил недостаточно сил для искоренения своих недостатков».

Случай 53. *В консультацию обратилась Галина (31 год). Замужем 1,5 года. Живет вместе с мужем и сыном (4 года) от предыдущего брака. Этот брак у нее пятый.*

Галина оценивает свой характер как «энергичный, волевой, властный и настойчивый», поэтому с ней трудно ужиться, в частности с ней трудно было жить всем бывшим ее мужьям.

С нынешним мужем у Галины также начались конфликты с бурными выяснениями отношений. Муж в пылу последней ссоры назвал ее «акулой и вампиром», заявил, что «ты выжала меня как лимон, ты меня давишь, а я, живя с тобой, растворяюсь как личность». После этого он ушел и уже месяц не возвращается. Галина в целом согласна с этой его оценкой, считает, что «он убежал, потому что действительно перестал чувствовать себя личностью».

В нашей практике не встречались случаи с проявлениями в супружеских взаимоотношениях гиперопеки. Возможно, это свидетельствует о том, что отношения гиперопеки среди супругов не столь разрушительны для их совместной жизни, как отношения сверхтребовательности.

11.1.2. Случаи, в которых сверхтребовательность осуществлялась со стороны тещи к зятю или свекрови к невестке

Эта группа состояла из 7 случаев (1 клиент был мужчина и 6 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 22 до 68 лет и в среднем составлял 37 лет. В 5 случаях сверхтребовательность наблюдалась со стороны тещи к зятю, в 2 — со стороны свекрови к невестке.

Эти случаи отличаются от предыдущей группы лишь тем, что теперь уже не супругов, а живущих вместе с ними тещ или свекровей не устраивают индивидуальные психологические особенности, соответственно, зятьев или

невесток, и поэтому они настоятельно требуют их изменения. В результате между тещей и зятем или свекровью и невесткой возникают частые ссоры, которые негативно сказываются на взаимоотношениях супругов. Два следующих случая иллюстрируют эти проблемы.

Случай 54. В консультацию обратилась Олеся (26 лет). В браке 7 лет. Живут вчетвером: она, ее мать, муж и ребенок (6 лет).

Олеся характеризует свою мать как «властного человека с трудным характером», постоянно вмешивающегося в жизнь молодой семьи.

По ее словам, вследствие этого вмешательства муж «никогда не чувствовал себя хозяином в этом доме, они постоянно конфликтовали с тещей по разным поводам, особенно по поводу воспитания ребенка». Как выяснилось, Олеся в этих конфликтах была в большей степени на стороне матери, она говорила мужу, что «раз ты пришел к нам в дом, то соблюдай заведенные порядки». В результате начали возникать ссоры и между супругами. Муж стал задерживаться на работе, приходит поздно и нередко выпивши. Олеся, по наущению матери, запретила приходиться ему пьяному домой и однажды сказала, что «если будешь пить, я с тобой разведусь». На что муж ответил: «Давай разводиться, все равно у нас жизни никакой не было».

Случай 55. В консультацию обратилась Антонина (55 лет). Живет вместе с мужем, сыном, невесткой и двумя внуками (6 лет и 1 год). Сын женат 7 лет.

В ходе беседы выяснилось, что Антонина сразу же после женитьбы сына стала активно вмешиваться в жизнь молодой семьи и особенно невестки: «С первых дней нашей жизни у меня было такое желание, чтобы она смотрелась, была культурной, была образованной; это я старалась для сына, чтобы у него была хорошая жена».

Невестка стала сопротивляться этому вмешательству, устраивая громкие скандалы, во время которых «она кричала, что ненавидит свекровь, что свекровь ее затравила, что она живет в невыносимых условиях». В последнее время скандалы участились и стали возникать по самым незначительным поводам. Сын в этом конфликте в большей степени принимает сторону своей жены. Антонина считает, что ее «обижают незаслуженно», поскольку она «очень много помогла для становления их семьи».

11.1.3. Случаи, в которых личность одного из супругов сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности

Эта группа состояла из 12 случаев (9 клиентов были мужчины, 9 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 24 до 48 лет и в среднем составлял 32 года. В 9 случаях один из супругов (7 мужчин и 2 женщины) обладал типом личности, ориентированным на внешнюю помощь, сформировавшимся в детстве под влиянием гиперопеки, и в 3 случаях (все 3 — мужчины) — типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей, сформировавшимся в детстве под влиянием сверхтребовательности. Как видно из приведенной статистики, эти два типа личности в значительно большей степени наблюдались у мужчин (в 10 случаях) и только в 2 случаях — у женщин.

Основу проблем в семьях с мужьями, обладающими личностью, ориентированной на внешнюю помощь, составляли претензии к ним жен по поводу их чрезмерной ориентации на внешнюю помощь, конкретными формами проявления которой были, как правило, лень, беззаботность, безответственность по отношению к решению семейных вопросов. Кроме того, они нередко выказывали недовольство повышенной привязанностью мужей к своим родителям. Проблемы в семьях с женами, обладающими данным типом личности, заключались в их претензиях к своим мужьям по поводу их недостаточной помощи, заботы и внимания к ним.

В двух следующих случаях приводятся примеры подобных проблем. В одном из них тип личности, ориентированный на внешнюю помощь, наблюдается у мужа, в другом — у жены.

Случай 56. В консультацию обратились муж Кирилл (35 лет) и жена Анна (35 лет). Они женаты 6 лет, есть дочь (4 года), живут втроем, отдельно от родителей.

По словам Анны, родители всегда опекали и продолжают опекать ее мужа вплоть до настоящего времени: «Они всегда поддерживали его материально, любят давать ему советы, а он их слушается; он со мной не советуется, все важные вопросы решает со своими родителями». Кирилл

характеризует свою жизнь с родителями до женитьбы как легкую и беззаботную: «Я отношусь к родителям с пиететом; мне в жизни никогда не приходилось прикладывать каких-либо усилий для достижения каких-то целей, я их просто не ставил перед собой, т.е. всегда плыл по течению, не было никакой целеустремленности; у меня всегда было хорошее настроение, я привык считать, что все разрешится само собой».

Основные претензии Анны к мужу заключаются в том, что он «должен обеспечивать семью, быть опорой в жизни, сам решать свою судьбу», а вместо этого он «не стремится зарабатывать больше, последние 4 месяца вообще не работает, апатично относится к жизни; я верчусь, а он лежит на диване и смотрит телевизор; до сих пор считает себя частью той семьи, а я и дочь должны войти в состав его семьи». Эти претензии Анна периодически высказывает Юрию, после чего происходят скандалы. Два раза муж подавал заявление на развод и сам же забирал его.

Случай 57. В консультацию обратились жена Яна (24 года) и муж Антон (24 года). В браке состоят 4 года, живут вдвоем.

Яна сообщила, что в детстве ее очень опекала мать: «Я инфантильная, мама за меня принимала все решения, все делала за меня, старалась во всем помочь».

Проблемы в семье начались год назад после того, как Яна окончила институт и начала трудовую деятельность. За этот год она поменяла три места работы, так как везде сталкивалась с различного рода трудностями, которые, по ее словам, «выбивали меня из колеи, у меня начиналась депрессия, опускались руки». Яна «начала жаловаться на свою жизнь мужу». Антону это было неприятно, он стал чаще задерживаться на работе, а Яна в ответ на задержки мужа устраивала скандалы, обвиняя его в недостаточности чуткости, заботы и внимания к ней. Виктор весь этот период «чувствовал себя виноватым за все ее проблемы». В настоящее время он собирается подать заявление на развод, поскольку устал от скандалов и обвинений.

Во всех трех семьях с мужьями, обладающими личностью, ориентированной на соответствие своего поведения требованиям других людей, проблемы были тесно связаны с характерной для данного типа личности чертой — чрезмерным послушанием своим родителям. Ниже приводится один из примеров проблемы, связанной с этой чертой.

Случай 58. В консультацию обратились жена Ирина (29 лет) и муж Валентин (30 лет). Женаты 4 года, живут вдвоем.

По словам Ирины, у ее свекрови «властный характер, она всегда руководила всеми членами ее семьи» и в том числе своим сыном. Валентин очень привязан к матери и бабушке, «они для него — святые люди». Он не менее одного раза в две недели уезжает к ним на выходные навестить (они живут за городом) или уезжает по первому требованию матери, «как она прикажет, так и будет». Там «он делает по хозяйству все, что его попросят». Когда у Валентина заболела бабушка, «он развил бурную активность, чтобы достать нужные лекарства».

Ирину раздражает привязанность Валентина к родителям и его постоянная готовность помогать им, поскольку в своей семье он ведет себя совершенно иначе: «дома он ложится на диван, а я кручусь; если у него нет настроения, он может целый день пролежать на диване». При этом Ирина специально поясняет, что «мне работа по дому не в тягость, но меня раздражает, что он там помогает, а мне нет; не могу уговорить вбить гвоздь для вешалки и сделать задвижку, получается, что основная семья там, а не здесь».

11.1.4. Случаи, в которых со стороны одного из супругов осуществлялась сверхтребовательность, а личность другого сформировалась под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности

Эта группа состояла из 11 случаев (2 клиента были мужчины и 11 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 22 до 39 лет и в среднем составлял 29 лет.

Проблемы в данной группе случаев были очень сходны с проблемами, относящимися к первой группе, в которой один из супругов проявлял сверхтребовательность по отношению к другому. Также основу этих проблем составляли реакции покорности или протеста того супруга, по отношению к которому осуществлялась сверхтребовательность, с той лишь разницей, что тип его личности, сформировавшийся под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности, вносил свой специфический вклад в содержание супружеских проблем.

Этот специфический вклад мы продемонстрируем на примерах трех случаев соответственно с тремя разными типами личности, ориентированными на внешнюю помощь, на соответствие своего поведения

требованиям других людей и на протест против такого соответствия. В этой группе случаев все указанные типы наблюдались только у жен.

Личность, ориентированная на внешнюю помощь, встречалась в 5 случаях. В каждом из них у жен доминировала реакция покорности с характерными для относящихся к третьей группе случаев жалобами на недостаточную помощь, заботу и внимание к ним со стороны мужей или свекровей, но эти жалобы свидетельствовали о наличии у них более острых переживаний. Ниже приводится пример одного из этих случаев.

Случай 59. В консультацию обратилась Лидия (23 года). В браке состоит 4 года. Живет с мужем, свекром и свекровью.

О своем детстве она сообщила, что росла в атмосфере тепла, заботы и внимания, которую создавали ее родители: «У нас все заботились друг о друге». В нынешней семье к ней отношение совершенно иное: со стороны свекрови и мужа предъявляются повышенные требования. По словам Лидии, у нее «очень властная свекровь», которая «постоянно дает понять, что я недостаточно забочусь о муже», «муж также все время пытается меня переделать», а «я не могу даже высказать свое мнение», «у меня такое чувство, что об меня вытирают ноги».

В результате этого двойного давления у Лидии возникают состояния подавленности, она часто плачет, «в последнее время появились боли в сердце». Кроме того, Лидия жалуется на многочисленные жизненные трудности: «утром трудно встать, тяжело добираться до работы, очень устаю на работе так, что вечером нет сил поесть». Основная претензия к мужу — недостаточность заботы и внимания. Как она говорит: «Если нет заботы и поддержки со стороны мужа, то зачем он тогда нужен; если жить с человеком и не получать от него внимания, тогда зачем с ним жить». Идеалом отношения мужа к жене является для нее пример семьи подруги: «У нее муж пришел с работы, устал не устал, голодный не голодный, все бросит и на другой конец Москвы помчится ее встретить, если она ему позвонит и попросит».

Личность, ориентированная на соответствие своего поведения требованиям других людей, встречалась в 4 случаях. В них у жен наблюдались более ярко выраженная реакция покорности с более безропотным подчинением требованиям мужей, чем в первой группе случаев. Ниже приводится пример одного из них.

Случай 60. В консультацию обратилась Кристина (39 лет). Замужем 14 лет. Живет с мужем и двумя детьми (6 и 9 лет).

Характеризуя мужа, она сообщает, что «он полный хозяин в доме, лидер, ведет себя грубо, не считаясь с интересами других, люди для него — средство для достижения своих целей». Его позиция в отношении семьи состоит в том, что «муж — это глава семьи, а жена должна ухаживать за мужем и детьми, заниматься домашним хозяйством». Кристина полностью разделяет эту позицию, ее тяготит лишь повышенная требовательность и грубость мужа. Все эти годы она периодически испытывала состояния подавленности, «успокаивалась только тогда, когда муж во время отпуска уезжал» (муж всегда проводил отпуск один без семьи), даже «дети плакали и говорили, что не хотят, чтобы он приезжал».

Несколько лет назад муж стал ей говорить, что она не устраивает его «духовно и как женщина». Два года назад у него появилась любовница, и он этого от жены не скрывает. На предложение Кристины переехать к любовнице ответил, что «буду жить с двумя, так как хочу быть счастливым». Последнее время он часто говорит ей: «Чтоб ты сдохла». Несмотря на такое отношение, Кристина не хочет уходить от мужа, поскольку любит его и считает, что у детей должен быть отец.

В 2 случаях у жен наблюдался тип личности, ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. В обоих этих случаях жены давали очень решительный отпор в ответ на сверхтребовательность по отношению к ним со стороны их мужей. В качестве иллюстрации мы приводим один из них.

Случай 61. В консультацию обратилась Елизавета (22 года). Замужем 4 года. Живут вдвоем с мужем.

О своих взаимоотношениях с матерью сообщила, что «у мамы были крепкие жизненные устои, высокие моральные принципы — это надо, это не надо; она сама такая и хотела видеть такими других, пыталась воспитать меня по какому-то образцу, по системе Макаренко; меня никогда не жалела, сильно мной манипулировала». Елизавета «всегда протестовала против ее давления, в 14–15 лет стала ходить на ночные дискотеки, убегала из дома на 2–3 дня».

В 18 лет познакомилась со своим будущим мужем, который старше ее на 14 лет, и сразу же ушла к нему жить. Вскоре они поженились. По словам Елизаветы, «муж был очень требовательный, ему нужна была жена, которая ставит семейную жизнь выше собственной самореализации». С его

точки зрения, «муж должен зарабатывать деньги, а жена готовить, стирать, убирать». Первые 3 года она занималась домашним хозяйством с удовольствием, поскольку ей «казалось, что лучше человека нет, но потом прозрела». Так называемое прозрение наступило, когда она захотела пойти работать, чтобы «реализовать себя», а муж стал возражать. Елизавета настояла на своем, и через год по ее инициативе они разошлись.

11.1.5. Использование стратегии интегративного подхода для анализа супружеских проблем

Полученные результаты свидетельствуют о том, что основные положения интегративного подхода могут быть успешно использованы также для понимания типичных личностных предпосылок супружеских проблем клиентов, обращающихся за помощью в психологическую консультацию в настоящее время. Так, анализ этих проблем показал, что в 62% семей наблюдается сверхтребовательность или одного из супругов к другому, или тещи к зятю, или свекрови к невестке, которая обусловлена тем, что их не устраивают индивидуальные психологические особенности, соответственно, своих супругов, зятьев или невесток. Поэтому они настоятельно требуют от них изменений, занимая, тем самым, во взаимоотношениях с ними одностороннюю ценностную позицию, по меньшей мере, к экзистенциальной дихотомии *детерминизма—самоопределения*, что приводит во всех этих случаях к возникновению супружеских проблем. К этому количеству можно добавить еще 18% случаев, в которых у супругов были обнаружены типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности, которым, как указывалось в главе 9, свойственны односторонние ценностные позиции по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям. Во всех этих случаях характерные для данных типов личностные черты также провоцируют возникновение супружеских проблем.

11.2. Анализ случаев с личными проблемами

В 78% случаев с личными проблемами (в 42 из 54 случаев) было обнаружено исключительно косвенное присутствие гиперопеки или сверхтребовательности. Эти случаи мы разделили на 2 группы:

1. Случаи с типом личности, сформировавшимся под влиянием гиперопеки.

2. Случаи с типами личности, сформировавшимися под влиянием сверхтребовательности.

В остальных 12 случаях ни прямого, ни косвенного присутствия гиперопеки или сверхтребовательности выявлено не было.

11.2.1. Случаи с типом личности, сформировавшимся под влиянием гиперопеки

В эту группу вошло 11 случаев (4 клиента были мужчины и 7 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 18 до 25 лет и в среднем составлял 21 год. Все они обладали типом личности, ориентированным на внешнюю помощь, а их проблемы были тесно связаны с присущими данному типу личностными особенностями. Для иллюстрации этой связи мы приведем примеры трех наиболее часто встречающихся в этой группе проблем.

Первая проблема, наблюдавшаяся в 6 случаях, заключалась в испытываемых клиентами чувствах разочарования жизнью и ее бессмысленности. С нашей точки зрения, эти чувства отражают объективные трудности процесса их перехода от привычного, достаточно комфортного детского образа жизни в окружении любящих, заботливых и помогающих родителей к более проблемному взрослому образу жизни, в большей степени требующему от них проявлений самостоятельности, в частности, самоопределения в профессиональной деятельности. Детям, привыкшим жить в так называемых тепличных условиях и ориентироваться на помощь других людей, а не на собственные способности и возможности, труднее перейти к образу жизни взрослого человека. Вдобавок, таким детям, в силу их

чрезмерной ориентации на внешнюю помощь, труднее определиться в выборе профессии. Будучи по возрасту уже взрослыми людьми, они понимают, что должны где-то работать или учиться, но вместе с тем они не могут разобраться, чего они хотят именно сами, и поэтому в этот период занятие какой-либо профессиональной деятельностью не имеет для них смысла. Эта проблема с наибольшей остротой проявлялась у лиц, воспитывавшихся в условиях любящей гиперопеки. Мы продемонстрируем ее на материале двух случаев.

Случай 62. В консультацию обратились мать, отец и дочь Вера (21 год).

Со стороны бабушки, матери и отца была любящая гиперопека. Как отмечает сама Вера, она росла в тепличных условиях, «родители мне все давали, у меня все есть, не надо ни о чем заботиться». Особенно теплые чувства она испытывает к матери: «Я смотрю на маму с умилением; она для меня идеальная; она, как птица над своими птенцами, берет на себя всю домашнюю работу; она меня очень сильно оберегает».

В старших классах школы Вера начала задумываться о выборе профессии и поняла, что ее ничего не интересует. Тем не менее, после окончания школы она поступила в МГУ. Университет Вера выбрала потому, что хотела учиться в элитном учебном заведении, а выбор факультета был обусловлен тем, что туда поступала ее подруга. В настоящее время Вера учится на четвертом курсе. По ее словам, она никогда не испытывала никакого интереса к учебе: «другие работают, что-то пишут, знают, зачем они это делают, а я нет». Поэтому Вера часто прогуливала занятия и фактически училась только в период сессии. Главным ее увлечением были ночные дискотеки, которые она посещала несколько раз в неделю. Основная проблема, с которой обратилась Вера и ее родители, — это испытываемое ею тягостное чувство бессмысленности своей жизни. Содержание ее жалоб заключается в том, что «нет удовлетворенности жизнью, не знаю, зачем жить, нет цели в жизни; нет ни к чему склонности, живу без всякой мотивации».

Случай 63. В консультацию обратилась Алла (23 года). Она живет вдвоем с матерью.

Со стороны матери была любящая гиперопека. По словам Аллы, мать ее очень сильно любит и всю свою жизнь посвятила ей «полностью обслуживала, все делала за меня, ни в чем не отказывала».

В школе Алла училась плохо, так как учиться было неинтересно. Часто прогуливала уроки, предпочитая в это время заниматься в секции верховой езды. После окончания школы не могла понять, чем дальше заниматься, и поступила в медицинское училище, но только лишь на том основании, что туда было легко поступить по протекции мамы. Окончив училище, год проработала в больнице и уволилась, так как работа была очень тяжелая, а зарплата маленькая. Случайно нашла работу в туристической фирме и почти год проработала в Испании. После ссоры с начальником уволилась и приехала в Москву. У Марии после окончания школы периодически возникало чувство бессмысленности жизни. После возвращения в Москву это чувство особенно обострилось. Основное содержание ее жалоб состоит в том, что «ничего не хочется, нет никаких жизненных целей в отношении того, где работать или учиться; не знаю, к чему стремиться; хочу учиться, но нет определенности, где учиться, хочу что-то найти, а что — не знаю».

Вторая проблема тесно связана с характерной для данного типа личности чертой — задержкой в развитии саморегуляции. Она также, на наш взгляд, возникает в связи с переходом гиперопекаемых детей к взрослому образу жизни, в большей степени требующему от человека умение управлять своими эмоциями и поведением, проявлять волю для разрешения различного рода мотивационных конфликтов между тем, что хочется делать, и тем, что не хочется, но надо. У клиентов, обладающих данной чертой, нередко возникают трудности в разрешении подобных конфликтов. Например, они не могут заставить себя вовремя встать утром, собраться и пойти на работу или в учебное заведение, в результате чего они часто опаздывают или прогуливают.

Эта проблема наблюдалась также в 6 случаях, особенно у лиц, воспитывавшихся в условиях больничной гиперопеки. Ниже приведены описания двух из них.

Случай 64. *В консультацию обратилась мать с дочерью Дианой (18 лет).*

Со стороны матери была больничная гиперопека. По словам матери, она ее «сильно опекала, все за нее делала, жалела, старалась во всем помочь; вместе делали уроки». Мать объясняла это тем, что дочь постоянно болела простудными заболеваниями. Муж часто делал ей замечания, что она балует дочь, но активно не вмешивался в процесс воспитания.

Мать отмечает у дочери такие черты, как несамостоятельность, несобранность, невнимательность, избегание трудностей, нежелание

прикладывать усилия, говорит, что у нее «природная лень», что «она приспособилась жить, не прикладывая усилий». После 10 класса ее отчислили за неуспеваемость, поэтому последний класс закончила экстерном. Затем мать устроила Диану в Институт Дашковой. Диана хочет там учиться, но вместе с тем очень часто пропускает занятия. Она объясняет это так: «не могу себя заставить собраться и пойти в институт, так как утром часто чувствую себя разбитой, и нет никакого желания что-либо делать».

Случай 65. *В консультацию обратилась мать с сыном Анатолием (19 лет). Они живут вдвоем с матерью.*

Со стороны матери была болезненная гиперопека. Мать сообщила, что очень опекала Анатолия, в течение всего времени его обучения в школе проверяла выполнение домашних заданий. Она объясняет это тем, что сын был с самого рождения слабым и болезненным ребенком. По словам Анатолия, «мама сильно опекала и до 16 лет все проблемы решала за меня».

Мать характеризует сына как несобранного, ему недостает целеустремленности, усидчивости, он безответственный, не доводит начатое дело до конца. После школы Анатолий поступил в технический вуз, хотя, по его словам, «у меня не было четкого желания учиться, я, скорее, знаю, что надо учиться». Учился он плохо, много прогуливал. После третьего семестра пришлось взять академический отпуск в связи с угрозой отчисления за неуспеваемость. Основная проблема состоит в том, что «в институте никто не заставляет заниматься», а заставить себя сам Анатолий не может, так как вместо занятий «хочется погулять или сходить в гости».

Третья проблема заключается в чрезмерной склонности человека к тревожным опасениям по самым разным поводам. С нашей точки зрения, она обусловлена конкретными чертами личности, ориентированной на внешнюю помощь, обычно формирующимися под влиянием тревожной гиперопеки.

Эти проблемы встречались в 3 случаях и иллюстрируются следующими примерами.

Случай 66. *В консультацию обратилась мать с дочерью Ниной (18 лет).*

Со стороны матери была сильная гиперопека. Отец никакого участия в воспитании дочери не принимал. У матери с дочерью все время были очень близкие отношения, вместе спали, вместе делали уроки. По словам Нины, она «обсуждала с ней все проблемы, делилась с ней всем; у меня никогда не было самостоятельности». Когда на лето уезжала в лагерь или к бабушке, то «все время не хватало мамы; я скучала и часто думала, что сейчас делает мама; меня все называли маменькина дочка». В свою очередь, мать говорит, что

дочь «очень послушная девочка, у меня никогда не было с ней проблем, она поступала всегда так, как я говорю, и я помогала ей во всем».

Нина по характеру робкая, нерешительная, теряется в незнакомых ситуациях, открыто говорит, что «боюсь самостоятельности». Острые проблемы у Нины начались после того, как она, по настоянию матери, поступила учиться в техникум и тем самым вынужденно оказалась в новой ситуации. Там она чувствует себя неуютно, говорит, что «в техникуме ей не хватает мамы, боится выступить на занятиях, нет близких друзей». Всякий раз, когда она собирается в техникум, возникают волнения и страхи.

Случай 67. В консультацию обратилась Вика (25 лет). Она замужем, живут вдвоем с мужем.

В родительской семье у нее были теплые, добросердечные отношения со всеми ее членами: отцом, матерью и бабушкой. Со стороны матери была гиперопека. Мама всегда стремилась помочь советом, и «в глазах мамы никогда не было безразличия», а Вика, в свою очередь, «обязательно во всем с ней советовалась, в себе не держала ничего и никогда, так как просто не могла иначе». Также мама помогала делать уроки, «решала за меня задачки».

Вика сама отмечает у себя такие черты, как зависимость («я всегда сверяю свои поступки с оценками других людей»), боязнь новых ситуаций, потребность в помощи и поддержке. Проблемы начались два года назад, когда она, окончив институт, устроилась на работу в фирму. Работа ответственная, от ее результатов зависит успешность деятельности многих других сотрудников. Вику тяготит эта ответственность, она все время боится, что не справится с работой. В результате все эти годы она живет в состоянии хронической тревоги. Обычно спокойно чувствует себя только по субботам, но уже во второй половине дня воскресения вновь начинается тревога в связи с мыслями о предстоящей работе. Основная проблема — это появление страхов, что в ее жизни обязательно случится что-то неприятное.

11.2.2. Случаи с типами личности, сформировавшимися под влиянием сверхтребовательности

В эту группу вошел 31 случай (6 клиентов были мужчины и 25 — женщины). Возраст клиентов варьировал от 18 до 40 лет и в среднем составлял 25 лет.

В 30 случаях встречался тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, и лишь в 1 случае — тип личности, ориентированный на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей. Содержание проблем клиентов с типом личности, ориентированным на соответствие своего поведения требованиям других людей, было тесно связано со свойственными ему чертами, и эту связь мы продемонстрируем на примерах трех самых распространенных проблем.

Первая проблема заключалась в испытываемых клиентами тягостных чувствах потери себя как личности, проживания какой-то чужой, не своей жизни и потому бессмысленности своего существования. С нашей точки зрения, эти чувства соответствуют способу жизни наших клиентов. Будучи ориентированными на выполнение требований других людей, они действительно проживают не свою собственную жизнь, что как раз и находит отражение в этих тягостных чувствах.

Подобные проблемы встречались в 13 случаях. Мы приводим 2 примера.

Случай 68. *В консультацию обратилась Валентина (18 лет). Живет вместе с матерью и младшей сестрой. Мать с отцом недавно развелись.*

С самого раннего детства со стороны матери и особенно отца по отношению к ней наблюдалась жесткая сверхтребовательность. По ее словам, отец был очень грубый, постоянно унижал, придирался и создавал чувство вины. «Меня воспитывали страхом наказания; чтобы я не сделала, я всегда виновата. У отца была идея какого-то ускоренного развития, меня записывали в разные секции, где занимались более старшие дети, в детский сад я ходила в более старшую группу, в 4 года папа научил читать — это был какой-то кошмар».

О себе Валентина сообщила: «В детстве у меня даже не было никакого желания вести себя так, как я хочу, меня никогда не спрашивали, что я хочу, и я никогда не спрашивала себя об этом. В детском саду я никогда не могла взять игрушку, какую я хочу, я всегда разрывалась между тем, что сказала воспитательница, и тем, что делали все, мне сказали нельзя, значит, нельзя. Я всегда интересовалась только тем, чего хотят родители и все остальные, кроме меня; я старалась изображать из себя хорошую девочку; я всегда была какой-то правильной девочкой; я воспринимала чужое слово как команду к действию». Основная проблема заключается в том, что Валентина не

ощущает себя личностью, «я живу не такая, как я есть, я не делаю то, что хочу, хожу туда, куда мне не нужно; мне кажется, что я ношу какую-то маску, хожу такая большая, а внутри нет ничего». В 14 лет у Валентины была попытка самоубийства.

Случай 69. В консультацию обратилась Евгения (22 года). Живет вместе с отцом и матерью.

Со стороны матери в ее воспитании наблюдалась мягкая сверхтребовательность, которая продолжается до сих пор. Как сообщила Евгения: «Мать контролировала буквально каждый мой шаг. Если мне нужно куда-то пойти, то обязательно проблема, во сколько я должна прийти. Она навязывала мне свои стереотипы, ценности, что это должно быть так».

Себя Евгения характеризует как послушную дочь: «Я не любила конфликтовать с мамой». Основная проблема состоит в том, что Евгения не ощущает себя личностью: «Я не знаю, кто я, что я, зачем я живу, у меня нет стержня, на котором бы все держалось; у меня такое ощущение, что я не живу, а на все смотрю со стороны, сама ничего не делаю, и вокруг ничего не происходит».

Вторая проблема — это испытываемое клиентами чувство неполноценности, обусловленное, на наш взгляд, тем, что в детстве они часто испытывали чувство вины перед родителями за то, что они не всегда соответствовали их требованиям.

Данная проблема отмечалась в 12 случаях, два из которых приводятся ниже.

Случай 70. В консультацию обратилась Людмила (28 лет). Живет вместе с отцом и матерью.

В детстве со стороны отца был жесткая сверхтребовательность. Как говорит Людмила, у нее «отец — деспот, командир, сильный, он всегда прав; все время следил за мной, какую книгу читать, во сколько приходить, как зубы почистила и т.д.; когда он дома, то атмосфера тягостная».

О себе она сообщает, что всегда была послушным домашним ребенком: «Я все время советуюсь с родителями, так как в жизни не разбираюсь». Основная проблема состоит в испытываемом ею чувстве неполноценности и неуверенности в себе: «Мне все время кажется, что я плохая, что я во всем виновата, что я делаю все плохо; я чувствую какой-то стыд и неловкость перед всеми людьми; я боюсь людей, что они скажут, как подумают, у меня сердце как у кролика, я — пустое место».

Случай 71. В консультацию обратилась Тамара (25 лет). Она замужем. Живет с мужем и ребенком 5 лет.

В детстве со стороны матери была жесткая сверхтребовательность, «мама, все время руководила мной и часто называла меня моральным уродом».

О себе Тамара сообщила, что была послушной девочкой, отличницей, «на все школьные вечера ходила в белом фартучке и с кружевным воротничком; то, что скажет мама, беспокоит меня до сих пор». Основная проблема — это чувство неполноценности и неуверенности в себе, которое «вбила в меня моя мама». «Я себя не люблю, чувствую себя ненужной, скучной; мама права, что я плохая и несостоятельная».

Третья проблема состоит в том, что клиенты нередко испытывают острое чувство одиночества. С нашей точки зрения, эта проблема очень тесно связана с присущей их личностному типу чертой, которую мы ранее обозначили как чрезмерный контроль за выражением своих эмоций, желаний, темперамента, обычно проявляющейся в чрезмерной скованности, зажатости, неестественности и стеснительности, которая не способствует установлению близких отношений с другими людьми. Данная проблема встречалась в 15 случаях. Ниже приводятся 2 конкретных ее примера.

Случай 72. В консультацию обратилась Анастасия (19 лет). Живет с отцом, матерью и младшей сестрой.

В детстве со стороны отца была жесткая сверхтребовательность с элементами жестокости. Во время учебы в школе он постоянно проверял домашние задания. Если находил хотя бы малейшую ошибку, заставлял все переписывать. За малейшие проступки «бил очень яростно, при этом мера наказания явно не соответствовала проступку». Но, тем не менее, «я его очень люблю». В восьмом классе в знак протеста против такого обращения инсценировала попытку самоубийства, сделав себе порезы в области вен. Отец очень испугался. С тех пор Анастасия неоднократно с успехом использовала этот прием для борьбы против чрезмерной требовательности отца. При этом, как она говорит, у нее всегда возникало чувство вины перед родителями: «Я очень переживала, что доставляла им неудобство, но вместе с тем ничего не могла с собой поделать и резалась».

Основная проблема Анастасии — трудности в общении. По ее словам, «я теряюсь в большой компании, не могу поддерживать беседу, на людях я ощущаю себя какой-то не такой, мне все время кажется, что я делаю что-то не то; болезненно переживаю, когда надо мной смеются». В результате у

Анастасии в настоящее время нет близких друзей. Она очень остро переживает свое одиночество и тоскует по любви. Когда мужчины, оказывая ей знаки внимания, предлагают вступить в половую связь, Анастасии очень трудно им отказать. Она объясняет это так: «Я очень боюсь остаться одна. За то, чтобы не остаться одинокой, я готова заплатить любую цену, это непреодолимое желание».

Случай 73. *В консультацию обратилась Светлана (20 лет). Живет вдвоем с матерью. Мать с отцом недавно развелись.*

В детстве со стороны отца была жесткая сверхтребовательность, особенно в отношении учебы. Он часто говорил: «Чтобы были все пятерки, а не то убью». За проступки «ставил в угол, унижал и обижал; в семье я себя никогда раскованно не чувствовала, домой старалась прийти как можно позже и уйти как можно раньше».

Основная проблема состоит в том, что ей трудно общаться: «Когда я общаюсь, я веду себя пассивно, теряюсь, стараюсь оставаться в стороне, нахожусь в состоянии напряжения, как на боевом посту. Я очень сдержанна, мой внутренний мир практически закрыт для других, меня болезненно волнует, что обо мне скажут и подумают другие люди». Проблема одиночества была всегда. Сейчас Светлана учится на втором курсе университета. С однокурсниками у нее только формальные отношения, она не может ни с кем близко подружиться. С точки зрения Светланы, все однокурсники считают ее «странной, непонятной, чокнутой», и это очень тяготит ее.

Из того что в нашей практике встретился только один случай с типом личности, ориентированным на протест против соответствия своего поведения требованиям других людей, вовсе не следует, что у людей с этим типом личности нет проблем. С нашей точки зрения, эта категория людей, в силу своих личностных особенностей, просто не склонна обращаться в консультацию, поскольку заведомо очень враждебно относится к любым попыткам вмешательства в их жизнь.

Ниже приводится пример проблемы, обусловленной данным типом личности.

Случай 74. *В консультацию обратилась мать сына Даниила (24 года). Кроме них в семье еще есть отец.*

В детстве со стороны матери по отношению к сыну была мягкая сверхтребовательность. Отец никакого участия в воспитании сына не

принимал. Даниил рос послушным ребенком, «лапочкой», учился на «хорошо» и «отлично». После окончания школы поступил в университет. Там стал проявлять «ершистость и независимость взглядов». На втором курсе был отчислен. Пошел в армию. В армии были постоянные конфликты с командирами, в результате Даниил много времени провел на гауптвахте. После армии три раза устраивался на работу, но быстро увольнялся, так как «отстаивал свою свободу и независимость, отказывался подчиняться правилам». В настоящее время не работает, стал пить, дома не ночует по 2–3 недели, недавно украл в магазине куртку. Мать не знает, что с ним делать.

11.2.3. Использование стратегии интегративного подхода для анализа личных проблем

Полученные результаты свидетельствуют о том, что основные положения интегративного подхода могут быть успешно использованы также для понимания типичных личностных предпосылок личных проблем клиентов, обращающихся за помощью в психологическую консультацию в настоящее время. Так, анализ этих проблем показал, что в 78% случаев у клиентов выявлены типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности, которым, как указывалось в главе 9, свойственны односторонние ценностные позиции по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, а характерные для данных типов личностные черты тесно связаны с возникновением у них личных проблем.

Важно обратить внимание на то, что в 56% случаев у клиентов встречался тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей. Как было показано в главе 9, этот тип, встречавшийся у детей всего лишь в 19% случаев, допускает возможность его одновременного рассмотрения с теоретических позиций Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. На этом основании нами был сделан вывод, что его можно рассматривать как наиболее распространенный среди клиентов различных направлений психотерапии, с

которым в разное время сталкивались и работали все эти авторы и который поэтому мог быть использован ими в качестве единого прототипа для разработки своих психотерапевтических теорий. Полученные нами результаты показывают, что этот тип личности преобладает и в настоящее время среди клиентов психологической консультации, обращающихся за помощью в решении личных проблем.

Тот факт, что среди детей данный личностный тип распространен в три раза реже, можно объяснить тем, что дети, личность которых ориентирована на соответствие своего поведения требованиям других людей, воспринимаются родителями как воспитанные, послушные и легко управляемые, а потому зачастую не доставляют им серьезных проблем. При этом родители не видят и не понимают психологической опасности такой личностной ориентации детей. Эта опасность объективно существует пока лишь потенциально, в неявном виде. Но, как показывают наши результаты, когда дети вырастают, данная личностная особенность может начать провоцировать возникновение определенных проблем, о которых они заявляют психологу теперь уже самостоятельно.

11.3. Выводы

Результаты исследования консультационных случаев с проблемами взрослых людей позволяют сделать следующие выводы.

1. В 80% случаев с супружескими проблемами и в 78% случаев с личными проблемами обнаружено прямое или косвенное присутствие гиперопеки или сверхтребовательности. Прямое присутствие означает, что гиперопека или сверхтребовательность явно наблюдаются во взаимоотношениях взрослых людей, косвенное — указывает на то, что у взрослых людей наблюдаются типы личности, сформировавшиеся у них в детстве под влиянием гиперопеки или сверхтребовательности.

2. Представлены классификации случаев с супружескими и личными проблемами, сделанные на основе различных вариантов прямого или косвенного участия гиперопеки или сверхтребовательности в возникновении супружеских и личных проблем.

3. Показано, что тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, который, по нашему мнению, является традиционным среди клиентов обсуждаемых в нашей работе различных направлений психотерапии, также и в настоящее время преобладает среди клиентов психологической консультации с личными проблемами.

4. Результаты, изложенные в этой главе, подтверждают вторую гипотезу о том, что стратегия интегративного подхода может быть успешно использована для выявления личностных предпосылок многих супружеских и личных проблем клиентов, с которыми они обращаются за помощью в психологическую консультацию в настоящее время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ²⁰

Проведенный в настоящей работе анализ психотерапевтических теорий, авторами которых являются Э. Фромм, З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К. Роджерс и В. Франкл, объединяет общее положение о том, что в качестве важнейших предпосылок, способствующих возникновению у клиентов психотерапии многих проблем, являются особенности их личности, из которого следует основная цель психотерапии, заключающаяся в том, чтобы помочь клиентам устранить эти предпосылки. Однако, у всех этих авторов отсутствует единое, общее понимание того, в чем состоят эти личностные предпосылки, а следовательно, и единое, общее понимание конечной цели психотерапии.

На основе анализа работ Э. Фромма нами сформулированы три методологические положения, которые составляют основу предложенного в данной работе нового интегративного подхода к пониманию типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели, позволивший с единой, общей позиции рассмотреть различные точки зрения по этим вопросам, содержащиеся в работах З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла.

Первое положение указывает на объективно присущую человеческой жизни ее противоречивую заданность в виде экзистенциальных дихотомий, которые рассматриваются в работах Э. Фромма как объективно существующие в жизни человека неискоренимые двухальтернативные противоречия, свойственные его природе.

---

²⁰ Капустин С.А. Интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и психологического консультирования. М.: Когито-Центр, 2022 259 с; Капустин С.А. Критерии нормальной и аномальной личности в психотерапии и психологическом консультировании. М.: Когито-Центр, 2014. 239 с.; Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии. М.: Когито-Центр, 2013. 101 с.

Второе положение касается типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии. С точки зрения интегративного подхода, типичной, т.е. наиболее распространенной предпосылкой возникновения проблем у клиентов психотерапии является односторонняя ценностная позиция их личности по отношению к экзистенциальным дихотомиям. Личность с такой позицией характеризуется тем, что она игнорирует противоречивую заданность человеческой жизни в виде экзистенциальных дихотомий, признавая важным и значимым реализацию только каких-то одних из ее противоречивых сторон, одновременно препятствуя реализации других.

Различия между всеми этими авторами состоят лишь в понимании содержания этой ценностной позиции, которое определяется содержанием обсуждаемого в их работах конкретного, ключевого для них вида экзистенциальной дихотомии.

Дихотомия *социального—биологического*, находящаяся в фокусе внимания работ З. Фрейда, указывает на то, что, с одной стороны, человек, будучи биологическим организмом, должен жить в соответствии со своей биологической природой, в частности, подчиняясь требованиям своих инфантильных сексуальных влечений к их удовлетворению и получению от этого удовольствия, а с другой стороны, как член общества он должен жить в соответствии со своей социальной природой, подчиняясь моральным и эстетическим требованиям, предъявляемым обществом к объектом этих влечений и способам их удовлетворения.

Дихотомия *превосходства—общности*, обсуждаемая в работах А. Адлера, свидетельствует о том, что в соответствии с базовым мотивом достижения превосходства по сравнению с другими людьми, неизбежно возникающим у человека в качестве компенсации чувства неполноценности, жизнь человека направлена на достижение этого превосходства, предполагающее соперничество с другими людьми и получение различного рода преимуществ для себя лично, а в соответствии с врожденным мотивом чувства общности он должен жить в единении и согласии с другими людьми,

подчиняя свои личные интересы интересам общества.

В работах К. Юнга отмечается, что жизнь человека по своей природе задана как единство противоположностей. Поскольку противоречия могут возникать не только между противоположными, но и другими несовместимыми сторонами действительности, то из этого следует, что дихотомия *противоположностей* составляют более узкий класс экзистенциальных дихотомий. Для К. Юнга наиболее общим примером такого рода противоречия между противоположностями может служить противоречие между сознательными установками человека и противоположными компенсирующими эти установки требованиями со стороны его бессознательного.

Дихотомия *условных ценностей—самоактуализации*, представленная в работах К. Роджерса, означает, что человек должен следовать в своем личностном развитии врожденной ему тенденции к самоактуализации, и одновременно соответствовать препятствующим самоактуализации условным ценностям других людей ради удовлетворения его врожденной потребности в их положительном к нему отношении.

Дихотомия *детерминизма—самоопределения*, являющаяся центральной в работах В. Франкла, фиксирует тот факт, что жизнь человека во многом обусловлена различного рода биологическими, психологическими и социальными влияниями, но, вместе с тем, человек должен жить в соответствии со своей духовной природой как существо ответственное за самоопределение в смыслах своей жизни.

Третье положение характеризует цель психотерапии, которая следует из такого общего понимания личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии. Она заключается в изменении односторонних ценностных позиций клиентов на более компромиссные, признающие важность и значимость реализации в их жизни обеих сторон специфичной для каждой психотерапевтической теории экзистенциальной дихотомии. Причем эти изменения должны осуществляться клиентами самостоятельно и на

рациональной основе, а именно, на основе осознания ими в процессе психотерапии связи их собственных односторонних ценностных позиций по отношению к экзистенциальным дихотомиям с возникновением беспокоящих их проблем и вытекающего из этого осознания функционального решения о том, что изменение этих односторонних ценностных позиций на более компромиссные приведет к разрешению их проблем.

На материале исследования случаев, встречавшихся в нашей собственной практике психологического консультирования, а также семей, никогда не обращавшихся к психологу за помощью в решении каких-либо проблем, было показано, что стратегия интегративного подхода может быть успешно использована также и для выявления типичных личностных предпосылок многих детско-родительских, супружеских и личных проблем клиентов, обращающихся за психологической помощью в настоящее время.

Анализ случаев с детско-родительскими проблемами позволил сделать вывод о том, что главным фактором, влияющим на возникновение этих проблем, является односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, которая, проявляясь в используемых ими стилях воспитания, представляющих собой разновидности гиперопеки и сверхтребовательности, способствует формированию у детей трех типов личности с односторонними ценностными позициями по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям. Эти типы обозначены в работе как: ориентированный на внешнюю помощь; ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей; и ориентированный на протест против такого соответствия; и все они содержат в себе предпосылки возникновения у детей проблем социальной адаптации.

Среди семей, члены которых никогда не обращались в психологическую консультацию за помощью в решении каких-либо проблем, выявлен и описан стиль родительского воспитания, обозначенный как сбалансированный, в котором проявляется занимаемая родителями в воспитании своих детей

компромиссная ценностная позиция по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий. Эта позиция вырабатывается самими родителями на рациональной основе, а именно, целенаправленно и осознанно. Данный стиль воспитания способствует формированию у детей сбалансированного типа личности, для которого характерна компромиссная ценностная позиция по отношению к тем же, как у их родителей, видам экзистенциальных дихотомий. У детей с такой позицией, в соответствии с положениями интегративного подхода, отсутствуют личностные предпосылки для возникновения проблем социальной адаптации, и поэтому данные проблемы у них не наблюдаются.

В большинстве консультационных случаев с супружескими и личными проблемами взрослых людей обнаружено, что их возникновение тесно связано с односторонней ценностной позицией личности по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий или самих клиентов, или личности людей из их ближайшего окружения, прежде всего, супругов и родителей.

В соответствии с положениями интегративного подхода из такого понимания личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии следует первоочередная цель психологической помощи, которую мы стремились достичь также и в нашей практической работе, — помочь клиентам осознать связь их проблем с особенностями собственной личности, тем самым, создав условия для возможного самостоятельного изменения клиентами своих односторонних ценностных позиций на более компромиссные, признающие важность и значимость реализации в их жизни обеих сторон экзистенциальных противоречий.

Представленный в настоящей работе интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели указывает на важность для разработки научных основ практики психологической помощи человеку привлечения понятия экзистенциальных дихотомий, впервые предложенного в работах Э. Фромма, а также

характеристик содержания и формирования ценностных позиций личности клиентов по отношению к ним. Это понятие открывает перспективы для разработки возможных других новых психотерапевтических теорий на основе выявления новых экзистенциальных дихотомий, свойственных человеческой жизни, неадекватное разрешение которых может приводить к возникновению у людей проблем. Так, например, в нашем исследовании детско–родительских проблем, с которыми клиенты обращались в психологическую консультацию за помощью в их решении, была выявлена и описана новая экзистенциальная дихотомия *помощи—самостоятельности*, которая помогла понять важную роль личностных предпосылок родителей и детей возникновению у них проблем определенного типа. Суть этой дихотомии состоит в том, что, с одной стороны, ребенок объективно рождается крайне беспомощным, и поэтому для своего полноценного развития он нуждается во всесторонней помощи взрослых членов общества, прежде всего, своих родителей; с другой же стороны, как считают многие известные теоретики личности (Джемс, 2003; Леонтьев, 1975; Маслоу, 1999; Рубинштейн, 1989; Франкл, 1990; Фромм, 1990а; Юнг, 1994б; и др.), в жизни полноценно развитого человека должно обязательно присутствовать его самоопределение в ценностях собственной жизни, которое невозможно без развития самостоятельности.

Кроме того, идеи интегративного подхода, а также наши исследования указывают на важность учета этих объективно существующих в жизни человека экзистенциальных дихотомий в практике воспитания детей, поскольку возникновение типичных проблем у клиентов психотерапии и многих проблем у клиентов психологического консультирования является следствием именно таких способов их воспитания, которые не учитывают противоречивую природу устройства человеческой жизни.

Для дальнейшего развития идей интегративного подхода особый интерес представляет встречавшийся в нашей практике психологического консультирования тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей, который был наиболее

распространенным среди взрослых клиентов с личными проблемами. Предварительно показано, что он обладает такими личностными особенностями, которые допускают возможность его одновременного рассмотрения с теоретических позиций Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что именно данный тип, был когда-то наиболее распространенным среди клиентов различных направлений психотерапии и поэтому мог быть использован всеми этими авторами в качестве единого прототипа для разработки своих психотерапевтических теорий.

Еще одна важная задача дальнейшего развития идей интегративного подхода должна быть посвящена разработке конкретных технических средств достижения первоочередной цели психологического консультирования, определению границ его возможностей и эффективности. Первые наши работы в этом направлении уже были ранее опубликованы (Капустин, 1993, 1994б, 2004), но их явно недостаточно. Накопленный со времени этих публикаций практический опыт показывает, что разработка конкретных средств психологического консультирования, определение его возможностей и оценка эффективности должны осуществляться с учетом множества важных дополнительных факторов, прежде всего, желания родителей и супругов с односторонними ценностными позициями прийти на прием к психологу, личностных особенностей и возраста супругов и детей, степени тяжести проблем социальной адаптации детей, возможности отдельного проживания супругов или взрослых детей от родителей, материальной обеспеченности каждого из супругов, наличия у них детей, и др.

ВЫВОДЫ

1. На основе анализа представлений Э. Фромма о природе человека, продуктивной и непродуктивной личности сформулированы три базовых теоретических положения, составляющих основу разработанного нами нового интегративного подхода в психотерапии. *Первое* из них указывает на объективно присущую человеческой жизни ее противоречивую заданность в виде экзистенциальных дихотомий, *второе* – касается типичных личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии, заключающихся в односторонности их ценностных позиций по отношению к этим дихотомиям, и *третье* – характеризует цель психотерапии, состоящую в том, чтобы помочь клиентам осознать на собственном опыте связь их односторонних ценностных позиций с их проблемами, что является необходимым условием возможности самостоятельного изменения клиентами этих позиций на более компромиссные, в большей степени соответствующие противоречивой заданности человеческой жизни.

2. Результаты анализа психотерапевтических теорий З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла свидетельствуют о том, что эти три положения интегративного подхода следует рассматривать как методологические, поскольку они составляют общую основу, на которой строятся различные более частные представления всех этих авторов о личностных предпосылках проблем клиентов психотерапии и ее цели. Тем самым, интегративный подход также открывает перспективы для разработки возможных других новых психотерапевтических теорий, основывающихся на выявлении новых экзистенциальных дихотомий, свойственных человеческой жизни, неадекватное разрешение которых может приводить к возникновению у людей проблем.

3. Интегративный подход показал свою эффективность в выявлении типичных личностных предпосылок детско-родительских проблем клиентов психологической консультации. Установлено, что важнейшим фактором, влияющим на возникновение этих проблем, является односторонняя ценностная воспитательная позиция родителей по отношению к определенным экзистенциальным дихотомиям, которая, проявляясь в используемых ими стилях воспитания гиперопеки и сверхтребовательности, способствует формированию у детей типов личности с односторонними ценностными позициями по отношению к тем же самым экзистенциальным дихотомиям, содержащих в себе предпосылки возникновения у детей проблем социальной адаптации. Также выявлена новая экзистенциальная дихотомия помощи—самостоятельности, которая помогла понять важную роль личностных предпосылок родителей и детей в возникновении у них такого рода проблем.

4. Интегративный подход показал свою эффективность в выявлении особенностей личности родителей и детей в семьях, никогда не обратившихся в психологическую консультацию за помощью в решении каких-либо проблем. В этих семьях распространен сбалансированный стиль воспитания, в котором проявляется занимаемая родителями в воспитании своих детей компромиссная ценностная позиция по отношению к определенным видам экзистенциальных дихотомий, способствующая формированию у детей сбалансированного типа личности с компромиссной ценностной позицией по отношению к тем же, что и у их родителей, видам экзистенциальных дихотомий, не содержащего в себе предпосылок возникновения у детей проблем социальной адаптации.

5. Интегративный подход показал свою эффективность в выявлении личностных предпосылок супружеских и личных проблем клиентов психологической консультации. В большинстве случаев их возникновение тесно связано с односторонней ценностной позицией личности по отношению

к определенным видам экзистенциальных дихотомий или самих клиентов, или личности людей из их ближайшего окружения, прежде всего, супругов и родителей.

6. Для дальнейшего развития идей интегративного подхода особый интерес представляет встречавшийся в психологической консультации тип личности, ориентированный на соответствие своего поведения требованиям других людей. Предварительно показано, что он обладает такими личностными особенностями, которые допускают возможность его одновременного рассмотрения с теоретических позиций Э. Фромма, З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, К. Роджерса и В. Франкла. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что именно данный тип был когда-то наиболее распространенным среди клиентов различных направлений психотерапии и поэтому мог быть использован всеми этими авторами в качестве единого прототипа для разработки своих психотерапевтических теорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова–Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К.А. Абульханова–Славская // Психология формирования и развития личности. – М.: Наука, 1981. – С. 19–45.
2. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии / А. Адлер. – М.: Прагма, 1993. – 175 с.
3. Адлер А. Наука жить / А. Адлер. – Киев: Post Royal, 1997а. – 287 с.
4. Адлер А. О нервическом характере / А. Адлер. – СПб.: Университетская книга; М.: АСТ, 1997б. – 385 с.
5. Адлер А. Понять природу человека / А. Адлер. – СПб.: Академический проект, 1997в. – 256 с.
6. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 448 с.
7. Айзенк Г.Ю. Структура личности / Г.Ю. Айзенк. – СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. – 464 с.
8. Айнсворт М. Привязанность за порогом младенчества / М. Айнсворт // Детство идеальное и настоящее: сб. работ совр. западных ученых / отв. ред. Е.Р. Слободская. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1994. – С. 110–131.
9. Александровская Э.М. Адаптированный модифицированный вариант детского личностного вопросника Р. Кеттела / Э.М. Александровская, И.Н. Гильяшева. – М.: Фолиум, 1995. – 40 с.
10. Алексеева Э.Г. Анализ семейных форм социального родительства в современной России / Э.Г. Алексеева // Вестник Башкирского университета. Серия: философия, социология, психология и культура. – 2008. – № 3. – С. 644–646.
11. Алешина Ю.Е. Цикл развития семьи: исследования и проблемы / Ю.Е. Алешина // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1987. – № 2. – С. 60–66.
12. Алешина Ю.Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений / Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 120 с.
13. Андреева Т.В. Психология современной семьи / Т.В. Андреева. – СПб.: Речь, 2005. – 434 с.
14. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы / Л.И. Анцыферова // Психология формирования и развития личности: Сборник статей / отв. ред. Л.И. Анцыферова. – М.: Наука, 1981. – С. 3–18.

15. Архиреева Т.В. Родительские позиции как условие развития отношения к себе ребенка младшего школьного возраста: дис. ... канд. психол. наук. 19.00.07 / Архиреева Татьяна Викторовна; НИИОПП; науч. рук. А.А. Бодалев. – М., 1990. – 169 с.
16. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / Ф. Арьес. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 1999. – 415 с.
17. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – М.: Смысл, Издат. центр «Академия», 2007. – 526 с.
18. Байярд Р.Т. Ваш беспокойный подросток: практическое руководство для отчаявшихся родителей / Байярд Р.Т., Байярд Д. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
19. Бандура А. Теория социального научения / А. Бандура. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
20. Барабанщиков В.А. Системный подход в структуре психологического познания / В.А. Барабанщиков // Методология и история психологии. – 2007. – № 1. – С. 86–99.
21. Барабанщиков В.А. Системность. Восприятие. Общение / В.А. Барабанщиков, В.Н. Носуленко. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 479 с.
22. Баттерворт Д. Принципы психологии развития / Д. Баттерворт, М. Харрис – М.: Когито–Центр, 2000. – 342 с.
23. Институт родительства как психолого-педагогический феномен: материнское и отцовское воспитание / М.И. Бекоева, М.Ю. Хуриева // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. – 2014. – № 3. – С. 127–132.
24. Белопольская Н.Л. Комбинированный критерий для оценки состояния психического здоровья / Н.Л. Белопольская // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – М.: Когито–Центр, 2015. – С. 30–33.
25. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы / Э. Берн. – М.: Прогресс, 1988. – 400 с.
26. Психология личностного роста / Н.Р. Битянова. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 64 с.
27. Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека / А.А. Бодалев. – М.: Флинта; Наука, 1998. – 168 с.

28. Бодалев А.А. Общая психодиагностика / А.А. Бодалев, В.В. Столин, В.С. Аванесов. – СПб: Речь, 2000. – 440 с.
29. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. – М.: Просвещение, 1968. – 317 с.
30. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избр. психол. труды / Л.И. Божович / ред. Д.И. Фельдштейн. – М.: Изд-во «Ин-т практич. психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 352 с.
31. Борисенко Ю.В. Родительство в контексте личной зрелости / Ю.В. Борисенко, А.Г. Портнова // Семейная психология и семейная терапия. – 2008. – № 4. – С.41–57.
32. Борисова И.А. Особенности самооценки младших школьников с разными типами эмоциональной привязанности к матери: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. / Борисова Ирина Александровна; МГУ имени М.В.Ломоносова; науч. рук. Г.В. Бурменская. – М., 2007. – 181 с.
33. Боулби Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 447 с.
34. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей / Дж. Боулби. – М.: Академический проект, 2006. – 238 с.
35. Братусь Б.С. Аномалии личности / Б.С. Братусь. – М.: Мысль, 1988. – 304 с.
36. Браун Дж. Теория и практика семейной психотерапии / Дж. Браун, Д. Кристенсен. – СПб.: Питер, 2001. – 351 с.
37. Бриш К.Х. Терапия нарушений привязанности: от теории к практике / К.Х. Бриш. – М.: Когито– Центр, 2012. – 319 с.
38. Брутман В.И. Особенности семейного воспитания и личностные характеристики женщин, бросающих своих детей / В.И. Брутман, А.Я. Варга, М.С. Родионова // Психология сегодня: Ежегодник Рос. психол. общества. – М., 1996. – Т. 2. – Вып. 4. – С. 151–152.
39. Будневская Т.А. Компенсация неудачи в реализации стремления к автономии в подростковом возрасте / Т.А. Будневская, Т.С. Стоделова, Н.Е. Харламенкова // Современная личность: Психологические исследования / отв. ред. М.И. Володинова, Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – С. 362–377.
40. Бурменская Г.В. Мировосприятие детей с разными типами привязанности к матери / Г.В. Бурменская // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 21–35.
41. Брызгунов И.П. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью / И.П. Брызгунов, Е.В. Касатикова. – М.: Медпрактика-М, 2002. – 128 с.
42. Буянов М.И. Ребенку нужна родительская любовь / М.И. Буянов. – М.: Знание, 1984. – 77 с.

43. Буянов М.И. Ребенок из неблагополучной семьи: записки детского психиатра / М.И. Буянов. – М.: Просвещение, 1988. – 207 с.
44. Бютнер К. Жить с агрессивными детьми / К. Бютнер. – М.: Педагогика, 1991. – 141 с.
45. Вагенас Э. Динамика агрессивности у дошкольников в условиях разных стилей воспитания // дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Вагенас Элисиос; ИРЛ РАО; науч. рук. Т.Д. Марцинковская. – М., 1995. – 261 с.
46. Варга А.Я. Структура и типы родительского отношения // дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Варга Анна Яковлевна; МГУ имени М.В.Ломоносова; науч. рук. В.В. Столин. – М., 1986. – 206 с.
47. Варга А.Я. Системная психотерапия супружеских пар / А.Я. Варга. – М.: Когито–Центр, 2017. – 340 с.
48. Василюк Ф.Е. Психология переживания / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
49. Василюк Ф.Е. Психотехника переживания: Учебное пособие / Ф.Е. Василюк. – М.: ТПО Ахилл, 1991. – 24 с.
50. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери / Д.В. Винникотт. – М.: Незав. фирма «Класс», 1998. – 76 с.
51. Винникотт Д.В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. / Д.В. Винникотт. – Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. – 390 с.
52. Винникотт Д.В. Разговор с родителями / Д.В. Винникотт. – М.: Незав. фирма «Класс», 2007. – 94 с.
53. Витакер К. Полночные размышления семейного психотерапевта / К. Витакер. – М.: Незав. фирма «Класс», 1998. – 208 с.
54. Возрастная психология: Личность от молодости до старости / М.В. Гомезо [и др.]. – М.: Пед. общ-во России: «Ноосфера», 1999. – 269 с.
55. Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков / Г.В. Бурменская [и др.]. – М.: Академия, 2002. – 416 с.
56. Волкова Е.М. Трудные дети или трудные родители? / Е.М. Волкова. – М.: Профиздат, 1992. – 94 с.
57. Волчок В.П. Психология семейного воспитания: Учебно-методическое пособие / В.П. Волочок. – Витебск.: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2005. – 245 с.
58. Воронова А.А. Взаимосвязь самоактуализации матери и ее отношения к ребенку / А.А. Воронова // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. – СПб., 2008. – № 34(74). – Часть 2. (Педагогика, психология, теория и методика обучения). – С. 100–105.

59. Вудвортс Р. Методы шкалирования / Р. Вудвортс, Г. Шлосберг // Проблемы и методы психофизики / ред. А.Г. Асмолов, М.Б. Михалевская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. – С. 208-211.
60. Выготский Л.С. / Л.С. Выготский Собр. соч.: В 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982–1984. – 2560 с.
61. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций / Л.С. Выготский. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 500 с.
62. Ганнушкин П.Б. Постановка вопроса о границах душевного здоровья / П.Б. Ганнушкин // Ганнушкин П.Б. Избранные труды. – М.: Медицина, 1964. – С. 97–108.
63. Гаранина Е.Ю. Семейное воспитание / Е.Ю. Гаранина, Н.А. Коноплева, С.Ф. Карабанова. – М.: Флинта, МПСИ, 2009. – 382 с.
64. Гарбузов В.И. Нервные дети / В.И. Гарбузов. – Л.: Медицина, 1990. – 172 с.
65. Гарбузов В.И. Неврозы у детей и их лечение / В.И. Гарбузов, А.И. Захаров, Д.Н. Исаев. – Л.: Медицина, 1977. – 271 с.
66. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения / М.Р. Гинзбург // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 160 -165.
67. Гиппенрейтер Ю.Б. Чувства и конфликты / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2014. – 159 с.
68. Гиппенрейтер Ю.Б. Большая книга общения с ребенком / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2016. – 492 с.
69. Гиппенрейтер Ю.Б. О воспитании детей. Пособие для родителей / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2016. – 112 с.
70. Гиппенрейтер Ю.Б. Счастливый ребенок: новые вопросы и новые ответы / Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: АСТ, 2016. – 352 с.
71. Глейтман Г. Основы психологии / Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг. – СПб.: Речь, 2001. – 1247 с.
72. Горленко В. П. Семейное воспитание. Основы родительства: практическое руководство / В. П. Горленко. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – 48 с.
73. Грицай Л.А. Социально-психологический аспект изучения современного российского родительства / Л.А. Грицай // Психология эффективного родительства: Материалы международной научно-практической конференции. – Курск: КГМУ, 2011. – С. 153–158.
74. Гуревич П.С. Философское постижение человека / П.С. Гуревич, И.Т. Фролов // Человек: мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения / редкол.: И.Т. Фролов и др.; сост. П.С. Гуревич. – М.: Политиздат, 1991. – С. 3–19.

75. Джемс У. Научные основы психологии / У. Джемс. – Минск: Харвест, 2003. – 528 с.
76. Дзукаева В.П. Роль матери и отца в развитии индивидуации юношей и девушек: кросс-культурный аспект / В.П. Дзукаева, Т.Ю. Садовникова // Национальный психологический журнал. – 2014. – №4 (16). – С. 52–63.
77. Дитюк А.А. Психологическое содержание понятия «сепарация»: история изучения и близкие понятия / А.А. Дитюк // Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 7. – СПб.: ООО СВИВТ, 2013. – С. 49– 59.
78. Дитюк А.А. Влияние психологической сепарации на социальную адаптацию личности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Дитюк Анастасия Александровна; СПбГУ; науч. рук. С.А. Векилова. – СПб., 2019. – 348 с.
79. Дружинин В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
80. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии / В.Н. Дружинин. – М.: Per Se, 2005. – 135 с.
81. Ермихина М.О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ермихина Мария Олеговна; КГТУ им. А.Н. Туполева; науч. рук. Р.В. Овчарова. – Казань, 2004. – 168 с.
82. Евсикова Н.И. Метод беседы / Н.И. Евсикова, С.А. Капустин // Общий психологический практикум: Учебник для ВУЗов. Стандарт третьего поколения / ред. С.А. Капустин. – СПб.: Питер, 2017. – С. 102–132.
83. Ермолаева М.В. Психология развития / М.В. Ермолаева. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2008. – 372 с.
84. Жигалин С. С. Формирование адекватных родительских позиций как способ коррекции воспитательной практики семьи подростка: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Жигалин Станислав Сергеевич; КГУ; науч. рук. Р.В. Овчарова. – Курган, 2004. – 26 с.
85. Забродин Ю.М. Методологические проблемы исследования и моделирования функциональных состояний человека-оператора / Ю.М. Забродин // Психические состояния и эффективность деятельности / ред. Ю.М. Забродин. – М.: Изд-во ИПРАН, 1983. – С. 3–28.
86. Заваденко Н.Н. Диагностика и лечение синдрома дефицита внимания у детей / Н.Н. Заваденко, Т.Ю. Успенская, Н. Ю. Суворинова // Журнал неврологии и психиатрии. – 1997. – № 1. – С. 57–61.
87. Захаров А.И. Психотерапия неврозов у детей и подростков / А.И. Захаров. – Л.: Медицина, 1982. – 216 с.

88. Захаров А.И. Как преодолеть страхи у детей / А.И. Захаров. – М.: Педагогика, 1986. – 109 с.
89. Захаров А.И. Неврозы у детей и подростков / А.И. Захаров. – Л.: Медицина, 1988. – 246 с.
90. Захаров А.И. Как предупредить отклонения в поведении ребенка / А.И. Захаров. – М.: Просвещение, 1993. – 127 с.
91. Захаров А.И. Предупреждение отклонений в поведении ребенка / А.И. Захаров. – СПб.: Союз, 1997. – 224 с.
92. Захаров А.И. Неврозы у детей и психотерапия / А.И. Захаров. – СПб.: Союз, 1998. – 336 с.
93. Захарова Е.И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции / Е.И. Захарова // Культурно-историческая психология. – 2008. – № 2. – С. 24- 28.
94. Захарова Е.И. Смысловое содержание ценностной направленности матерей дошкольников / Е.И. Захарова // Тезисы 3-ей междунар. науч. конф. «Психологические проблемы современной семьи» (6–8 окт. 2007 г.). – М., 2007. – Ч. 1. – С. 374–384.
95. Захарова Е.И. Особенности мотивационной сферы матерей с детьми младенческого, раннего и дошкольного возраста / Е.И. Захарова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 97–109.
96. Захарова Е.И. Психология освоения родительства / Е.И. Захарова. – М.: МГОУ, 2014. – 257 с.
97. Иванников В.А. Основы психологии. Курс лекций / В.А. Иванников. – СПб.: Питер, 2010. – 336 с.
98. Ижванова Е.М. Особенности материнского воспитания как фактор успешности взаимоотношений младшего подростка со сверстниками / Е.М. Ижванова // Психотерапия. – 010. – № 7. – С. 47–52.
99. Ильин Е.Н. Психология общения и межличностных отношений / Е.Н. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 573 с.
100. Кадырова З.Р. Формирование нравственных норм у старших дошкольников в разных условиях семейного воспитания: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Кадырова Зухра Рашидовна; МГУ имени М.В.Ломоносова. – М., 1987. – 26 с.
101. Калинина Р.Р. Прикоснись к душе ребенка / Р.Р. Калинина. – СПб: Речь, 2011. – 160 с.
102. Калмыкова Е.С. Взаимосвязь типа привязанности и признаков посттравматического стресса / Е.С. Калмыкова, С.А. Комиссарова,

- М.А. Падун, В.А. Агарков // Психологический журнал. – 2002. – № 23(6). – С. 89–С 98.
103. Калмыкова Е.С. Качество привязанности как фактор устойчивости к психической травме / Е.С. Калмыкова, М.А. Падун // Журнал практического психолога и психоанализа. – 2002. – № 1. – С. 35–44.
104. Калмыкова Е.С. Роль типа привязанности в генезе и динамике аддиктивного поведения / Е.С. Калмыкова, М.А. Гагарина, М.А. Падун // Психологический журнал. – 2007. – № 2. С. – 107–114.
105. Капустин С.А. Проблема механизмов образования невротических симптомов / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1993. – № 1. – С. 24–31.
106. Капустин С.А. Границы возможностей психологического консультирования / С.А. Капустин // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С. 50–56.
107. Капустин С.А. Поляризованная оценочная позиция как универсальная причина проблем клиентов психологической консультации / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1994а. – № 1. – С. 7–18.
108. Капустин С.А. Деполяризация оценочной позиции клиента как метод психологического консультирования / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1994б. – № 3. – С. 13–19.
109. Капустин С.А. Теории нормальной и аномальной личности в классических направлениях психотерапии: проблема интеграции / С.А. Капустин. – М.: ООО УМК «Психология», 2000. – 96 с.
110. Капустин С.А. Границы возможностей психологического консультирования / С.А. Капустин // Психологическое консультирование и психотерапия / сост. А.Б. Орлов. – М.: ООО «Вопросы психологии», 2004. – С. 52–58.
111. Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальности и аномальности личности в классических направлениях психологии и психотерапии / С.А. Капустин. – М.: Когито–Центр, 2013. – 101 с.
112. Капустин С.А. Критерии нормальной и аномальной личности в психотерапии и психологическом консультировании / С.А. Капустин. – М.: Когито–Центр, 2014. – 239 с.
113. Капустин С.А. Стили родительского воспитания в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2014. – № 4. – С. 76–90.

114. Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия для оценки личности гиперопекающих и сверхтребовательных родителей в семьях клиентов психологической консультации по детско-родительским проблемам / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. – 2015а. – № 2. – С. 51–62.
115. Капустин С.А. Особенности личности детей в семьях клиентов психологической консультации / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2015б. – № 1. – С. 79–87.
116. Капустин С.А. Сбалансированный стиль родительского воспитания и его влияние на развитие личности детей / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2015в. – № 4. – С. 119–129.
117. Капустин С.А. Экзистенциальный критерий нормальной и аномальной личности в психотерапии / С.А. Капустин // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белополюская. – М.: Когито–Центр, 2015. – С. 11–21.
118. Капустин С.А. Использование результатов исследования семей с детско-родительскими проблемами в практике психологического консультирования взрослых людей / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия. 14. Психология. – 2016. – № 1. – С. 79– 95.
119. Капустин С.А. Влияние гиперопеки (сверхтребовательности) на возникновение супружеских проблем / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 62–69.
120. Капустин С.А. Использование экзистенциального критерия нормальной и аномальной личности для психологического анализа случая Петра Павленского / С.А. Капустин // Неврологический вестник. – 2016. – Т. XLVIII. – № 2. – С. 47–50.
121. Капустин С.А. Вклад У. Джемса в представления о личности как психологической реальности / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2017. – №1. – С. 64–71.
122. Капустин С.А. Метод наблюдения / С.А. Капустин // Общий психологический практикум: Учебник для ВУЗов. Стандарт третьего поколения / ред. С.А. Капустин. – СПб.: Питер, 2017. – С. 16–36.
123. Капустин С.А. Метод эксперимента / С.А. Капустин // Общий психологический практикум: Учебник для ВУЗов. Стандарт третьего поколения / ред. С.А. Капустин. – СПб.: Питер, 2017. – С. 452–470.

124. Капустин С.А. Новый критерий нормальной и аномальной личности / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2018. – № 2. – С. 13–21.
125. Капустин С.А. Психология — практике воспитания личности / С.А. Капустин. – М.: Когито–Центр, 2018. – 96 с.
126. Капустин С.А. Интегративный подход к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и психологического консультирования / С.А. Капустин. – М.: Когито–Центр, 2022. – 259 с.
127. Капустин С.А. Методологическое значение работ Э. Фромма для разработки интегративного подхода к пониманию личностных предпосылок проблем клиентов психотерапии и ее цели / С.А. Капустин // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2024. – № 2. – С. 61–79.
128. Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах З. Фрейда и А. Адлера с точки зрения интегративного подхода / С.А. Капустин // Национальный психологический журнал. – 2024. – № 2. – С. 99–108.
129. Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах В. Франкла с точки зрения интегративного подхода / С.А. Капустин // Человеческий капитал. – 2024. – № 6. – С. 44–51.
130. Капустин С.А. Типичные личностные предпосылки проблем клиентов психотерапии и ее цель в работах К. Юнга и К. Роджерса с точки зрения интегративного подхода / С.А. Капустин // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2024. – № 3. – С. 185–203.
131. Карabanова О.А. Психология семейных отношений / О.А. Карabanова. – Самара: Изд-во СИОКПП, 2001. – 120 с.
132. Карabanова О.А. Возрастная психология: Конспект лекций / О.А. Карabanова. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 239 с.
133. Карabanова О.А. Роль семьи в моральном развитии ребенка. / О.А. Карabanова, С.В. Молчанов. – М.: НКО «Дар Москва», 2007. – 156 с.
134. Карabanова О.А. Развитие личностной автономии подростков в отношениях с родителями и сверстниками / О.А. Карabanова, Н.Н. Поскребышева // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 2. – С. 36–47.
135. Ковалев С.В. Психология семейных отношений / С.В. Ковалев. – М.: Педагогика, 1987. – 160 с.

136. Кован Ф. Взаимоотношение в супружеской паре, стиль родительского поведения и развитие ребенка / Ф. Кован, К. Кован // Вопросы психологии. – 1989. – № 4. – С. 110–118.
137. Козюля В.Г. Психодиагностика детей и подростков. Применение теста СМОЛ. – М.: Фолиум, 1994. – Вып. 5. – 64 с.
138. Кошелева А.Д. Диагностика и коррекция материнского отношения / А.Д. Кошелева, А.С. Алексеева. – М.: НИИ семьи, 1997. – 154 с.
139. Кошелева А.Д. Диагностика и коррекция гиперактивности ребенка / А.Д. Кошелева, А.С. Алексеева. – М.: НИИ семьи, 1997. – 60 с.
140. Крайг Г. Психология развития / Г. Крайг. – СПб.: Изд-во Питер, 2004. – 939 с.
141. Кэмпбелл Р. Как любить своего подростка / Р. Кэмпбелл. – СПб: Мирт, 1998. – 155 с.
142. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Киев: Вища школа, 1981. – 390 с.
143. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
144. Леонтьев А.Н. Категория деятельности в современной психологии / А.Н. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1979. – № 3. – С. 11–15.
145. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 584 с.
146. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии / А.Н. Леонтьев // Вопросы психологии. – 1986. – № 4. – С. 109–120.
147. Леус Т. Папины дочки и маменькины сынки: игры, в которые играют семьи / Т. Леус. – М.: АСТ, 2008. – 254 с.
148. Лидерс А.Г. Семья как психологическая система: очерки психологии семьи / А.Г. Лидерс. – М.; Обнинск: Соц. науки, 2004. – 296 с.
149. Литвинова А.В. Психологическая сепарация от родителей как условие развития целеполагания студентов / А.В. Литвинова // Психолого-педагогические исследования. – 2020. – № 1. – С. 59–71.
150. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – Л.: Медицина, 1983. – 256 с.
151. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–46.
152. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1999. – 349 с.
153. Ломов Б.Ф. Системность в психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011. – 423 с.

154. Лукьянченко Н.В. Семья как фактор психоэмоционального благополучия подростков / Н.В. Лукьянченко // Воспитание школьников. – 2011. – № 5. – С. 50–58.
155. Люшер М. Цвет вашего характера / М. Люшер. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, Вече, 1997. – 240 с.
156. Мадди С. Теории личности: сравнительный анализ / С Мадди. – СПб.: Речь, 2002. – 538 с.
157. Маленова А.Ю. Феномен сепарации: определение проблемного поля исследования / А.Ю. Маленова, Ю.В. Потапова // Вестник Омского университета. Серия «Психология». – 2013. – № 2. – С. 41–48.
158. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И.М. Марковская. – СПб.: Речь, 2000. – 149 с.
159. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений / И.М. Марковская. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 91 с.
160. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.
161. Матвеева Л.Г. Практическая психология для родителей или что я могу узнать о своем ребенке / Л.Г. Матвеева, И.В. Выбойщик, Д.Е. Мякушкин. – М.: АСТ-Пресс, 1997. – 316 с.
162. Матейчик Э. Родители и дети / Э. Матейчик. – М.: Просвещение, 1992. – 318 с.
163. Мельников В.М. Введение в экспериментальную психологию личности / В.М. Мельников, Л.Т. Ямпольский. – М.: Просвещение, 1985. – 319 с.
164. Микулинцер М. Взгляд на психопатологию с точки зрения теории привязанности / М. Микулинцер, Ф.Р. Шейвер // Всемирная психиатрия. – 2012. – № 11(1). – С. 13–17.
165. Миллер Дж. Правила счастливых семей: Книга ответственных родителей / Дж. Миллер, К. Миллер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 227 с.
166. Мишина Т.М. Психологическое исследование супружеских отношений при неврозах / Т.М. Мишина // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях / ред. В.К. Мягер, Р.А. Зачепацкий. – Л.: ЛНИПИ, 1978. – С. 13–20.
167. Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев. – М.: URSS, 2010. – 238 с.
168. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития / В.С. Мухина. – М.: Академия, 2011. – 655 с.
169. Нартова–Бочавер С.К. 140 вопросов семейному психологу / С.К. Нартова–Бочавер, Г.К. Кислица, А.В. Потапова – М.: Генезис, 2002. – 355 с.

170. Некрасов А. А. Материнская любовь / А.А. Некрасов. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 95 с.
171. Некрасов С.И. К вопросу о понятии родительство и его сущности / С.И. Некрасов, Э.М. Луценко // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 124–128.
172. Нестерова Е.А. Формирование эффективного родительства через развитие личностной зрелости родителей младших школьников: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Нестерова Евгения Александровна; КГТУ им. А.Н. Туполева. – Казань, 2005. – 22 с.
173. Николаева Л.А. Взаимосвязь типов психологической привязанности супругов к матери и их конфликтного поведения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Николаева Любовь Александровна; ЯрГУ им. П.Г. Демидова; науч. рук. М.М. Кашапов. – Ярославль, 2008. – 192 с.
174. Обухова Л.Ф. Семья и ребёнок: психологический аспект детского развития / Л.Ф. Обухова, О.А. Шаграева. – М.: Жизнь и мысль, 1999. – 166 с.
175. Овчарова Р.В. Психология родительства / Р.В. Овчарова. – М.: Академия, 2005. – 362 с.
176. Овчарова Р.В. Родительская позиция как психологический феномен / Р.В. Овчарова // Экономика. Психология. Бизнес. – 2004. – № 2. – С. 98–101.
177. Овчарова Р.В. Родительская позиция как система отношений родителя / Р.В. Овчарова, С.С. Жигалин // Актуальные вопросы теории и практики психологии отношений: Материалы Всерос. науч.–практ. конференции / ред. С.А. Минюрова, С.В. Духновский. – Екатеринбург, УрГПУ, 2010. – С. 168–178.
178. Озерина А.А. Психологические подходы к исследованию и диагностике возрастных норм психического развития / А.А. Озерина // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белополюская. М.: Когито–Центр, 2015. – С. 11–21.
179. Олпорт Г. Становление личности: избранные труды / Г. Олпорт. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
180. Осина О.В. Отцовство и материнство как базовые составляющие феномена родительства / О.В. Осина // Вестник магистратуры. – 2015. – № 3(42). – С. 90–92.
181. Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии / Ф. Перлз. – М.: Либрис, 1996. – 240 с.

182. Перре М., Бауманн У. Клиническая психология и психотерапия / М. Перре, У. Бауманн. – СПб.: Питер, 2012. – 944 с.
183. Петровский А.В. Дети и тактика семейного воспитания / А.В. Петровский. – М.: Знание, 1981. – 95 с.
184. Популярная психология для родителей / ред. А.С. Спиваковская. – СПб.: Союз, 1997. – 301 с.
185. Поскребышева Н.Н. Социальная ситуация развития как условие становления личностной автономии подростка: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Поскребышева Наталия Николаевна; МГУ имени М.В.Ломоносова; науч. рук. О.А. Карабанова. – М., 2010. – 244 с.
186. Поскребышева Н.Н. Возрастно-психологический подход в исследовании личностной автономии подростка / Н.Н. Поскребышева, О.А. Карабанова // Национальный психологический журнал. – 2014. – №1. – С. 74–85.
187. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А.М. Прихожан. – М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. – 304 с.
188. Психология выбора / Д.А. Леонтьев [и др.]. – М.: Смысл, 2015. – 463 с.
189. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / ред. Е.Г. Силаева. – М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 190 с.
190. Психология развития / ред. А.К. Болотова, О.Н. Молчанова. – М.: ЧеРо, 2005. – 524 с.
191. Психология развития / ред. Т.Д. Марцинковская. – М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 336 с.
192. Психология человека от рождения до смерти / ред. А.А. Реан. – СПб.: Прайм–Еврознак, 2001. – 652 с.
193. Пупырева Е.В. Эмоциональная привязанность к матери как фактор становления автономии личности в младшем школьном возрасте: дис. ... канд. психол. наук / 19.00.13: Пупырева Екатерина Вадимовна; МГУ имени М.В.Ломоносова; науч. рук. Бурменская Галина Васильевна. – М., 2007. – 225 с.
194. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс. – СПб.: Питер, 2000. – 812 с.
195. Раттер М. Помощь трудным детям / М. Раттер. – М.: Прогресс, 1987. – 424 с.
196. Ревонсуо А. Психология сознания / А. Ревонсуо. – СПб.: Питер, 2013. – 336 с.
197. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 319 с.

198. Ричардсон Р. Силы семейных уз / Р. Ричардсон. – СПб.: Акцидент, Ленато, 1994. – 134 с.
199. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М.: Прогресс, Универс, 1994. – 480 с.
200. Роджерс К. Клиенто-центрированная терапия / К. Роджерс. – М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. – 317 с.
201. Роджерс К. Психология супружеских отношений / К. Роджерс. – М.: Эксмо, 2002. – 286 с.
202. Роджерс К. Консультирование и психотерапия: новейшие подходы к области практической работы / К. Роджерс. – М.: Психотерапия. 2006. – 512 с.
203. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1989. – Т. 2. – 328 с.
204. Савина Е.А. Родительские представления и установки: понятие, виды, структура / Е.А. Савина // Семейная психология и семейная терапия. – 2001. – № 3. – С. 85–95.
205. Сатир В. Как строить себя и свою семью / В. Сатир. – М.: Педагогика-Пресс, 1992. – 190 с.
206. Сатир В. Вы и ваша семья / В. Сатир. – М.: Апрель-Пресс, Институт общегуманитарных исследований, 2014. – 288 с.
207. Семья, брак и родительство в современной России / отв. ред. Т.В. Пушкарева, М.Н. Швецова, К.Б. Зуев. – М.: Когито-Центр, 2014. – 277 с.
208. Семья в психологической консультации. Опыты и проблемы психологического консультирования / ред. А.А. Бодалев, В.В. Столин. – М.: Педагогика, 1989. – 206 с.
209. Семья и формирование личности / ред. А.А. Бодалев. – М.: НИИОП, 1981. – 96 с.
210. Семья: психология, педагогика, социальная работа / ред. А.А. Реан. – М.: АСТ, 2010. – 576 с.
211. Сермягина О.С. Эмоциональные отношения в семье / О.С. Сермягина. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 85 с.
212. Сизикова И. Страх разделения. От детского возраста до взрослого / И. Сизикова. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. – 132 с.
213. Симпсон Р.Л. Модификация поведения ребенка / Р.Л. Симпсон // Помощь родителям в воспитании детей / ред. В.Я. Пилиповский. – М.: Прогресс, 1992. – С. 119–145.

214. Синягина Н.Ю. Психолого–педагогическая коррекция детско-родительских отношений / Н.Ю. Синягина. – М.: Изд-во Владос, 2001. – 93 с.
215. Смирнова Е.О. Становление межличностных отношений в раннем онтогенезе / Е.О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 5–15.
216. Смирнова Е.О. Опыт исследования структуры и динамики родительского отношения / Е.О. Смирнова, М.В. Быкова // Вопросы психологии. – 2000. – № 3. – С. 3–14.
217. Смирнова Е.О. Варианты нормативных моделей материнства у современных женщин / Е.О. Смирнова, С.В. Трушкина // Социология образования. Труды по социологии образования / ред. В.С. Собкин. – М.: Институт социологии образования РАО, 2011. – Т. XV. – Вып. XXVI. – С. 122–135.
218. Собчик Л.Н. Методы психологической диагностики / Л.Н. Собчик. – М.: МКЦ ГУ по труду и социальным вопросам Мосгорисполкома, 1990. – Вып. 1, 2, 3. – 210 с.
219. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности / Л.Н. Собчик. – М.: Институт прикладной психологии, 1998. – 512 с.
220. Соколова В.В. Отцы и дети в меняющемся мире / В.В. Соколова, Г.Я. Юзефович. – М.: Просвещение, 1991. – 219 с.
221. Соколова Е.Т. Психотерапия: теория и практика / Е.Т. Соколова. – М.: Академия, 2008. – 367 с.
222. Соловьева С.Л. Психическая норма в медицинской психологии / С.Л. Соловьева // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – М.: Когито–Центр, 2015. – С. 22–29.
223. Спиваковская А.С. Как быть родителями / А.С. Спиваковская. – М.: Педагогика, 1986. – 157 с.
224. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов / А.С. Спиваковская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 200 с.
225. Спиваковская А. С. Фрагменты беатотерапии / А.С. Спиваковская. – М.: Беато–пресс, 2009. – 224 с.
226. Спирева Е.Н. Психогенность стиля семейного воспитания как показатель неудовлетворенности браком / Е.Н. Спирева, А.Г. Лидерс // Семейная психология и семейная терапия. – 2001. – № 4. – С. 71–74.
227. Сухарева Г.Е. Психогенные патологические реакции (неврозы) / Г.Е. Сухарева, Л.С. Юсевич // Многотомное руководство по педиатрии. Т. 8. – М.: Медгиз, 1965. – С. 332–352.

228. Сухарева Г.Е. Лекции по психиатрии детского возраста: Избранные главы / Г.Е. Сухарева. – М.: Никулин А.Л., 1998. – 319 с.
229. Сытько Т.И. Структура и типы родительско–детских отношений в процессе семейной сепарации: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Сытько Тамара Ивановна; ФГБОУ ВПО ГУУ; науч. рук. В.С. Агапов. – М., 2014. – 213 с.
230. Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития / Ф. Тайсон, Р.Л. Тайсон. – М.: Когито–Центр, 2013. – 406 с.
231. Тарнавский Ю.Б. Срыва можно избежать: Неврозы, их лечение и профилактика / Ю.Б. Тарнавский. – М.: Медицина, 1990. – 139 с.
232. Титаренко В.Я. Семья и формирование личности / В.Я. Титаренко. – М.: Мысль, 1987. – 351 с.
233. Торре Делла А. Ошибки родителей / А. Торре Делла. – М.: Прогресс, 1993. – 133 с.
234. Трошина Е.Ю. Образы родителей как фактор детерминации и развития супружеских отношений мужчин и женщин: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / Трошина Екатерина Юрьевна; КГУ. – Курск, 2010. – 22 с.
235. Уинделл Дж. Дисциплина. 50 надежных способов воспитания детей / Дж. Уинделл. – М.: Авиценна, 1996. – 156 с.
236. Уотсон Д.Б. Психологический уход за ребенком / Д.Б. Уотсон. – М.: Работник просвещения, 1930. – 110 с.
237. Учимся общаться с ребенком: Руководство для воспитателя детского сада / В.А. Петровский [и др.]. – М.: Просвещение, 1993. – 190 с.
238. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе / Д.И. Фельдштейн. – М.: Педагогика, 1989. – 206 с.
239. Фрейджер Р. Личность: теории, эксперименты, упражнения / Р. Фрейджер, Д. Фейдимен. – СПб.: прайм–ЕВРОЗНАК; М.: ОЛМА–Пресс, 2004. – 608 с.
240. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
241. Франкл В. Доктор и душа / В. Франкл. – СПб.: Ювента, 1997. – 287 с.
242. Франкл В. Психотерапия на практике / В. Франкл. – СПб.: Ювента, 1999. – 256 с.
243. Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции / З. Фрейд. – М.: Наука, 1989а. – 456 с.
244. Фрейд З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М.: Просвещение, 1989б. – 448 с.
245. Фромм А. Азбука для родителей / А. Фромм. – М.: Астрель, 2003. – 349 с.

246. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990а. – 272 с.
247. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1990б. – 336 с.
248. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Республика, 1993. – 415 с.
249. Харламенкова Н.Е. Самоутверждение подростка / Н.Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 384 с.
250. Харламенкова Н.Е. Психологическая сепарация. Подходы, проблемы, механизмы / Н.Е. Харламенкова, Е.В. Кумыкова, А.К. Рубченко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. – 384 с.
251. Холл К. Теории личности / К. Холл, Г. Линдсей. – М.: КСП+, 1997. – 708 с.
252. Хоментаскас Г. Семья глазами ребенка / Г. Хоментаскас. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 186 с.
253. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 1997. – 620 с.
254. Черников А.В. Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики / А.В. Черников. – М.: Класс, 2001. – 202 с.
255. Шведовская А. А. Особенности переживания детско-родительских отношений и взаимодействие с родителями детей старшего дошкольного возраста: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Шведовская Анна Александровна; МГУ имени М.В.Ломоносова. – М., 2006. – 34 с.
256. Швырков В.Б. Системно-эволюционный подход к изучению мозга, психики и сознания / В.Б. Швырков // Психологический журнал. – 1988. – Т. 9. – № 1. – С. 132–148.
257. Шмелев А.Г. Тест-опросник 16ЛФ / А.Г. Шмелев, В.И. Похилько, А.С. Соловейчик // Практикум по психодиагностике: Психодиагностические материалы / ред. А.А. Бодалев и др. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – С. 17–42.
258. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 472 с.
259. Шэффер Д. Дети и подростки: психология развития / Д. Шэффер. – СПб.: Питер, 2003. – 976 с.
260. Эйдемиллер Э.Г. Семейная психотерапия / Э.Г. Эйдемиллер, В.С. Юстицкий. – Л.: Медицина, 1990. – 192 с.
261. Эйдемиллер Э.Г. Анализ семейных отношений у подростков при психопатиях, акцентуациях характера, неврозах и неврозоподобных состояниях / Э.Г. Эйдемиллер, В.С. Юстицкий. – Обнинск, 1992. – 23 с.
262. Эйдемиллер Э.Г. Методы семейной диагностики и психотерапии / Э.Г. Эйдемиллер. – М.: Фолиум, 1996. – 48 с.

263. Эйдемиллер Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб.: Питер, 2000. – 656 с.
264. Эллис А. Гуманистическая психотерапия: рационально-эмоциональный подход / А. Эллис. – СПб.: Сова, ЭКСМО–Пресс, 2002. – 272 с.
265. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогика, 1989. – 554 с.
266. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6-20.
267. Эриксон Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: ИТД «Летний сад», 2000. – 416 с.
268. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. – М.: Прогресс, 1996. – 334 с.
269. Юнг К. Избранные труды по аналитической психологии: В 3 т. / К. Юнг. – Цюрих, 1938. – Т. 3. – 645 с.
270. Юнг К. Архетип и символ / К. Юнг. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
271. Юнг К. Проблемы души нашего времени / К. Юнг. – М.: Прогресс, Универс, 1993. – 336 с.
272. Юнг К. Аналитическая психология / К. Юнг. – СПб.: МЦНКТИТ "Кентавр", 1994а. – 136 с.
273. Юнг К. Психология бессознательного / К. Юнг. – М.: Канон, 1994б. – 320 с.
274. Юнг К. Конфликты детской души. / К. Юнг. – М.: Канон, 1994в. – 336 с.
275. Юнг К. Психологические типы / К. Юнг. – М.: Университетская книга, 1996. – 716 с.
276. Юнг К. Тэвистокские лекции / К. Юнг. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 296 с.
277. Ягнюк К.В. Анатомия терапевтической коммуникации. Базовые навыки и техники / К.В. Ягнюк. – М.: Когито–Центр, 2014. – 163 с.
278. Якушенко А.В. Научные и обыденные представления о психической «норме и патологии» / А.В. Якушенко // Современные представления о психической норме и патологии: Психологический, клинический и социальный аспекты / отв. ред. Н.Л. Белопольская. – М.: Когито–Центр, 2015. – С. 34-40.
279. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков / М.В. Яремчук // Психологическая наука и образование. – 2005. – № 3. – С. 86–95.
280. Яремчук, М.В. Роль привязанности к родителям в формировании романтических отношений в старшем подростковом возрасте: дис. ...

- канд. психол. наук: 19.00.13 / Яремчук Мария Викторовна; МГУ имени М.В.Ломоносова; науч. рук. А.М. Прихожан. – М., 2006. – 282 с.
281. Adler A. The science of living / A. Adler. – New York: Meredith Press, 2007. – 264 p.
282. Adler A. The practice and theory of individual psychology / A. Adler. – IL.: Lushena Books, 2011. – 360 p.
283. Ainsworth, M.D.S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation / M.D.S. Ainsworth, M.C. Blehar, E. Waters, S. Wall. – Hillsdale, N.J., Erlbaum. 1978. – 392 p.
284. Baldwin A.L. Socialization and the parent-child relationship / A.L. Baldwin // Child development. – 1948. – 19(3). – P. 127–136.
285. Baldwin A.L. Patterns of parent behavior / A.L. Baldwin, J. Kalhorn, F.N. Breese // Psychological monographs. 1945. – 58(3). P. 1–75.
286. Barkley R.A. Attention deficit: Hyperactivity disorder: A handbook for diagnosis and treatment / R.A. Barkley. – New York: Guilford Press, 2006. – 770 p.
287. Baron R.A. Psychology / R.A. Baron. – Boston: Alyn & Bacon, 1995. – 728 p.
288. Baumrind D. Effects of authoritative parental control on child behavior // Child development. – 1966. – 37(4). – P. 887–907.
289. Baumrind D. Child care practices anteceding three patterns of preschool behavior / D. Baumrind // Genetic psychology monographs. – 1967. – 75(1). – P. 43–88.
290. Baumrind D. Current patterns of parental authority / D. Baumrind // Developmental psychology monographs. – 1971. – 4(1p2). – P. 1–30.
291. Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use / D. Baumrind // Journal of early adolescence. – 1991. – 11(1). – P. 56–95.
292. Bridgman R.P. Parent-child relationship and personality development // Childhood education. 1933. 9(7). P. 364–368.
293. Burmenskaya G.V. Child's attachment to mother as the basis of mental development typology / G.V. Burmenskaya // Psychology in Russia: State of the art. Scientific yearbook / Eds. Y. Zinchenko, V. Petrenko. – Moscow: Russian psychological society. – 2009. – P. 385–404
294. Campbel S.B. Early externalizing behavior problems: Toddlers and preschoolers at risk for later maladjustment / S.B. Campbel, D.S. Shaw, M. Gilliom // Development and psychopathology. – 2000. – 12(3). – P. 467– 488.
295. Carlson E.A. A Developmental investigation of inattentiveness and hyperactivity / E.A. Carlson, D. Jacobvitz, L.A. Sroufe // Child development.

- 1995. – 66(1). – P. 37–54.
296. Carlson N.R. Psychology: The science of behavior / N.R. Carlson, W. Buskist. – Boston: Allyn & Bacon, 1997. – 683 p.
297. Caspi A. Personality development: stability and change / A. Caspi, B.W. Roberts, R.L. Shiner // *The annual review of psychology*. – 2005. – 56(1). – P. 453–484.
298. Chalmers D. The conscious mind: In search of a fundamental theory / D. Chalmers. – New York: Oxford University Press, 1996. – 433 p.
299. Cobb N.J. Adolescence: Continuity, change, and diversity / N.J. Cobb. – New York: McGraw Hill, 2007. – 467 p.
300. Coleman J.C. Abnormal psychology and modern life / J.C. Coleman. – Glenview, Ill.: Scott, Foresman and Company, 1976. – 816 p.
301. Collins N.L. Attachment and caregiving in adult close relationships: normative processes and individual differences / N.L. Collins, B.C. Feeney // *Attachment & human development*. – 2013. – 15(3). – P. 241–245.
302. Coon D. Introduction to psychology / D. Coon. – Minneapolis: St. Paul, West publishing company, 1995. – 729 p.
303. Cooper C.R. Links between adolescents' relationships with their parents and peers: Models, evidence, and mechanisms / C.R. Cooper, R.G.Jr. Cooper // *Family–peer relationships: Modes of linkage* / Eds. R.D. Parke, G.W. Ladd. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. – P. 135–158.
304. Crowell J.A. Bowlby's theory grown up: The role of attachment in adult love relationships / J.A. Crowell, E. Waters // *Psychological inquiry*. – 1994. – 5(1). – P. 1–31.
305. Davey M. Resilience processes in adolescents: Personality profiles, self–worth, and coping / M. Davey, D.G. Eaker, L. Walters // *Journal of adolescent Research*. – 2002. – 18(4). – P. 347–362.
306. Davison G.C. Abnormal psychology / G.C. Davison, J.M. Neale. – New York: John Wiley & Sons, Inc., 1994. – 658 p.
307. Dictionary of behavior therapy techniques / Eds. A.S. Bellack, M. Hersen. – New York: Pergamon Press, 1985. – 235 p.
308. Feeney B.C., Thrush R.L. Relationship influences on exploration in adulthood: The characteristics and function of a secure base / B.C. Feeney, R.L. Thrush // *Journal of personality and social psychology*. – 2010. – 98(1). – P. 57–76.
309. Forehand R. Maternal and paternal parenting: critical dimensions in adolescent functioning / R. Forehand, S. Nousiainen // *Journal of family psychology*. – 1993. – 7(2). – P. 213–221.
310. Frankl V.E. Psychotherapy and existentialism: selected papers on logotherapy / V.E. Frankl. – New York: Washington Square Press, Inc., 1967. – 262 p.

311. Frankl V.E. The will to meaning: Foundations and applications of logotherapy / V.E. Frankl. – New York: New Amer. libr., 1970. – 181 p.
312. Frankl V.E. The doctor and the soul: from psychotherapy to logotherapy / V.E. Frankl. – New York: Penguin Random House LLC, 1986. – 352 p.
313. Freud S. Introductory lectures on psycho-analysis (pts. 1 & 2) / S. Freud // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud / Ed. & Trans. J. Strachey. – London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, 1963. – Vol. 15. – P. 1–242.
314. Freud S. Introductory lectures on psycho-analysis (pt. 3) / S. Freud // The standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud / Ed. & Trans. J. Strachey. – London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-Analysis, 1963. – Vol. 16. – P. 243–483.
315. Freud S. New introductory lectures on psycho-analysis and other works / S. Freud // The Standard edition of the complete psychological works of Sigmund Freud / Ed. & Trans. J. Strachey. – London: The Hogarth Press and the Institute of Psycho-analysis, 1964. – Vol. 21. – P. 1–184.
316. Fromm E. Fear of freedom / E. Fromm. – London: K. Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd., 1942. – 276 p.
317. Fromm E. Man for himself. An Inquiry into the psychology of ethics / E. Fromm. – New York: Rinehart and Co., 1947. – 280 p.
318. Fromm E. The heart of man: Its genius for good and evil / E. Fromm. – San Francisco: Harper & Row, 1964. – 168 p.
319. Fromm E. To Have or to be? / E. Fromm. – San Francisco: Harper & Row, 1976. – 199 p.
320. Fromm E. On being human / E. Fromm. – New York: Continuum, 1994. – 184 p.
321. Fromm E. Art of being / E. Fromm. – London: Bloomsbury Academic & Professional, 1994. – 144 p.
322. Galdiolo S. The transition to parenthood and development of parents' personality and emotional competencies / S. Galdiolo, I. Roskam // International review of sociology. – 2012. – 22(1). – P. 53–70.
323. Geuzaine C., Debry M., Liesens V. Separation from parents in late adolescence: the same for boys and girls? / C. Geuzaine, M. Debry, V. Liesens // Journal of youth and adolescence. – 2000. – 29(1). P. 79–91.
324. Grusec J.E. Social Development: history, theory and research / J.E. Grusec, H. Lytton. – New York: Springer-Verlag, 1988. – 564 p.
325. Grusec J.E. Handbook of socialization: Theory and research / J.E. Grusec, P.D. Hastings. – New York: Guilford Press, 2007. – 720 p.

326. Halgin R.P. *Abnormal psychology* / R.P. Halgin, S.K. Whitbourne. – Boston: Mc Graw Hill, 2010. – 481 p.
327. Hazan C. Romantic love conceptualized as an attachment process / C. Hazan, P.R. Shaver // *Journal of personality and social psychology*. – 1987. – 52(3). – P. 511–524.
328. Helson R. Personality change in adulthood / R. Helson, A. Stewart // *Can personality change?* / Eds. T.F. Heatherton, J.L. Weinberger. – Washington, DC: American Psychological Association, 1994. – P. 201–225.
329. Holmbeck G.A. A model of familial relational transformations during the transition to adolescence: Parent–adolescent conflict and adaptation / G.A. Holmbeck // *Transitions through adolescence* / Eds. J. Graber J., Brooks–Gunn A. – New Jersey: Erlbaum, 1996. – P. 167–199.
330. *International handbook of behavior modification and behavior therapy* / Eds. A.S. Bellack, M. Hersen, A.E. Kazdin. – New York: Plenum, 1982. – 1060 p.
331. Jacobsen T. A longitudinal study of the relations between representations of attachment in childhood and cognitive functioning in childhood and adolescence / T. Jacobsen, W. Edelstein, H. Volker // *Developmental psychology*. – 1994. – 30(1). – P. 112–124.
332. Kanner L. *Child psychiatry* / L. Kanner. – Springfield, Ill: C.C. Thomas, 1957. – 816 p.
333. Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Erich Fromm / Kapustin S.A. // *Psychology in Russia: State of the art*. – 2015. – 8(2). – P. 87–98.
334. Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Sigmund Freud and Alfred Adler / Kapustin S.A. // *Psychology in Russia: State of the art*. – 2015. – 8(3). – P. 4–16.
335. Kapustin S.A. An existential criterion for normal and abnormal personality in the works of Carl Jung and Carl Rogers / Kapustin S.A. // *Psychology in Russia: State of the art*. – 2016. – 9(2). P. 54–68.
336. Kapustin S.A. Using the existential criterion for assessing the personality of overprotective and overly demanding parents in the families of patients who have sought psychological counseling for parent-child problems / Kapustin S.A. // *Russian education and society*. – 2016. – 58(4). – P. 247–259.
337. Kapustin S.A. An existential criterion of normal and abnormal personality / Kapustin S.A. // *Book of Abstracts: XVI European Congress of Psychology (ECP 2019) (Moscow, Lomonosov Moscow State University, 2–5 July, 2019)*. – Moscow: Moscow University Press, 2019. – P. 665.

338. Kapustin S.A. An Existential Criterion for the normal and abnormal personality in the works of Viktor Frankl. Summary. *Psychology in Russia: State of the art.* – 2020. – 13(2). – P. 140–153.
339. Kins E. When the separation-individuation process goes awry: Distinguishing between dysfunctional dependence and dysfunctional independence / E. Kins, W. Beyers, B. Soenens // *International journal of behavioral development.* – 2013. – 37(1). – P. 1–12.
340. Kirk R. *Zombies and Consciousness* / R. Kirk. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 256 p.
341. Kitayama S. Independence, interdependence, and well-being: Divergent patterns in the United States and Japan / S. Kitayama, M. Karasawa, K.B. Curhan, C.D. Ryff, H.R. Markus // *Frontiers in psychology.* – 2010. – Vol. 1. – Art. 163. – P. 1–10.
342. Koepke S. Dynamics of identity development and separation–individuation in parent–child relationships during adolescence and emerging adulthood – A conceptual integration / S. Koepke, J.J.A. Denissen // *Developmental review.* – 2012. – 32(1). – P. 67–88.
343. Kruse J. Types of individuation in relation to parents: Predictors and outcomes / J. Kruse, S. Walper // *International journal of behavioral development.* – 2008. – 32(5). – P. 390–400.
344. Leonardi A. The relationship of parental attachment and psychological separation to the psychological functioning of young adults / A. Leonardi // *Journal of social psychology.* – 2000. – 140(4). – P. 451–456.
345. Levy D.M. *Maternal overprotection* / D.M. Levy. – New York: Columbia Univ. Press, 1943. – 182 p.
346. Maccoby E.E. Socialization in the context of the family: Parent-child interaction / Maccoby E.E., Martin J.A. // *Carmichael's manual of child psychology, vol. 4: Socialization, personality and social development* / Ed. P.H. Mussen. – New York: Wiley, 1983. – P. 1–102.
347. Mahoney M.J. *Abnormal psychology: perspectives on human variance* / M.J. Mahoney. – San Francisco: Harper & Row, 1980. – 616 p.
348. Marganski A.J. Adult attachment as a mediator/moderator to early experiences of family violence victimization on adult physically violent behavior: PhD dissertation / Alison J. Marganski; The State University of New Jersey; dir. Bonita M. Veysey. – New Jersey, 2010. – 176 p.
349. Marvin R.S. Normative development. The ontogeny of attachment / R.S. Marvin, P.A. Britner // *Handbook of attachment: Theory, research and clinical applications* / Eds. J. Cassidy, P.R. Shaver. – New York: Guilford Press, 1999. – P. 44–67.

350. Meeus W. Separation–individuation revisited: on the interplay of parent–adolescent relations, identity and emotional adjustment in adolescence / W. Meeus, J. Iedemab, G. Maassena, R. Engels // *Journal of adolescence*. – 2005. – 28(1). – P. 89–106.
351. Mikulincer M. The attachment behavioral system in adulthood: Activation, psychodynamics, and interpersonal processes / M. Mikulincer, P.R. Shaver // *Advances in experimental social psychology* / Ed. M.P. Zanna. – San Diego: Academic Press. – 2003. – P. 53–152.
352. Olweus D. Familial and temperamental determinants of aggressive behavior: A causal analysis / D. Olweus // *Developmental psychology*. – 1980. – 16(6). – P. 644–666.
353. Osofsky J.D. Relationships between neo–natal characteristics and mother–infant characteristics / J.D. Osofsky, B. Danzger // *Developmental psychology*. – 1974. – 10(1). – P. 124–130.
354. Parker J.G. Peer relationships, child development and adjustment: A developmental psychopathology perspective / J.G. Parker, K.H. Rubin, J.M. Price, M.E. De Rosier // *Developmental psychopathology: Risk, disorder, and adaptation*. / Eds. D. Cicchetti, D.J. Cohen. – New York: Wiley & Sons. 1995. – P. 96–161.
355. Pascuzzo K. Longitudinal association between adolescent attachment, adult romantic attachment, and emotion regulation strategies / K. Pascuzzo, C. Cyr, E. Moss // *Attachment & Human development*. – 2013. – 15(1). – P. 83–103.
356. Ponappa S. Connection to parents and healthy separation during adolescence: A longitudinal perspective / S. Ponappa, B. Bartle-Haring, R. Day // *Journal of adolescence*. – 2014. – 37(5). – P. 555–566.
357. Puklek M. Adolescent individuation in relation to parents and friends: Age and gender differences / M. Puklek // *European journal of developmental psychology*. – 2006. – 3(3). – P. 238–264.
358. Rholes W.S. Adult attachment and the transition to parenthood / W.S. Rholes, J.A. Simpson, L. Campbell, J. Grich // *Journal of personality and social psychology*. – 2001. – 81(3). – P. 421–435.
359. Roe A. Parent–child relations questionnaires / A. Roe, M. Siegelman // *Child development*. – 1963. – 34(2). – P. 355–369.
360. Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships as developed in the client–centered framework / C.R. Rogers // *Psychology: A study of a science* / Ed. S. Koch. – New York: McGraw Hill, 1959. – Vol. 3. – P. 184–256.
361. Rogers C.R. *Client–centered therapy* / C.R. Rogers. – Boston: Houghton Mifflin, 1965. – 560 p.

362. Rosen E. Abnormal psychology / E. Rosen, R.E. Fox, I. Gregory. – Philadelphia: W.B. Saunders Company, 1972. – 516 p.
363. Ryan R.M. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being / R.M. Ryan, E.L. Deci // American psychologist. – 2000. – 55(1). – P. 68–78.
364. Salmela-Aro K. Transition to parenthood and positive parenting: Longitudinal and intervention approaches / K. Salmela-Aro // European journal of developmental psychology. – 2012. – 9(1). – P. 21–32.
365. Sarason I.G. Abnormal psychology / I.G. Sarason, B.R. Sarason. – New Jersey: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1989. – 620 p.
366. Santrock J.W. Child Development / J.W. Santrock. – New York: McGraw Hill, 2013. – 656 p.
367. Schaefer E.S. A circumplex model for maternal behavior / E.S. Schaefer // The journal of abnormal and social psychology. – 1959. – 59(2). – P. 226–235.
368. Schultz D.R. Growth psychology: Models of the healthy personality / D.R. Schultz. – New York: Van Nostrand Reinhold Company, 1977. – 151 p.
369. Steinberg L. Adolescence / L. Steinberg. – New York: McGraw-Hill Education, 2017. – 564 p.
370. Sulloway F.J. Born to rebel: Birth order, family dynamics, and creative lives / F.J. Sulloway. – New York: Pantheon Books, 1996. – 680 p.
371. Watkins C.E. The separation-individuation process in psychotherapy supervision / C.E. Watkins // Psychotherapy theory, research, practice, training. – 1990. – 27(2). – P. 202–209.
372. White R.W. The Abnormal Personality / R.W. White, N.F. Watt. – New York: Wiley, 1981. – 816 p.